

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

2/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 30.10.2020 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 2/2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулгалимов А. Р.</i> Подведомственность и подсудность гражданских дел, возникающих из жилищных правоотношений	3
<i>Барбашова Н. В.</i> Активизация правотворчества в Донецкой Народной Республике в сфере административных правонарушений	10
<i>Гулина С. Н., Байша А. А.</i> Проблемы правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации	17
<i>Дербишева О. А.</i> Теоретические аспекты замены ненадлежащей стороны в делах о возмещении морального вреда в гражданском судопроизводстве	25
<i>Коростиенко Е. О.</i> Права и обязанности защитника в уголовном судопроизводстве	30
<i>Краснонос Е. Ю., Кудренко Е. А.</i> Деятельность органов юстиции и судебных органов на Донбассе в период советской правовой доктрины 20-30-х гг. XX в.	36
<i>Лещенко И. И., Шаповалова В. Д.</i> Концептуальные различия евразийства и специфика его критики	44
<i>Одегова Л. Ю., Рудь Ю. А.</i> Актуальные проблемы обеспечения права на образование и пути их решения: международно-правовой аспект	49
<i>Савченко А. А.</i> К вопросу о правовой основе регулирования заключения брака	59
<i>Соловьёва Ю. А.</i> Роль организации объединённых наций в борьбе с геноцидом	70
<i>Соловьёва Ю. А., Анушкевич С. А.</i> Международное преступление «агрессия» в современной доктрине международного права	77
<i>Сынкова Е. М., Беспалова Е. В.</i> Актуальные вопросы понятия терроризма	85
<i>Сынкова Е. М., Лебедь Н. А.</i> Основные этапы истории законодательного развития исковой давности	91
<i>Хоруженко К. А.</i> Правовое регулирование рекламной деятельности	98
<i>Шумаев Д. Г., Овинникова Р. В.</i> Очная ставка: историко-правовой аспект	104
Правила для авторов	111

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 2/2020

CONTENTS

<i>Abdulgalimov A.</i> Responsibility and judgment of civil cases arising from housing legal relations	3
<i>Barbashova N.</i> Activation of lawmaking in the Donetsk People's Republic in the sphere of administrative offenses	10
<i>Gulina S., Baisha A.</i> Problems of legal regulation of rights and freedoms of human and citizen in the conditions of digitalization	17
<i>Derbisheva O.</i> Theoretical aspects of substitution of the inappropriate party in cases on compensation for moral harm in civil proceedings	25
<i>Korostienko E.</i> Rights and obligations of the defender in criminal proceedings	30
<i>Krasnonosov E., Kudrenko E.</i> Activities of justice bodies and judicial bodies in Donbass during the period of soviet legal doctrine 20-30s XX century.	36
<i>Leshchenko I., Shapovalova V.</i> Conceptual differences of eurasism and specificity of its criticism	44
<i>Odegova L., Rud' Yu.</i> Topical problems of ensuring the right to education and ways of their solution: international legal aspect	49
<i>Savchenko A.</i> To the question about the legal basis for regulating the conclusion of marriage	59
<i>Solovyova Ju.</i> The role of the united nations in the combat against genocide	70
<i>Solovyova Ju., Anushkevich S.</i> International crime «aggression» in the modern doctrine of international law	77
<i>Synkova E., Bepalova E.</i> Topical issues of the concept of terrorism	85
<i>Synkova E., Lebed N.</i> Main stages in the history of legislative development of priority	91
<i>Khoruzhenko K.</i> The justice regulation of the advertisement activity	98
<i>Shumaev D., Ovinnikova R.</i> Confrontation: historical and legal aspect	104
Guidelines for authors	111

ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ И ПОДСУДНОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье произведен анализ таких процессуально-правовых категорий как «подведомственность» и «подсудность». Произведено исследование действующего процессуального законодательства Донецкой Народной Республики в аспекте регламентации положений о подведомственности и подсудности судам споров, возникающих из жилищных правоотношений.

Ключевые слова: подведомственность, подсудность, судебная защита, жилищные дела, компетенция, жилищные споры.

Право на жилище относится к наиболее значимым социальным правам и гарантируется Конституцией Донецкой Народной Республики (далее также – Конституция). Так, согласно статье 33 Конституции «каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище» [1].

Практика закрепления подобных правовых предписаний в основном законе характерна для множества развитых стран и находит свое отражение во многих основополагающих международных актах, предусматривающих признание прав и свобод человека.

Изложенное служит свидетельством признания государством и международной общественностью высокой роли жилища в жизнедеятельности каждого человека. Данный факт, в свою очередь, обуславливает возложение на государство обязанности по созданию условий для беспрепятственной реализации и защиты каждым гражданином своего права на жилище, в том числе и в рамках судопроизводства.

Согласно части 1 статьи 39 Конституции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данная конституционная гарантия распространяется и на весь комплекс жилищных прав, которыми обладает человек.

Порядок реализации указанной гарантии, а также верное разрешение того или иного жилищного спора неразрывно связано с такими правовыми категориями как «подведомственность» и «подсудность», что обуславливает актуальность и практическую значимость исследования данных процессуальных институтов.

Целью настоящей статьи является анализ таких правовых категорий как «подведомственность» и «подсудность», а также исследование действующего процессуального законодательства Донецкой Народной Республики в аспекте регламентации положений о подведомственности и подсудности судам споров, возникающих из жилищных правоотношений.

Уже устоявшимся является мнение о том, что жилищные споры представлены в судебном производстве как одна из самых многочисленных и сложных в разрешении категорий дел. Возникновение данной тенденции обусловлено особой природой жилищных споров, которая характеризуется многообразием оснований их возникновения, высокой социальной значимостью их непосредственного предмета (то или иное право на жилое помещение), а также многовариативностью субъектного состава. Кроме того, при их рассмотрении и разрешении возникает целый ряд непростых материально- и процессуально-правовых вопросов, вызванных в том числе фактом регулирования жилищных правоотношений различными по своей природе правовыми нормами, а также другими особенностями.

С учетом изложенного можно сформулировать тезис о том, что в сравнении с иными формами защиты, судебная защита жилищных прав представляется наиболее эффективной.

В юридической литературе существует несколько точек зрения по вопросу об определении понятия подведомственности:

- правовое понятие «подведомственность» происходит от слова «ведать» и означает в гражданском процессуальном праве предметную компетенцию судов, третейских судов, нотариата, органов по рассмотрению и разрешению трудовых споров, других органов государства и организаций, имеющих право рассматривать и разрешать отдельные правовые вопросы;

- подведомственность – круг дел, отнесенных к ведению того или иного органа;

- подведомственность – свойство дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными органами;

- подведомственность – относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и других дел к ведению различных государственных, общественных, смешанных (государственно-общественных) органов и третейских судов [2, с. 15].

Из указанных положений можно сделать вывод о том, что подведомственность, в понимании гражданского процессуального права, подразумевает под собой определенный круг правовых споров, разрешение которых отнесено к компетенции того или иного юрисдикционного органа. Анализируя соотношение понятия «подведомственность» со схожим по правовой природе процессуальным термином «юрисдикция» необходимо исходить из того, что подведомственность разграничивает полномочия юрисдикционных органов по рассмотрению правовых споров опираясь на объект соответствующего полномочия – то есть на характер и отличительные признаки категорий правовых споров. В свою очередь отправной точкой для определения юрисдикции служит субъект, наделенный полномочием по рассмотрению дела – уполномоченный юрисдикционный орган. Обе указанные процессуально-правовые категории служат для достижения единой цели – определения четкого разграничения полномочий субъектов, на которые возложена задача по разрешению правовых споров [3, с. 67–68].

К критериям разграничения подведомственности можно отнести: субъектный состав, характер материально-правового спора, указание в самом законе об отнесении дела к подведомственности тех или иных судов и другие, в зависимости от правовой ситуации [4, с. 13].

Применяя указанные критерии разграничения к жилищным спорам необходимо подчеркнуть, что в субъектный состав жилищного спора может входить любой участник жилищных правоотношений (физические и юридические лица, Донецкая Народная Республика и органы местного самоуправления). Анализируя правовой характер жилищного спора, следует указать, что основным его отличительным признаком является предмет – то или иное право на жилое помещение.

Рассматривая вопрос о нормативном закреплении предписаний о подведомственности судам споров, вытекающих из жилищных правоотношений, необходимо указать следующее.

Судебная защита жилищных прав осуществляется в рамках гражданского судопроизводства, в соответствии с подведомственностью дел, установленной Гражданским процессуальным кодексом Украины от 18 марта 2004 года № 1618-IV (в редакции от 2 марта 2014 года) (далее – ГПК). Действие на территории Донецкой Народной Республики ГПК обусловлено отсутствием собственного кодифицированного законодательного акта, регулирующего соответствующий круг правоотношений [5]. Правовое основание применения положений ГПК к возникающим в Донецкой Народной Республике общественным отношениям находит свое отражение в Конституции. Так, ч. 2 ст. 86 Конституции предусмотрено, что «законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики».

Согласно ч. 1 ст. 15 ГПК суды рассматривают в порядке гражданского судопроизводства дела о: защите нарушенных, непризнанных либо оспариваемых прав, свобод или интересов, которые возникают из гражданских, жилищных, земельных, трудовых отношений; других правоотношений, кроме случаев, когда рассмотрение таких дел производится по правилам иного судопроизводства.

Таким образом, ГПК определил границы судебной компетенции по рассмотрению гражданских дел.

Учитывая необходимость обеспечения адаптации предписаний ГПК под существующие правовые реалии и судебную систему Донецкой Народной Республики, 16 января 2019 года Приказом Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики №-80д был утвержден Временный порядок осуществления гражданского судопроизводства (далее – Временный порядок), которым устанавливается редакция, в которой подлежат применению те или иные положения ГПК; определяются правила определения подсудности дел, с учетом особенностей отечественной судебной системы и тому подобное [6].

В свою очередь, пунктом 5 Временного порядка предусмотрено, что районным, городским, межрайонным судам подведомственны гражданские дела по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных и иных правоотношений, публичных правоотношений, кроме споров, возникающих в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, подведомственных арбитражному суду.

Соответственно, споры, возникающие из жилищных правоотношений подведомственны районным, городским, межрайонным судам Донецкой Народной

Республики. При этом следует подчеркнуть, что при регламентировании в указанных нормативных правовых актах положений о подведомственности государство отдельно выделяет и прямо указывает на жилищные споры, как на самостоятельную категорию гражданских дел, что не прослеживалось в более раннем гражданско-процессуальном законодательстве – Гражданском процессуальном кодексе Украины от 18 июля 1963 года [7].

Рассматривая определение термина «подсудность» стоит указать, что он упоминается не только в ГПК, но и в тексте Основного закона. В частности, предписаниями ч. 1 ст. 40 Конституции установлено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Указанное конституционное право широко распространено в западных странах, и лишь недавно нашло свое отражение в плоскости отечественного конституционного права. Так, например, ст. 101 Основного закона Федеративной Республики Германия вышеупомянутое право излагается следующим образом: «Никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи» [8].

Для правильного применения норм гражданско-процессуального законодательства, при разрешении спора, вытекающего из жилищных правоотношений (равно как и при разрешении правовых споров иных категорий) верное определение подсудности имеет принципиальное значение.

Свидетельством данного факта может послужить статистика нарушений процессуального законодательства при вынесении судом определений, уже традиционно предполагающая достаточно высокий процент нарушений на стадии открытия производства по делу, при определении подсудности и подведомственности дел.

Определенный интерес в рамках настоящего исследования имеет вопрос соотношения понятий «подсудность» и «подведомственность».

В отличие от подведомственности, подсудность предполагает распределение полномочий по рассмотрению дел в более узком аспекте – в рамках отдельной подсистемы судов. Так, подсудность является процессуально-правовым институтом, позволяющим распределить подведомственные судам общей юрисдикции споры между различными судами, определить конкретный суд, к компетенции которого относится рассмотрение и разрешение того или иного дела.

В профильной практической литературе ориентированной на судейский корпус подчеркивается критическая необходимость первостепенного разрешения судьей, рассматривающим поступившее заявление, двух следующих вопросов: вопрос о том, подлежит ли заявление рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства; если отсутствуют обстоятельства, при наличии которых судья выносит определение об отказе в принятии заявления, и заявленное требование подведомственно судам, то необходимо ответить на вопрос о подсудности спора данному суду [9, с. 7–8].

По правилам общей территориальной подсудности исковое требование предъявляется в суд по месту проживания ответчика. Применительно к жилищным делам указанное правило используется в основном в том случае, если предметом жилищного спора являются права и законные интересы, косвенно связанные с правом

на жилое помещение (дела о взыскании платы за жилое помещение и коммунальные услуги, о возмещении убытков в связи с затоплением квартиры и т.п.) [10, с. 76].

Для верного разрешения жилищных споров, предметом которых являются права и обязанности непосредственно связанные с правами на жилое помещение важное значение имеют также положения об исключительной подсудности. Так, открывая производство по делу, возникшему из жилищных правоотношений, следует руководствоваться предписаниями абзаца второго пункта 7 Временного порядка, которым закреплено, что иски о правах на земельные участки, участки недр, здания, в том числе жилые и нежилые помещения, строения, сооружения, другие объекты, прочно связанные с землёй, а также об освобождении имущества из под ареста предъявляются в суд по месту нахождения этих объектов или арестованного имущества.

Например, решением районного суда были удовлетворены исковые требования гражданина: за ним признано право пользования жилым помещением. Однако при этом судья открыл производство по делу и вынес решение о признании права пользования на жилое помещение, месторасположение которого не подпадает под юрисдикцию указанного районного суда.

Соответствующее исковое заявление уже на стадии принятия решения об открытии производства по делу должно было быть возвращено истцу для направления в надлежащий суд (ст. 115 ГПК). ГПК за подобное нарушение предусматривает процессуальную санкцию – отмена соответствующего определения суда первой инстанции в апелляционном порядке (п. 5 ч. 1 ст. 293 ГПК).

Более того, в случае если нарушение правил о подсудности привело к неправильному разрешению дела, усматриваются все основания для отмены судебного решения, и соответственно, отказа в удовлетворении исковых требований истца (ч. 3 ст. 309 ГПК). Такое развитие событий нивелирует все осуществленные судом действия, и предполагает рассмотрение жилищного спора с самого начала, что можно считать одним из самых серьезных процессуальных последствий.

Во избежание подобных процессуальных ошибок правоприменителю целесообразно осуществить сбор информации относительно конкретного местонахождения спорного жилого помещения, и тем самым обеспечить точное установление подсудности жилищного дела. В данном аспекте полезными с процессуальной точки являются положения, закрепленные в пункте 9 Временного порядка. В частности, предусмотрено, что для определения подсудности в случае необходимости судья обращается к соответствующим органам относительно предоставления информации о месте нахождения имущества ответчика (физического или юридического лица) и о зарегистрированном в установленном законом порядке месте проживания (пребывания) ответчика-физического лица. Указанным пунктом также регламентированы порядок и форма направления соответствующего запроса в уполномоченные органы государственной власти.

Шерстюк В.М., разделяя мнение о необходимости неукоснительного соблюдения правил об исключительной подсудности по жилищным спорам, при этом подчеркивает, что применение исключительной подсудности по спорам о праве собственности на жилой дом не всегда оправдано. В первую очередь данный

тезис адресован к рассмотрению дел по спорам о праве собственности на жилой дом на основании норм наследственного права, и главным образом к таким, где ставится вопрос о признании недействительным свидетельства о праве на наследство, а если оно не выдано, то о признании недействительным завещания, например, по мотивам психического заболевания наследодателя. В частности, данным ученым-процессуалистом приводится мнение о том, что подобного рода споры должны рассматриваться по месту нахождения большинства доказательств (это может быть место жительства истца, ответчика или какое-либо другое место), так как при их разрешении наиболее важно выяснить вопрос о состоянии здоровья наследодателя в момент составления им завещания. В свою очередь, большинство доказательств может находиться и нередко находится по месту жительства истца или ответчика в зависимости от того, с кем из наследников проживал наследодатель в момент составления завещания. Именно здесь чаще всего проживают и свидетели, находятся письменные доказательства (история болезни и др.) [11, с. 20–21].

Подводя итоги проведенного научного исследования необходимо акцентировать внимание на критическую важность правильного понимания процессуальных правил подведомственности и подсудности, а также их корректного определения для верного разрешения жилищных споров, защиты жилищных прав граждан и реализации их конституционного права на рассмотрение их спора в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-parodnoj-respubliki/> (дата обращения: 11.10.2019). – Загл. с экрана.
2. Невоструев, А. Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учеб. пособие / А. Г. Невоструев. – М.: Статут, 2015. – 177 с.
3. Бессараб, Н. М. Юрисдикція та підсудність цивільних справ: дис. ... канд. юрид. наук: спеціальність 12.00.03 / Бессараб Наталя Миколаївна. – Одеса, 2015. – 208 с.
4. Егорова, О. А. Настольная книга судьи по жилищным делам: учебно-практическое пособие / О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2013. – 224 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 года № 1618-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 40-41, 42. – Ст. 492.
6. Об утверждении Временного порядка осуществления гражданского судопроизводства: Приказ Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 16 января 2019 года № 8-од / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/prikaz/ob-utverzhdenii-vremennogo-poryadka-osushchestvleniya-grazhdanskogo> (дата обращения: 11.10.2019) – Загл. с экрана.
7. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 июля 1963 года – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1501-06> (дата обращения: 11.10.2019) – Загл. с экрана.

8. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>. (дата обращения: 11.10.2019) – Загл. с экрана.
9. Настольная книга судьи по гражданским делам / под ред. Н. К. Толчеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 656 с.
10. Невоструев, А. Г. Подведомственность и подсудность отдельных категорий жилищных / А. Г. Невоструев // Реализация концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник статей. Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Институт права, социального управления и безопасности. – Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2015. – С. 63–78.
11. Шерстюк, В. М. Рассмотрение споров о праве на жилой дом / В. М. Шерстюк. – М.: Юридическая литература, 1988. – 128 с.

Поступила в редакцию 22.10.2020 г.

RESPONSIBILITY AND JUDGMENT OF CIVIL CASES ARISING FROM HOUSING LEGAL RELATIONS

The article analyzes such procedural and legal categories as «jurisdiction» and «jurisdiction». A study of the current procedural legislation of the Donetsk People's Republic was carried out in the aspect of regulating the provisions on jurisdiction and jurisdiction of the courts of disputes arising from housing legal relations.

Keywords: jurisdiction, jurisdiction, judicial protection, housing cases, competence, housing disputes.

Абдулгалимов Артур Рамазанович
аспирант юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: oktivian@mail.ru

Abdulgaliyov Artur
graduate student of the Faculty of Law
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: oktivian@mail.ru

УДК 342.42;349.6

Барбашова Н. В.

АКТИВИЗАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Становление Донецкой Народной Республики в качестве суверенного государства предполагает в качестве обязательного условия создание своей системы законодательства. В работе указаны сложности процесса правотворчества в Республике, связанные с необходимостью принятия значительного числа нормативных правовых актов, наследием предыдущей системы законодательства и естественной необходимостью гармонизации правовых норм с законодательством Российской Федерации. На примере разрабатываемого в республике Кодекса об административных правонарушениях предложена методика активизации правотворчества, заключающаяся в имплементации с учетом местных условий соответствующих норм КоАП Российской Федерации в специальные разделы разрабатываемых нормативных актов, которые впоследствии станут соответствующими статьями КоАП ДНР.

Ключевые слова: система законодательства, правотворчество, гармонизация правовых норм, интеграция, административные правонарушения.

Происходящий в настоящее время процесс становления Донецкой Народной Республики в качестве суверенного государства в естественно-историческом контексте требует формирования соответствующей системы права, в которой правотворчество выступает как завершающий этап правообразования. Как показывает опыт государственного строительства в «непризнанных самопровозглашенных» государствах на постсоветском пространстве (Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Луганской Народной Республики) создание собственной системы законодательства является важнейшим фактором закрепления их суверенитета.

Особенностью правотворчества во вновь образованных государствах является «нормативное наследие» законодательных систем бывших митрополий, из которых эти государства вышли, как правило, в процессе вооруженного конфликта. Для Донецкой Народной Республики таковым является законодательство Украины. Поскольку процесс создания собственного законодательства Республики представляется достаточно трудоемкой и длительной задачей, то в данном контексте видится обоснованным использование отдельных нормативных актов Украины на территории Республики в части, не противоречащей Конституции ДНР [1].

Отмечая имеющиеся трудности в формировании современной системы права на территории Республики нельзя не указать также на провозглашенный стратегический курс развития нашего государства в направлении политической и экономической интеграции с Российской Федерацией и другими государствами, входящими в

© Барбашова Н. В., 2020

Евразийский Экономический Союз. В этих условия законодательство Республики должно развиваться в направлении максимальной гармонизации с системой законодательства Российской Федерации и других стран-членов ЕАЭС. Нельзя не согласиться с мнением О. А. Ашуркова, В. А. Ковыршиной, М. С. Приходченко о том, что Донецкая Народная Республика в силу сложившихся обстоятельств была вынуждена активизировать процесс формирования собственной правовой базы, отличной от украинского законодательства и максимально адаптированной к российскому законодательству, что неизбежно привело к хаотичности и непоследовательности подготовки правовых норм [2, с. 134].

Данная проблема обнаруживается и при разработке Кодекса об административных правонарушениях, на что указано в Заключении Верховного Суда ДНР к проекту Кодекса Донецкой Народной Республики об административных правонарушениях [3]. Проведенный Верховным Судом анализ проекта, в частности, показал, что его положения основаны на предписаниях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] и в целом соответствует избранному курсу на гармонизацию отечественного законодательства с законодательством Российской Федерации. В то же время установлено, что проект содержит ряд критических недостатков, связанных, прежде всего, с недостаточной адаптацией положений российского законодательства к реалиям Донецкой Народной Республики, обусловленной спецификой осуществления государственной власти в Донецкой Народной Республике, отсутствием тех или иных законодательных актов, правовых институтов и т.п.

В настоящее время, в целях регулирования общественных отношений в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, а также гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, обеспечения принципа неотвратимости наказания на территории Донецкой Народной Республики, Советом Министров ДНР принято Постановление о применении на территории Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях, введенного в действие Постановлением Верховного Совета Украинской ССР от 07.12.1984 г. № 8074-10, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу от 19.11.2013 г. (основание – Закон Украины 693-VII от 19.11.2013 г.), до принятия Кодекса об административных правонарушениях Донецкой Народной Республики [5].

Внимание законодателя Донецкой Народной Республики к формированию одной из фундаментальных отраслей права – административного права, является одной из самых актуальных задач государственно-правовой деятельности. Как отмечает М. В. Костенников, административно-правовые нормы имеют огромное значение для всего общества в целом и для каждого человека в отдельности, поскольку в них представлена воля государства, выраженная через нормативные правовые акты его органов, касающиеся обеспечения прав и законных интересов граждан и хозяйствующих субъектов в сфере публичного управления. Нормы административного права выполняют огромную роль в регулировании, организации и функционировании государственного аппарата, обеспечивая посредством административных процедур и регламентов должное и своевременное определение позитивных общественных отношений в сфере государственного управления [6, с. 71].

Сегодня практически невозможно найти сферу общественных отношений, которая бы не осталась без административно-правового воздействия. Нормы административного права наиболее гибко и дифференцированно воздействуют на общественные отношения, упорядочивая и охраняя их. Одной из актуальных проблем современного административного права, является проблема административной ответственности, как в материальном, так и в процессуальном аспекте. Необходимо особо указать на значение института административной ответственности в механизме обеспечения правопорядка в период государственного строительства и формирования новой системы законодательства. В частности, в Донецкой Народной Республике это обусловлено не только появлением по сравнению с ранее существовавшими новых видов административных наказаний, но и с продолжающейся вооруженной агрессией Украины, направленной на захват территории Республики.

В Российской Федерации административная ответственность является, по сути, единственным видом публично-правовой ответственности, находящейся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Последнее представляется чрезвычайно важным в контексте стратегии развития Донецкой Народной Республики и реальными перспективами вхождения ее в состав Российской Федерации в качестве одного из субъектов.

В соответствии с КоАП РФ к административным правонарушениям относятся правонарушения: посягающие на права граждан, здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность; в области охраны собственности; в области охраны окружающей природной среды и природопользования; в промышленности, строительстве, энергетике; в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель; на транспорте и в области дорожного движения; в области связи и информации; в предпринимательской деятельности, в области финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, таможенного дела; посягающие на институты государственной власти; в области защиты Государственной границы РФ и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ; против порядка управления; посягающие на общественный порядок и общественную безопасность; в области воинского учета.

Разночтение КоАП РФ и действующей в ДНР редакции 2013 г. КоАП Украины проявляются уже в первых статьях, прописывающих задачи законодательства об административных правонарушениях, соответственно ст. 1.2 и ст. 1. В контексте дальнейшего изложения укажем на отсутствие в украинской редакции положений, предусматривающих охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиту общественной нравственности, охрану окружающей среды. Ниже рассмотрим ряд нормативных актов, содержащих экологизированные нормы, направленные на обеспечение экологической безопасности и охрану окружающей среды. Внимание к вопросам природоохранного характера продиктовано тем обстоятельством, что в настоящее время экологические нормы имеют высокий интеграционный потенциал вследствие имеющихся во многих государствах проблем с обеспечением экологической безопасности.

Следствием отсутствия соответствующих российскому законодательству норм в украинском варианте КоАП являются проблемы правотворчества в Донецкой Народной Республике в части гармонизации соответствующих нормативных актов.

Раскроем проблему на примере проекта Закона ДНР «О техническом регулировании». Принятие в Республике указанного закона представляется актуальным в контексте активизации международного сотрудничества в сфере технического регулирования, в том числе, в вопросах согласования требований безопасности, прописанных в соответствующих статьях нормативных правовых актов.

Технические регламенты принимаются в первую очередь в целях защиты жизни и здоровья граждан, охраны окружающей среды, защиты объектов флоры и фауны от угроз экологического характера, возникающих при осуществлении хозяйственной деятельности. Разработка и принятие технических регламентов представляется особенно важной задачей для сферы правового регулирования экологических отношений, поскольку основная цель экологического законодательства – обеспечение экологической безопасности человека, решается путем разработки соответствующих стандартов и нормативов допустимого негативного воздействия на окружающую среду.

Анализ проекта закона, данный Верховным Судом ДНР в «Заключении к проекту закона Донецкой Народной Республики «О техническом регулировании» № 818-КД» выявил целый ряд неточностей и неурегулированных вопросов, в том числе в сфере административной ответственности за нарушение требований технических регламентов.

Необходимо указать, что как сам проект Закона ДНР «О техническом регулировании», так и выполненное по нему Заключение Верховного Суда ДНР содержат принципиальные ошибки в части определения составов административных правонарушений в сфере технического регулирования, результатом которых является нарушение требований экологической безопасности и создание угроз человеку и окружающей среде. Использовать предписания статей Кодекса об административных правонарушениях, временно действующего на территории ДНР, не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, в указанном кодексе отсутствуют статьи, предусматривающие административную ответственность за нанесение вреда окружающей среде и здоровью человека, а во-вторых, использование положений одноименного российского закона «О техническом регулировании» делает логичным использование бланкетных норм именно российского Кодекса об административных правонарушениях.

В качестве примера, свидетельствующего о внимании российского законодателя к вопросу установления мер административной ответственности за нарушения требований технических регламентов, результатом которых стало создание угроз здоровью человека и окружающей среде, приведем ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ «Нарушение изготовителем, исполнителем, продавцом требований технических регламентов», согласно которой в случае причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, на виновных лиц предусмотрено наложение соответствующего правонарушению административного штрафа. Ответственность за аналогичные составы нарушения предусмотрены в целом ряде других норм КоАП РФ.

Отмеченное выше дает основание рекомендовать разработчикам Закона ДНР «О техническом регулировании» дополнить его специальным разделом, в котором были бы прописаны нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение требований технических регламентов, в том числе, результатом которых стало нанесение вреда окружающей среде и создание угроз экологического характера для здоровья и самой жизни человека. В частности, этот раздел должен содержать адаптированные к местным условиям нормы, прописанные в статьях 14.43-14.48 КоАП Российской Федерации.

В качестве другого примера рассмотрим соответствующие нормы в недавно принятом Водном Кодексе Донецкой Народной Республики [7]. Статьей 70 Кодекса предусматривается в зависимости от тяжести правонарушения гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность за нарушение водного законодательства. Поскольку Водный Кодекс ДНР адаптирован к соответствующему нормативному акту Российской Федерации, представляется нелогичным использовать нормы КоАП Украины (ред. 2013 г.) в части установления ответственности за нарушение водного законодательства. Правильным представляется включение в Водный Кодекс ДНР специального раздела «Об административной ответственности за нарушение водного законодательства», который включал бы адаптированные к местным условиям статьи 8.12-8.20 КоАП Российской Федерации.

В настоящее время в Профильном комитете Народного Совета ДНР по природопользованию, экологии, недрам и природным ресурсам ведется работа над проектом Лесного кодекса ДНР. Логичным представляется реализовать в разрабатываемом кодексе высказанные выше идеи об имплементации соответствующих норм об административной ответственности за нарушение лесного законодательства из КоАП РФ (8.5.2, 8.24-8.35) в специальный раздел Лесного кодекса.

Обоснованность сделанных в настоящей работе предложений подтверждается анализом Закона ДНР «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения» [8]. В указанном законе присутствует специальная Глава 6 «Ответственность за нарушение санитарного законодательства Донецкой Народной Республики», в статье 50 которой устанавливается административная ответственность и финансовые санкции за нарушение санитарного законодательства Донецкой Народной Республики. Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные виды правонарушений и виды наказаний имеют все признаки административно-правовой ответственности. Представляется логичным более глубоко разработать ст.ст. 50 и 51, расширить перечень административных наказаний не только в соответствии с российским законодательством, но и с учетом новаций законодательства ДНР в этой области. Речь идет о нормах закона ДНР «Об административной ответственности за нарушение требований, направленных на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции» [9]. Данный Закон устанавливает административную ответственность за нарушения санитарно-противоэпидемических норм и правил по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Сделанные в настоящей работе предложения по имплементации норм КоАП Российской Федерации в нормативные правовые акты Донецкой Народной Республики

с учетом административно-территориальной и государственно-управленческой специфики ДНР в качестве специальных разделов позволит не только гармонизировать указанные нормы с российским законодательством, но и ускорить работу по созданию Кодекса об административных правонарушениях Донецкой Народной Республики путем аддитивного включения их в текст Закона.

Другим позитивным моментом практической реализации такого подхода в правотворчестве, несомненно, явится ускоренное принятие других разрабатываемых в ДНР законов, которые уже не будут отягощены проблемой несоответствия правовых норм, содержащихся в украинском законодательстве.

Список источников

1. Ашурков, О. А. Перспективы формирования государственной регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности в ДНР / О. А. Ашурков, В. А. Кавыршина, М. С. Приходченко // Вестник института экономических исследований. – 2019. – № 3(15). – С. 134–148.
2. Заключение Верховного Суда ДНР к проекту Кодекса Донецкой Народной Республики об административных правонарушениях № 664-КД / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelnaya-iniciativa/zaklyucheniya/zaklyuchenie-k-proektu-kodeksa-doneckoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения: Закон Донецкой Народной Республики от 10.04.2015 № 40-ИНС / Официальный сайт Республиканской службы по тарифам Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rst-dnr.ru/documents/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-obespechenii-sanitarnogo-i-epidemicheskogo-blagopoluchiya-naseleniya-ot-10-04-2015-40-ins/> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.
4. Об административной ответственности за нарушение требований, направленных на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции: Закон Донецкой Народной Республики от 28.03.2020 г. № 147-ПНС (с изм., внесенными Законом от 04.05.2020 № 147-ПНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-administrativnoj-otvetstvennosti-za-narushenie-trebovanij-napravlennyh-na-protivodejstvie-rasprostraneniya-novoj-koronavirusnoj-infektsii/> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.
6. Костенников, М. В. К вопросу о некоторых актуальных проблемах административного права / М. В. Костенников // Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 4. – С. 71–95.
7. Водный Кодекс Донецкой Народной Республики № 99-ПНС от 07.02.2020 (ред. по сост. на 11.04.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/vodnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.

8. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 / ГИС НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02/> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.

9. О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27.02.2015 г. № 2-22 / ГИС НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-2-22-20150227/> (дата обращения: 06.11.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 08.11.2020 г.

ACTIVATION OF LAWMAKING IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN THE SPHERE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

The formation of the Donetsk People's Republic as a sovereign state presupposes the creation of its own system of legislation as a prerequisite. The paper points out the difficulties of the lawmaking process in the Republic, associated with the need to adopt a significant number of regulatory legal acts, the legacy of the previous system of legislation and the natural need to harmonize legal norms with the legislation of the Russian Federation. On the example of the Code of Administrative Offenses being developed in the republic, a methodology for enhancing lawmaking is proposed, which consists in the implementation, taking into account local conditions, of the relevant norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation into special sections of the normative acts being developed, which will later become the corresponding articles of the Code of Administrative Offenses of the DPR.

Keywords: legislative system, lawmaking, harmonization of legal norms, integration, administrative offenses.

Барбашова Наталья Владимировна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк,
E-mail: n.barbashova@mail.ru

Barbashova Natalya
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Financial and
Administrative Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: n.barbashova@mail.ru

УДК 340.13

Гулина С. Н.
Байша А. А.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В работе рассматриваются проблемы регулирования прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации по конституционному законодательству Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: цифровое право, права и свободы человека и гражданина, цифровизация, персональные данные, Интернет, цифровая эпоха, частная жизнь

Законодательство всех государств мира должно соответствовать всем требованиям, которые предъявляются мировыми стандартами: оно должно быть актуальным, защищать права и свободы человека и гражданина, которые проживают на той или иной территории, устанавливать правопорядок и отвечать всем нормам морали, закреплять важнейшие принципы государственного управления.

Весь мир, в связи с последними достижениями научно-технической революции вступил в новую эпоху, которую именуют как цифровая эпоха. Безусловно, необходимо вносить изменения в законодательство, так как не все общественные отношения регулируются нормами права.

Появляются все новые объекты права такие как, например, крипто валюты, вещи, созданные посредством цифровых технологий.

Наиболее остро стоит проблема регулирования прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации, так как данное явление оказывает серьезное влияние на фундаментальные права человека.

Существует ряд нормативно правовых актов, которые закрепляют защиту основных прав и свобод человека и гражданина, информации, информационно-коммуникационных технологий, деятельность на просторах Интернета. К данным нормативным актам можно отнести: Окинавскую хартию Глобального информационного общества, которая была принята 21 июля 2000 года главами государств и правительств, Конвенцию по борьбе с киберпреступностью 2001 г., принятую в Будапеште, Конституцию Донецкой Народной Республики, Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» от 7 августа 2015 года, Гражданский кодекс ДНР и др.

Рассматривая Окинавскую хартию Глобального информационного общества можно выделить, что в данном источнике закреплено важнейшее право на общедоступность информационно-коммуникационных технологий. Так же закреплена устойчивость глобального информационного общества, основанная на стимулирующих

развитие человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей.

По данной хартии главы государств договорились о политическом курсе, основной идеей которой является проведение экономических и структурных реформ в целях создания обстановки открытости, эффективности, конкуренции и использования нововведений. Приоритетным направлением данного акта является задача ликвидировать международный разрыв в области информации и знаний.

Конвенция по борьбе с киберпреступностью, является первым в истории международным соглашением по юридическим и процедурным аспектам расследования и криминального преследования киберпреступлений.

Проанализировав акт можно выделить выработанную общую позицию по вопросу деяний, связанных с использованием компьютерных систем должны быть выделены как противоправные.

Во-первых, такие действия считаются преступными и допускают применение силы, необходимой для эффективной борьбы с ними, а также мероприятий, необходимых для обнаружения, расследования и судебного преследования таких преступлений, как внутри государства, так и на международном уровне.

Во-вторых, принятие в Конвенции статьи – «Поиск и конфискация сохраненных компьютерных данных» дают возможность одной стороне добиться сохранения важной информации необходимой для расследования преступления, которая находится в юрисдикции другой стороны. Национальное законодательство многих стран разрешает правоохранительным или судебным органам издавать распоряжение, касающееся сбора данных информационного обмена.

Важным является положение акта, которое дает возможность принимать законодательные и другие меры, уполномочивающие ее компетентные власти конфисковать или подобным образом обезопасить от уничтожения данные, которые имеются у провайдера и необходимы для расследования.

Обращаясь к национальному законодательству об информации подчеркнем, что принципами правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом, установление ограничений доступа к информации законодательством Донецкой Народной Республики, открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных законодательством Донецкой Народной Республики [1].

Можно в дополнение к другим принципам отнести обеспечение безопасности Донецкой Народной Республики при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации, достоверность информации и своевременность ее предоставления, неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия, недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных

технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена законодательством Донецкой Народной Республики.

В повседневной жизни цифровые технологии ослабляют защиту личной частной жизни на массовом уровне. Однако, в Конституции Донецкой Народной Республики в статье 16 прописано о том, что как демократическое, правовое, социальное государство оно защищает тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и ограничение данного права допускается только на основании судебного решения. Стоит отметить, что в Конституции ДНР не в полной мере закреплены цифровые права, необходимо точнее обозначить правовой статус личности в Интернете[2].

Цифровые права включают в себя широкий спектр прав таких как: право доступа к всевозможным сетевым, коммуникационным ресурсам, электронным технологиям, право на защиту персональных данных, право на анонимность, право на свободную передачу и распространение информации.

Цифровое право может удостоверить права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права. Материализация данных имущественных прав осуществляется электронными средствами в информационной системе. Объектами цифровых прав не признаются неотчуждаемые и непередаваемые нематериальные блага. Таким образом, цифровые права хоть и названы в законе в качестве особого объекта гражданских прав, фактически они будут лишь удостоверить права на привычные нам объекты гражданских прав. Это, безусловно, можно считать плюсом с точки зрения фискального интереса государства, поскольку подразумевается применение к цифровым правам и сделкам с ними существующих правил налогообложения.

Существует ряд исследователей, которые критикуют и негативно относятся к нововведениям яркий пример Тим Бернерс-Ли, известный как создатель принципов интернет-коммуникаций, подверг критике собственное изобретение в день его 30-летия. В своем открытом письме он утверждал, что Сеть, создававшаяся как инструмент для облегчения жизни, сейчас несет больше негатива. Огромные толпы интернет-мошенников, глобальные СМИ и информационные площадки, которые управляют сознанием масс, анонимные провокаторы – только несколько примеров зла, обитающего в дебрях Всемирной паутины.

Он выделил три источника зла в Интернете:

- спонсируемые государствами хакерские атаки, другие примеры злонамеренного поведения;
- главенство бизнеса над интересами отдельного пользователя, отсюда манипуляции личными данными ради увеличения дохода;
- кликбейт и распространение вирусным путем ложной информации с целью манипулирования пользователями. Онлайн-общение (точнее, его «темная сторона», сеющая ненависть и навязывающая чужие мнения).

Следует отметить, что сам термин «цифровые права» (англ. digital rights) используется в иностранной литературе для обозначения прав человека в цифровом

пространстве. По мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькина, «под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации».

Законодатель закрепил норму, в соответствии с которой обязательственные и иные права могут создаваться и обращаться в качестве цифровых прав только в случае прямого указания на это закона, то есть «перевести в цифру» можно будет не все права, а только те, которые разрешит закон.

Аналогичная конструкция содержится в п. 2 ст. 179 ГК ДНР относительно ценных бумаг, а именно: «Ценными бумагами являются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке». Таким образом, представляется возможным говорить о том, что определение цифровых прав было сформулировано по модели описания ценной бумаги.

Как правило цифровые права называют еще интернет-права и необходимо определить понятие интернет как категорию. Интернет-пространство традиционно определяется и характеризуется как «виртуальное». Виртуальное – значит, существующее как-бы. Оно есть и его нет в реальной жизни. Нельзя потрогать, приватизировать, изменить. Все действия совершаются посредством манипулирования мышкой и клавиатурой. Однако есть последствия, которые не только идентичны реальным, но и превосходят их по масштабам. Исходя из последствий правильно говорить об альтернативном пространстве – существующем одновременно с реальным, но имеющем другие признаки и характеристики.

Интернет позволяет масштабировать (мультиплицировать) гражданские активности, привлекая ресурсы со всего мира.

Мультиплицирование – это накопление изменений, существование каждого из которых практически не оказывает какого-либо эффекта, но в сумме приводит к глобальным и качественным изменениям. Мультипликация может быть линейной и межотраслевой.

На современном этапе Google, Microsoft, Facebook располагают персональной информацией миллионов человек.

Как целенаправленное, так и массовое наблюдение за частными лицами и организациями, осуществляемое посредством технологических систем, стало все более актуальной проблемой.

В Европейский суд по правам человека поступает много жалоб на нарушения ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и ст. 10 (право на свободу выражения мнения) Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Это и использование электронных средств (например, GPS) для слежки, отслеживание электронной переписки, вторжение в работу интернет-сайтов, в телефонную связь,

массовое внедрение видеокамер (вплоть до общественных туалетов), бессрочное хранение в электронных банках данных отпечатков пальцев, образцов клеток, материалов ДНК.

Рассматривая судебную практику наиболее авторитетного суда мира за период с 2013 по 2015 годы можно выделить такие жалобы как различные типы ограничительных мер, в том числе, когда заблокированный IP-адрес был предоставлен нескольким сайтам, включая целевой, и когда весь веб-сайт был заблокирован из-за одной страницы или файла. Все лица заявили о нарушении статей 10 (выражение мнения) и 13 (эффективное средство правовой защиты) Конвенции.

Рассмотрим наиболее интересное на наш взгляд судебное решение ЕСПЧ по делу о «Каблис против России» жалоба №№ 48310/16 и 59663/17. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) удовлетворил жалобу активиста Григория Каблиса, чью страницу в соцсети «ВКонтакте» заблокировали из-за записи о несогласованном митинге. Об этом говорится на сайте суда [3].

В решении ЕСПЧ указывается, что Россия должна выплатить Каблису компенсацию в размере €12,5 тысяч, а также возместить судебные издержки в размере €2,5 тысяч. Суд вынес решение о том, что блокировка аккаунта личной страницы пользователя «ВКонтакте» из-за призывов прийти на митинг нарушает свободу слова. Статьи Конвенции о защите прав человека также были нарушены в связи с отказом российских судов отменить решение о блокировке.

В 2015 году Каблис предложил жителям Сыктывкара собраться, чтобы обсудить задержание главы Коми Вячеслава Гайзера и других членов правительства региона. Местные власти отказали ему в проведении митинга в центре города. Но Каблис написал на своей странице в соцсети «ВКонтакте», что хочет провести народный сход граждан. После этого его аккаунт был заблокирован по требованию прокуратуры. Ведомство посчитало его сообщение призывом к несанкционированной акции протеста.

В ряде дел Европейский суд установил нарушения Конвенции ввиду непринятия властями государства-ответчика необходимых законодательных мер по защите общественной морали и прав других лиц, например, в таких как:

«K.U. против Финляндии» (K.U. v. Finland) (Постановление от 2 декабря 2008 г.) в связи с отсутствием в законодательстве мер по охране прав несовершеннолетних (интернет-провайдер, ссылаясь на конфиденциальность такой информации, охраняемой законом, отказался предоставить информацию о сайте знакомств и оказании интимных услуг, на котором было дано объявление предположительно от имени подростка) Суд пришел к выводу о нарушении статьи 8 Конвенции (право на уважение семейной и частной жизни);

«Редакция газеты «Правое дело» и Штекель против Украины» (Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel v. Ukraine) (Постановление от 5 мая 2011 г., жалоба № 33014/05), в котором привлечение к ответственности журналистов, писавших о коррумпированности местных чиновников на основе информации, полученной через Интернет, Суд посчитал нарушением статьи 10 Конвенции (право на свободу выражения мнения) ввиду отсутствия в национальном законодательстве правовых положений об использовании интернет-информации [4].

Перечислив все вышеизложенные факты, проанализировав судебные решения по данной тематике, авторами был сделан вывод о том, что в век цифровой реальности еще больше необходимо соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Важно не допускать таких ситуаций, в которых люди с помощью информационно-коммуникационных технологий совершали противоправные деяния и оставались безнаказанными только из-за того, что это вне правовом поле.

В последние десятилетия главы государств, как в Российской Федерации, так и за рубежом вводят программы, которые помогают внедрять все новые и новые информационно-коммуникационные технологии. В 2017 году правительство утвердило программу «Цифровая экономика РФ» сроком до 2024 года. Документ со ссылкой на Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы определяет цифровую экономику как «хозяйственную деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные в цифровом виде...» [5].

Немногим позже была опубликована Доктрина информационной безопасности, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Данная Доктрина сформирована для обеспечения национальной безопасности государства в эпоху информационных изменений [6].

Обновилась и Стратегия развития информационного общества, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203. В отличие от предыдущей Стратегии, приоритетом выступает формирование системы, которая позволит обеспечить эффективную и своевременную передачу достоверной информации между элементами информационного общества, которыми выступают: граждане, организации и госструктуры [5].

Ознакомившись с международными соглашениями, законами, подзаконными актами, распоряжениями глав государств, постановлениями правительств, которые определяют государственную политику в сфере цифровой реальности становится ясным, что уже в ближайшем времени будут внедряться: автоматический сбор и анализ данных, индустриальные IoT сенсоры, объединенные платформы управления предприятиями, системы машинного обучения для принятия оптимальных решений. Такая тенденция наблюдается как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

На практике, в связи с распространением новой коронавирусной инфекцией все граждане государств в полной мере ощутили, что цифровизация привела к заметному улучшению перемены жизненного уклада населения. Все то, что двадцать лет назад казалось нереальным: покупка жизненно необходимых продуктов питания, лекарственных средств, одежды, стала возможна через интернет пространство, проведение митингов, собраний через специальные платформы, внедрилось дистанционное обучение в школьных, высших учебных заведениях все вышеперечисленное стало реальностью. Благодаря именно цифровой реальности в сложной эпидемиологической ситуации на всем земном шаре жизнь людей не остановилась, она продолжилась, старшее поколение работало, младшее обучались.

Цифровая реальность, вопреки спорам ведущих ученых разных областей, не может быть хорошей или плохой, это просто инструмент, важно чтобы законодательство распространялось на все сферы деятельности цифровой реальности.

Данную сферу необходимо регулировать и нормами гражданского права, уголовного, конституционного, административного права. В связи с этим, по мнению авторов, вполне логично было бы выделить отдельную отрасль права, цифровое право, в которую вошли бы все нормы права, которые будут регламентировать преступные деяния на просторах интернета, ведь наука, вместе со всеми научными достижениями не стоит на месте, постоянно развиваясь и государство как инструмент воздействия на общество должно быть готово к наступлению новой эпохи.

Подводя итог, следует отметить, что действующее законодательство о информации как на территории Донецкой Народной Республике так и по всему миру, в том числе подзаконные акты, а также сама правоприменительная практика, как особая форма реализации правовых норм, все еще далеки от совершенства. Поэтому исходной задачей для законодательного органа и уполномоченных органов в области цифрового права должна стать политика реализации конституционно-правовых норм в области информационного-коммуникационных технологий путем их унификации с международными стандартами.

Следует систематизировать все уже имеющиеся нормативно правовые акты по данной тематике, принимая во внимание опыт зарубежных стран, учитывая международные конвенции, и объединить в единый кодекс, который регулировал бы все общественные отношения, связанные с новыми объектами гражданских прав – цифровых прав.

Список источников

1. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 7 августа 2015 года № 13-ІНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-ob-obrashheniyah-grazhdan/> (дата обращения: 01.06.2020). – Загл. с экрана.
2. Конституция Донецкой Народной Республики (утв. Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года № 1-1) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.06.2020). – Загл. с экрана.
3. Обзор практики см. в тематической подборке Европейского суда: New technologies. March 2019 / Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://european-court-help.ru/obzor-naibolee-interesnykh-reshenii-espch-2019-goda/> (дата обращения: 06.06.2020). – Загл. с экрана.
4. Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2016. – № 6(30).
5. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&dst=1000000001%2C0#07791909015723726> (дата обращения: 08.06.2020). – Загл. с экрана.
6. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. – 12.12.2016. – № 50. – Ст. 7074.

Поступила в редакцию 28.06.2020 г.

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RIGHTS AND FREEDOMS
OF HUMAN AND CITIZEN IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION**

The paper deals with the problems of regulation of human and civil rights and freedoms in the context of digitalization according to the constitutional legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: digital law, human and civil rights and freedoms, digitalization, personal data, Internet, digital age, private life.

Гулина Светлана Николаевна
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Gulina Svetlana
Senior lecturer of the department criminal law
and process of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sng.nauka@gmail.com

Байша Алина Александровна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: natali-baisha@mail.ru

Baisha Alina
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: natali-baisha@mail.ru

УДК 347.1

Дербишева О. А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАМЕНЫ НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ СТОРОНЫ В ДЕЛАХ О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях активного совершенствования законодательной базы Донецкой Народной Республики первоочередным является соблюдение всех конституционных, отраслевых и межотраслевых принципов судопроизводства во всех процессуальных отраслях права. Это касается и гражданского судопроизводства. Особого внимания заслуживает вопрос замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве в делах о возмещении морального вреда. В статье исследуется дефиниция понятия морального вреда при замене ненадлежащей стороны и выделяются условия совершения этого процессуального действия.

Ключевые слова: моральный вред, ненадлежащая сторона; надлежащая сторона; замена ненадлежащей стороны; суд.

Обстоятельства и события, которые могут нанести моральный вред гражданину, весьма разнообразны. Однако в каждом конкретном случае суд должен учитывать конкретные обстоятельства, которые, по его мнению, имеют существенное значение для рассмотрения гражданского дела.

Замена ненадлежащего ответчика в рамках гражданского процессуального законодательства является довольно значимым институтом. Кроме того, в правоприменительной практике возникают определенного рода проблемы в отношении дел о возмещении морально вреда. Наше исследование посвящено рассмотрению особенностей замены ненадлежащего ответчика в делах о возмещении морального вреда.

Ученые-процессуалисты уделяют ведущее внимание проблеме замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве. Этот вопрос разбирался А.Ю. Карась, А.Ю. Назинцевой, В.Е. Телипко и другими.

Целью настоящего исследования является формулирование научно-практических предложений и рекомендаций по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) на основании комплексного анализа теоретических и практических проблем института замены ненадлежащего ответчика в делах о возмещении морального вреда.

Рассматривая вопрос об особенностях замены ненадлежащего ответчика в делах о возмещении морально вреда, необходимо обратить внимание на правовое регулирование данного института права. В настоящее время институт замены ненадлежащего ответчика регулируется нормативно-правовой базой Украины, что закреплено Постановлением Совета Министров ДНР «О применении Законов на

© Дербишева О. А., 2020

территории Донецкой Народной Республики в переходный период» № 9-10 от 02.06.2014 г. [1].

Соответственно, порядок гражданского судопроизводства регулируется Гражданским процессуальным кодексом Украины (далее – ГПК Украины), который действует на территории ДНР по состоянию до 14 мая 2014 года. Кроме того, необходимо отметить Приказ Верховного суда ДНР, утверждающего Порядок 3-од от 09.01.2015 г., который регулирует общественные отношения в целях обеспечения единства практики применения судами ДНР процессуального законодательства при рассмотрении дел до принятия соответствующих нормативных правовых актов [2].

Так, действующая на территории Донецкой Народной Республики Глава 4 ГПК Украины регламентирует положение участников гражданского процесса. Согласно ч. 1 ст. 33 ГПК Украины суд по ходатайству истца, не прекращая рассмотрения дела, заменяет первоначального ответчика надлежащим ответчиком, если иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, или привлекает к участию в деле другое лицо в качестве соответчика [3].

По мнению В. Е. Телипко, надлежащими являются стороны, которые есть субъектами спорных правоотношений. В свою очередь, надлежащим является ответчик, который действительно является субъектом нарушенного, оспариваемого или непризнанного материального правоотношения. Принадлежность ответчика определяется, прежде всего, по нормам материального права. Следовательно, ненадлежащим ответчиком является лицо, которое не должно отвечать в рамках предъявленного иска [4, с. 82].

Согласно ч. 2 ст. 33 ГПК Украины после замены ответчика или привлечения к участию в деле соответчика дело по ходатайству нового ответчика или привлеченного соответчика рассматривается сначала [3].

Вследствие этого, если дело начинает рассматриваться сначала в судебном порядке после замены ответчика, то равным образом все имеющиеся доказательства в деле следует исследовать заново. Ходатайство не могут быть оставлены без внимания со стороны суда. В то время как суд в обязательном порядке начинает рассмотрение гражданского дела с начала. В свою очередь институт морального вреда нормативно закреплен в Гражданском кодексе ДНР (далее ГК ДНР). В соответствии с ч. 1 ст. 196 ГК ДНР если физическому лицу причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие физическому лицу нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда [5].

По мнению Назинцевой А. Ю. под моральным вредом следует понимать потери неимущественного характера вследствие моральных или физических страданий или иных негативных явлений, причиненных физическому или юридическому лицу незаконными действиями или бездействиями других лиц [6, с. 43].

Следует обратить внимание, что особенности замены ненадлежащего ответчика по делам о возмещении морального вреда сочетают в себе положения процессуального и материального гражданского права. В этих случаях возникают проблемы определения размера компенсации морального вреда и доказывания.

Имеет смысл согласиться со взглядами А. Ю. Назинцевой, которая считает, что в действующее законодательство которое регулирует порядок возмещении морального вреда необходимо внести ряд дополнения.

Первое, суду необходимо прибегать к помощи психологов-экспертов при вынесении решения по делу, чтобы установить психоэмоциональное состояние лица. Второе, определить размер суммы компенсации морального вреда, являющуюся базисом, на которой суд может основываться.

Эта сумма должна быть закреплена в законе, чтобы обеспечить единообразное применение судами норм права. Третье, нужно признать прямой обязанностью истца представить в судебное заседание доказательства, подтверждающие все факты, на которые он ссылается в обоснование суммы компенсации морального вреда [6, с. 43–44].

В контексте настоящего исследования, прежде всего, необходимо согласиться с мнением А. Ю. Назинцевой, а также отметить следующее. Несомненно, взыскание морального вреда представляет собой своеобразную и многоаспектную категорию дел. Вместе с тем, замена ненадлежащего ответчика в отдельно взятой категории гражданских дел со стороны судьи должна быть максимально мотивированной, основываться на доказательствах по делу и на его внутреннем убеждении. В противном случае, возмещение морального вреда будет происходить со стороны ненадлежащего ответчика.

Рассматривая субъектов данной категории дел, принято считать, что надлежащим ответчиком является нарушитель нематериального блага истца, то есть лицо, причинившее моральный вред истцу. В то же время надлежащим истцом по данной категории дел является физическое лицо, которому причинен моральный вред вследствие всевозможных повреждений.

Следует иметь в виду, что в действующем законодательстве ДНР не предусмотрена процедура повторной замены, равно как и процедура возвращения надлежащего ответчика в гражданский процесс.

Дословное толкование соответствующих норм гражданского процессуального законодательства дает основания понимать, что в ходе судебного процесса возможна только одна замена ненадлежащего ответчика. Так же вполне реалистичная ситуация, когда в результате судебной ошибки, ненадлежащий ответчик, заменяется другим ненадлежащим ответчиком.

Вопрос о замене ненадлежащего ответчика решается в ситуации, когда ненадлежащий ответчик уже выбывает из гражданского процесса, а надлежащий ответчик еще в него не вступил, а также не может возражать против своего привлечения. Оно может проводиться путем приведения доводов о том, что он не является лицом, обязанным отвечать по предъявленному иску.

Поэтому необходимо признать приемлемой ситуацию, при которой суд, соблюдая установленные законом условия, произвел бы вторичную замену ненадлежащего ответчика, ошибочно вовлеченного в процесс [7, с. 58].

Однако, компенсация морального вреда является компенсацией, которая возмещается единовременно. Если ошибка такого типа допущена, повторная компенсация не допускается.

Внесение изменений в законодательство ДНР по поводу особенностей замены ненадлежащего ответчика в делах о возмещении морального вреда будет направлено на справедливое, непредубежденное и своевременное рассмотрение и решение гражданских дел.

Подводя итог вышесказанному, стоит внести предложения по совершенствованию действующего гражданского и гражданского процессуального законодательства ДНР. Прежде всего, законодательное закрепление в ст. 33 ГПК Украины возможности замены одного ненадлежащего ответчика на надлежащего ответчика нуждается в толковании указанной статьи гражданского процессуального нормативного правового акта.

Представляется целесообразным разработать постановление Пленума Верховного Суда ДНР, которое непосредственно давало бы толкование судам относительно единородного применения норм статьи 33 Гражданского процессуального кодекса Украины. В то же время, хотя Постановление Пленума Верховного суда ДНР не является нормативным правовым актом, оно, тем не менее, носит вспомогательный характер для всей правовой системы ДНР. Соответствующее толкование гражданского законодательства позволит правильно применять нормы как материального, так и процессуального права, в том числе при замене ненадлежащего ответчика в делах о возмещении морального вреда.

Отдельные пункты предлагаемого Постановления Пленума Верховного Суда ДНР следует посвятить такому обстоятельству, при котором при рассмотрении категории дел о возмещении морального вреда возможна только одна замена ненадлежащего ответчика. Таким образом, при рассмотрении судом гражданского дела о возмещении морального вреда могла быть допущена ошибка при замене ненадлежащего ответчика.

Разработка Постановления Пленума Верховного суда ДНР о практике применения закона о возмещении морального ущерба позволит обеспечить замену ненадлежащего ответчика по делам о возмещении морального вреда в судах в едином порядке.

Список источников

1. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.07.2014 г. / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/> (дата обращения: 23.12.2019). – Загл. с экрана.
2. Приказ Верховного суда ДНР, утверждающего Порядок 3-од от 09.01.2015 г. / Официальный сайт Ворошиловского суда города Донецка Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voroshilovskiysud.ru/docum/2016-02-23/prikaz-verkhovnogo-suda-dnr-3-od-09-01-2015-ob-utverzhdenii-vrem> (дата обращения: 01.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Закон от 18.03.2004 № 1618-IV // Сведения Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 40–41, 42. – Ст. 492.
4. Телипко, В. Е. Научно-практический комментарий Гражданского процессуального кодекса Украины: учебное пособие / В. Е. Телипко. – К., 2006. – 344 с.

5. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС 13.12.2019 (принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 г.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.10.2020). – Загл. с экрана.
6. Назинцева, А. Ю. Проблемы доказывания и определения размера компенсации морального вреда / А. Ю. Назинцева // Актуальные проблемы права. – 2013. – № 1. – С. 42–45.
7. Карась, А. Ю. К вопросу замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе / А. Ю. Карась // Научные стремления. – 2015. – № 14. – С. 57–59.

Поступила в редакцию 11.11.2020 г.

THEORETICAL ASPECTS OF SUBSTITUTION OF THE INAPPROPRIATE PARTY IN CASES ON COMPENSATION FOR MORAL HARM IN CIVIL PROCEEDINGS

In the context of the active improvement of the legislative framework of the Donetsk People's Republic, the priority is to comply with all constitutional, sectoral and intersectoral principles of legal proceedings in all procedural branches of law. This also applies to civil proceedings. The issue of replacing the inappropriate defendant in civil proceedings in cases of compensation for moral damage deserves special attention. The article examines the definition of the concept of moral harm when replacing the inappropriate party and highlights the conditions for this procedural action.

Keywords: moral damage, improper party; proper party; replacement of the wrong party; court.

Дербишева Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия
внутренних дел Министерства внутренних
дел Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga
Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 343.1

Коростиенко Е. О.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена проблематике реализации защитником своих прав, направленных на сбор и представление доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности при подаче адвокатского запроса, опросе лиц, истребовании необходимой информации. Кроме того, рассмотрена проблема реализации защитником своих обязанностей в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: адвокат, защитник, права, обязанности, адвокатский запрос, опрос лиц.

Одним из важнейших прав граждан в сфере уголовного судопроизводства выступает право на защиту, которое выражается в предоставлении лицу, подвергающемуся уголовному преследованию квалифицированной юридической помощи. Это объясняется тем, что в уголовном судопроизводстве права и законные интересы подозреваемого или обвиняемого, могут быть подвергнуты существенным ограничениям в силу наличия властных полномочий у должностных лиц компетентных государственных органов и суда, и кроме того, необходимости избежать или, по крайней мере, минимизировать возникающие в этой сфере деятельности нарушения за счёт оказания этим лицам квалифицированной юридической помощи.

Следует отметить, что защитник подозреваемого является одним из основных, а иногда и обязательных, субъектов уголовного процесса, который наделен рядом прав и обязанностей, которые урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом ДНР (далее – УПК ДНР) и иными нормативными правовыми актами.

Однако, несмотря на то, что защитник в уголовном судопроизводстве наделен рядом прав и обязанностей, процесс реализации таких прав не урегулирован ни одним законодательным актом, что не позволяет ему надлежащим образом осуществлять свою конституционную обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Вопросы реализации защитником своих прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве ранее неоднократно исследовались учеными как в Украине, так и в Российской Федерации. Так, в своей научной деятельности указанным вопросам уделили внимание такие ученые как Л. И. Богданова, В. В. Слепова, Р. А. Шарапова, О. С. Скачкова, А. В. Рагулин, С. Ю. Макаров, О. С. Солениченко, Р. И. Коновалов, В. Ю. Стельмах, А. В. Никитин, Р. Д. Лисицин, Д. Ч. Купеева, С. Н. Гаврилов, И. А. Насонова, С. В. Купрейченко, О. В. Потокина, Я. В. Серебряков и другие.

Несмотря на то, что проблема реализации защитником своих прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве в достаточной степени освещена во многих научных работах российских и украинских ученых, в том числе и вышеназванных авторов,

© Коростиенко Е. О., 2020

однако, до настоящего времени не разрешен целый ряд вопросов, касающихся реализации защитником своих прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. А именно, законодательно не определен порядок сбора доказательств защитником, в том числе производство опроса лиц, истребование информации путем подачи адвокатского запроса и т.д.

Соответственно, процесс реализации защитником своих прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве на территории ДНР предметом научного исследования не был.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических проблем реализации защитником своих прав и обязанностей на стадии предварительного следствия, анализ соответствующей законодательной базы и разработка предложений по ее совершенствованию, а также по улучшению деятельности защитника.

В уголовном судопроизводстве в качестве защитника допускаются лица, имеющие свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью в ДНР, и другие специалисты в области права, которые по закону имеют право на предоставление правовой помощи лично или по поручению юридического лица (ч. 2 ст. 44 УПК ДНР) [1].

Следует отметить тот факт, что в зависимости от того, кто является защитником по уголовному делу – адвокат, имеющий свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью или специалист в области права, зависит и то, какие права и обязанности на него возложены. Так, специалист в области права при осуществлении своей деятельности по защите прав и свобод граждан может руководствоваться только ст. 48 УПК ДНР, которой закреплены права и обязанности защитника в уголовном процессе. Что же касается адвоката, имеющего свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью, то его права в данном случае более обширны и закреплены не только в УПК ДНР, но и в Законе ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Тогда как деятельность специалистов в области права вовсе не регулируется законодательными актами.

В настоящее время в Верховном Суде ДНР на рассмотрении находится проект Пленума Верховного Суда ДНР «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». В соответствии с п. 6 указанного проекта Пленума Верховного Суда ДНР полномочия защитника на участие в деле должны быть подтверждены. Для специалистов в области права такие полномочия должны быть подтверждены документами, определенными специальным законом, которым этим лицам предоставлено право участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве защитников. При разрешении вопроса о наличии у специалистов в области права полномочий на осуществление защиты в уголовном деле надлежит также выяснить, каким именно законом им дано право участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве защитников. Признать правильной практику тех судов, которые при отсутствии специального закона не допускают таких специалистов к осуществлению защиты по уголовным делам.

Таким образом, отсутствие специального закона, регулирующего деятельность специалистов в области права, приводит к тому, что их права в уголовном судопроизводстве значительно урезаны, по сравнению с адвокатами, имеющими свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью.

Следует отметить, что в ст. 48 УПК ДНР закреплено, что защитник имеет право собирать сведения о фактах, которые могут использоваться в качестве доказательств по делу, в том числе запрашивать и получать документы или их копии от граждан и юридических лиц, знакомиться с необходимыми документами, кроме тех, тайна которых охраняется законом, получать письменные заключения специалистов по вопросам, требующим специальных знаний, опрашивать граждан [1].

Так, по мнению С. А. Лушкина механизм собирания и формы закрепления адвокатом доказательств отсутствует [2]. То есть законодатель закрепив указанные полномочия защитника, как бы дал возможность защитнику «подкрепить» свою позицию по защите прав и свобод подозреваемых (обвиняемых). Однако законодательно не урегулирован процессуальный порядок таких действий, механизм реализации защитником своих полномочий в уголовном судопроизводстве, что в свою очередь привело к тому, что последний не имеет возможности оказать квалифицированную юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому.

Так, одним из закрепленных законодателем ДНР прав защитника, является право запрашивать необходимую информацию, которая может служить доказательством по уголовному делу. Указанное положение отражено в ст. 13 Закона ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [3]. Согласно положениям указанной статьи такая информация может быть получена путем подачи адвокатского запроса.

А. В. Рагулин утверждает, что «адвокатский запрос» – это официальное обращение адвоката по входящим в компетенцию органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи [4].

Однако, следует отметить, что подать адвокатский запрос и получить на него необходимую информацию могут только защитники-адвокаты. В случае, если информация на адвокатский запрос не будет предоставлена или предоставлена в неполном объеме или несвоевременно, это влечет за собой административную ответственность по ч. 5 ст. 212-3 КУпАП. Тогда как специалисты в области права не наделены полномочиями на подачу адвокатского запроса. Безусловно, специалисты, выступающие в качестве защитников, могут запросить необходимую информацию в соответствии с требованиями ст. 48 УПК ДНР. Однако в случае несвоевременного получения информации, либо отказа в предоставлении такой информации, субъект, отказавший в ее предоставлении не будет нести за это ответственность.

Следует отметить, что ряд ученых, таких как Л. И. Богданова, В. В. Слепова, Р. А. Шарапова, О. С. Скачкова, А. В. Рагулина, С. Ю. Макарова, О. С. Солениченко говорят о проблемах реализации адвокатского запроса. Так, адвокат вправе собирать сведения, справки, характеристики, письменные доказательства, делать запросы должностным лицам и организациям в целях осуществления своей профессиональной деятельности, а с другой, практически вся подобного рода информация охраняется Законом ДНР «О персональных данных», запрещающим разглашение таких материалов [5]. То есть фактически наличие подобных коллизий в законодательстве приводит к тому, что защитник не имеет возможности в полной мере реализовать свои права на подачу адвокатского запроса.

Кроме того, в соответствии с требованиями ст. 48 УПК ДНР защитник имеет право опрашивать граждан [1]. Однако, во-первых, опрос в отличие от допроса, не обеспечивается государственным принуждением и следственным действием не является. Дача показаний в ходе допроса это обязанность, тогда дача пояснений при опросе это всего лишь право. Кроме того, законодательно урегулирован порядок допроса лица, предупреждение его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний, порядок составления протокола допроса. Тогда как, должным образом опрос лиц не урегулирован законодательно, что ставит под вопрос возможность использовать такие «показания», полученные защитником в ходе опроса, в качестве доказательств по уголовному делу.

А. А. Дорошева предлагает урегулировать процесс опроса адвокатом лиц с их согласия при возможном участии нотариуса, который впоследствии мог бы заверить его конечный итог [6]. Однако, мы считаем, что необходимость в производстве такого опроса ставится под вопрос, поскольку в случае привлечения к опросу нотариуса, этот опрос будет достаточно дорогостоящим.

Так, дознаватель, следователь, прокурор, судья осуществляют сбор доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий. Тогда как, защитник в уголовном судопроизводстве полноценным субъектом собирания доказательств не является. Права, предоставленные стороне защиты действующим УПК ДНР по собиранию доказательств, существенно отличаются от полномочий, которыми наделены органы предварительного следствия и суд. На наш взгляд, защитник не может быть, да и не должен быть наделен полномочиями, аналогичными полномочиям органов предварительного следствия. Однако, должен быть разработан механизм собирания доказательств защитником и порядок предоставления их органам предварительного следствия.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 72 УПК ДНР доказательства могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, его защитником, обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также любыми гражданами или юридическими лицами [1].

К. М. Баева отметила, что так как недопустимыми могут быть признаны доказательства, полученные с нарушением требований УПК, а действующее законодательство не предусматривает порядок собирания доказательств стороной защиты, то все доказательства, которые собирает защитник, не могут быть подвергнуты критической оценке и вследствие этого не могут быть признаны допустимыми, что является процессуальным нонсенсом [7].

Таким образом, имеет место необходимость принять нормативный правовой акт, регулирующий порядок сбора и предоставления защитником доказательств по уголовному делу, а именно порядок производства опроса, подготовка и истребование информации по адвокатскому запросу.

Кроме того, немаловажным остается и тот факт, что одной из обязанностей защитника-адвоката, является то, что он не вправе отказаться от защиты по уголовному делу, тогда как на специалиста в области права такая обязанность не возложена. Так, в соответствии с требованиями ст. 48 УПК ДНР после допуска к участию в деле защитник-адвокат вправе отказаться от выполнения своих обязанностей только в случаях:

1) если есть обстоятельства, которые исключают его участие в деле;

2) если он свой отказ мотивирует недостаточными знаниями или некомпетентностью [1].

В п. 4 ч. 2 ст. 12 Закона ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» также закреплено, что адвокату запрещается отказываться от предоставления юридической помощи, кроме случаев, установленных законом [3].

Следует отметить, что Закон ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» на специалистов в области права не распространяется, а УПК ДНР, закрепляет положение о том, что только защитник-адвокат не может отказаться от выполнения своих обязанностей по защите. То есть действующее законодательство прямо указывает, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, вопреки воли клиента, что является гарантией прав подозреваемого, обвиняемого на защиту, тогда как специалист в области права может в любой момент отказаться осуществлять свои обязанности по защите, и при этом это не повлечет за собой никаких последствий для специалиста.

Кроме того, следует отметить, что и Совет адвокатов ДНР достаточно категоричен в вопросах отказа адвоката-защитника от предоставления юридической помощи. Так, в ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвокатов закреплено, что адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу кассационной жалобы на приговор суда. Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции [8].

Однако, ни в Кодексе профессиональной этики ни в иных законодательных актах не указано какие причины и обстоятельства относятся к уважительным.

Возникает вопрос можно ли относить к уважительным причинам личную неприязнь адвоката к подозреваемому, обвиняемому, конфликт между указанными лицами, отказ от оплаты услуг адвоката по соглашению? В настоящее время в законодательстве ДНР нет разъяснения понятия уважительных причин, не урегулирован надлежащим образом на законодательном уровне порядок отказа защитника от предоставления юридической помощи, законодательно не закреплены причины, которые могут служить поводом для такого отказа.

Так, в ст. 66 УПК ДНР закреплены обстоятельства, исключающие участие в деле защитника. Перечень указанных обстоятельств достаточно узок и в действительности не предусматривает всех обстоятельств, которые могут послужить отказом защитника от оказания юридической помощи.

Таким образом, на основании вышеизложенного, полагаем целесообразным дополнить действующее законодательство нормативными правовыми актами, которые бы регулировали права и обязанности защитника в уголовном судопроизводстве, устанавливали процесс и порядок опроса защитником лиц, подачу адвокатского запроса, истребование информации, необходимой для сбора доказательств по уголовному делу. Кроме того, регулировали порядок отказа защитника от оказания юридической помощи.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета ДНР 24 августа 2018 года) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 29.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Лушкин, С. А. Собираание доказательств защитой / С. А. Лушкин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 161–162.
3. Об адвокатуре и адвокатской деятельности: Закон Донецкой Народной Республики от 20.03.2015 № 25-ІНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 29.09.2020). – Загл. с экрана.
4. Рагулин, А. В. Новый законопроект об адвокатском запросе не способен достичь поставленных в нем целей и задач! / А. В. Рагулин // Евразийский научно-исследовательский институт проблемам права. – 2016. – № 1(2020). – С. 56–62.
5. О персональных данных: Закон Донецкой Народной Республики от 19.06.2015 № 61-ІНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-personalnyh-dannyh/> (дата обращения: 29.09.2020). – Загл. с экрана.
6. Дорошева, А. А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника по уголовным делам / А. А. Дорошева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 285–289.
7. Баева, К. М. Собираание доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения / К. М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 178–183.
8. Кодекс профессиональной этики адвоката, утвержденный Конференцией адвокатов ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sa-dnr.ru/wp-content/uploads/2018/05/Kodeksfrofetiki.pdf/> (дата обращения: 29.09.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 08.10.2020 г.

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE DEFENDER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the problems of the defender's realization of his rights, aimed at collecting and presenting evidence in criminal proceedings, in particular when submitting a lawyer's request, interviewing persons, requesting the necessary information. In addition, the problem of implementation by the defender of his duties in criminal proceedings is considered.

Keywords: lawyer, defender, rights, duties, lawyer's inquiry, questioning of persons.

Коростиенко Екатерина Олеговна
следователь Следственного отдела
Снежнянского ГО МВД ДНР
ДНР, г. Снежное
E-mail: KatyaU23@mail.ru

Korostienko Ekaterina
Investigator of Snezhnyanskiy Defense
Department of the Ministry of Internal
Affairs of the DPR
DPR, Snezhnoye
E-mail: KatyaU23@mail.ru

УДК 340.114

Краснонос Е. Ю.

Кудренко Е. А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ДОНБАССЕ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ 20-30-Х ГГ. XXВ.

В данной работе рассматривается конкретный исторический период построения и функционирования судебных органов и органов юстиции на территории Донбасского региона в условиях советской правовой доктрины периода 20-30-х гг. XX в.

Ключевые слова: судебная система Донбасса, советские органы юстиции, доктрина права СССР, правоохранительные процессы, отечественное право.

На сегодняшний день деятельность органов юстиции и судебных органов выступает одним из ключевых направлений в правоохранительной сфере любого государства. Их деятельность способствует сохранению внутренней стабильности в стране, влияет на формирование общественного представления о верности избранной государством внутренней политики, в том числе в области государственной безопасности. На фоне этого закономерными являются предпринимаемые государством в последнее время усилия по осуществлению преобразований в системе органов юстиции и судебных органов. В сфере правового регулирования повышенную важность представляет научно-теоретическое осмысление и обоснование законодательных изменений в сфере охраны существующего правового порядка, в том числе – с целью дальнейшего повышения эффективности правового регулирования правоотношений в этой сфере. Процесс развития позитивного права требует ряд необходимых для этого условий, среди них наиболее важным является формирование доктрины, наиболее соответствующей политической и правовой системе государства. Заявленная тема обладает значительной актуальностью в связи с существующими до сих пор на территориях бывшего СССР элементами постсоветской правовой системы.

Советская власть с самого начала своего существования инициировала отмену основных институтов права и замену их революционным правосознанием. Для идеологов пролетарской диктатуры главным аспектом была не законность, а именно революционная целесообразность, которая не фиксировалась законом. Но общественно-политические и государственные реалии в скором времени обусловили кардинальное изменение позиции большевиков в данном вопросе. Как приводит А.С. Смыкалин, проведение в жизнь новой экономической политики в период перехода к мирному строительству способствовало дальнейшему развитию социалистических преобразований в СССР, но в то же время вызвало оживление капиталистических

элементов. В связи с этим большевикам пришлось обратиться к традиционному кодифицированному праву. По сути, ими была заимствована буржуазная система права, достаточно близкая к романо-германской [1].

Система источников права в бывшем Советском Союзе была монистической, в ее рамках источниками права признавались исключительно законы и другие нормативно-правовые акты. Другие источники права (правовая доктрина, обычай, судебный прецедент) не признавались и принципиально игнорировались в советской юридической теории и практике. Эта «советская» модель источников права выступала необходимым звеном системы тоталитарного государства, в которой закон исполнял роль инструмента управления.

Как принято считать в отечественном правоведении, такая система источников права основывалась на концепции верховенства советских органов власти, согласно которой Верховный Совет СССР (парламент) и Верховные Советы союзных и автономных республик имели статус наивысших органов государственной власти. Соответственно, государственная власть в Советском Союзе именовалась «советской властью» [2].

Но среди других источников советского права этого времени особого внимания заслуживает доктрина права. Несомненно, ее значение и влияние на правоохранительные органы являются достаточно дискуссионными, в связи с этим важной задачей выступает более тщательное изучение данного вопроса.

Органы юстиции, как и вся правоохранительная сфера Донбасса, на протяжении второй половины двадцатых годов минувшего столетия функционировали на основе советской правовой системы, которая в этот период активно развивалась.

На начальном этапе развития советского права доминировало революционное марксистское, материалистическое и социалистическое понимание права. Имели место различные трактовки и концепции развития права, при этом зачастую они имели характер не доктрины, а догмы, принимаемой на веру и не нуждающейся в аргументах и доказательствах. К примеру, в первые послереволюционные годы многие марксистские авторы (М. Ю. Козловский, Д. И. Курский, П. И. Стучка и др.) трактовали большевистские декреты как «пролетарское право». В частности, по М. Ю. Козловскому, оно выступало средством подавления сопротивления меньшинства трудящимися. Такая концепция не согласовывалась с марксистскими представлениями о буржуазном праве при социализме. Несмотря на это, теоретиками-марксистами того времени не обращалось на это внимание, а основной акцент делался на единстве пролетарского классового подхода к праву и государству, присущем и марксистской доктрине, и советской теории права и государства.

Основными постулатами революционно-марксистского правопонимания, по П. И. Стучке, выступали:

- классовый характер всякого права;
- революционно-диалектический метод (вместо формальной юридической логики);
- материальные общественные отношения как базис для понимания правовой надстройки (вместо объяснения правовых отношений на основании закона или идеи права).

И. В. Левакин акцентирует внимание на том, что формирование новой системы права не требовало переосмысления всех юридических категорий в соответствии с требованиями времени. Однако в своем стремлении сформировать принципиально

новую доктрину права советские правоведы зачастую игнорировали тот массив научных знаний, который был наработан и накоплен в отечественной и зарубежной юридической теории и практике [3].

К тому же, по Д. И. Курскому, в условиях диктатуры пролетариата не было места для правовых норм, признающих и защищающих права и свободы индивида. Соответствующее социалистическое правопонимание революционной законности пролетариата базировалось на марксистских положениях о том, что закон, который всех одинаково обязывает, уравнивает всех неравных, по существу является законом неравности и несправедливости. В марксистских исследованиях прослеживается также достаточно критическое отношение к институту частной собственности, связывающее такую собственность с эгоизмом. Переняв у Г. Гегеля конструкцию права как специфическое реальное отношение, которое складывается между субъектами общественного взаимодействия, основатели марксизма в идеологическом плане рассматривали право как орудие защиты интересов имущих людей, богатых и привилегированных слоев. Анализируя гегелевское понятие «разумного права», К. Маркс вкладывал в него политически иное, революционно-демократическое содержание, критически противопоставляя его позитивным нормам права и существующим законам. В силу указанных особенностей, по мнению Н. С. Розова, концепцию марксизма следует рассматривать не как позитивистскую, а как объективистскую, поскольку марксизм не ограничивался формальными моментами права, а осуществлял поиски его онтологических основ в экономических отношениях, в фактических отношениях собственности. Став главенствующей идеологией, по мотивам политического прагматизма, но не по концептуальным основаниям, марксизм свое понимание справедливости как стремление уничтожить данный правопорядок сменил на собственно позитивистское – как стремление его сохранить [4].

Эволюция философско-правовой концепции марксизма в советскую правовую систему обусловила игнорирование общечеловеческих ценностей. Личность умалялась целым рядом общественно-политических и идеологических факторов.

В целом в советском обществе 20-30-х гг. XX века доминировала тенденция перехода от права к «неправу» (по Е. Б. Пашуканису). Теоретики и практики тоталитаризма пошли по пути последовательного изъятия у человека его естественных прав – права на собственность, на свободное волеизъявление и личное достоинство, права на жизнь, развернув невиданные по своим масштабам репрессии. В итоге, по мнению В. А. Бачинина, произошел исторический откат общества в доправовое состояние, при котором государство, призванное по своей природе оберегать основы цивилизованности, охранять собственность, свободу и жизнь граждан, большей частью отнимало их.

На протяжении первого десятилетия после октябрьского переворота, когда совершалось сознательное, целенаправленное разрушение многих унаследованных от прошлого социокультурных структур, в том числе успевших сформироваться элементов правового государства и гражданского общества, шла первоначальная апробация ряда отдельных форм государственного неправа, практики массового террора, военного коммунизма и пр.

Революционные радикалы, допуская «кровь по совести», считавшие, что братоубийственное насилие имеет политическое, юридическое и моральное

оправдание, активно осуществляли разрушительную деятельность, поскольку усматривали в этом «конец старого мира», на обломках которого должен был сформироваться новый мир всеобщего благоденствия [5].

В рассматриваемый период огромное значение придавалось вопросам укрепления советской судебной системы, призванной отстаивать позиции социализма. В соответствии с Положением об отделах Народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 26 ноября 1920 г., функции судебного управления выполнял отдел судостроительства, на который были возложены формирование народных судов, органов следствия, обвинения и защиты, наблюдение за их деятельностью и дача им руководящих указаний.

Для конкретизации компетенции и сферы деятельности отдела судостроительства 1 февраля 1923 г. было издано Положение о Народном комиссариате юстиции. Основной функцией центрального аппарата НКЮ РСФСР в рассматриваемый период являлось судебное управление, т. е. организация деятельности судебных учреждений РСФСР. Реализацией данной функции занимался Первый отдел судостроительства и надзора, включавший в себя три подотдела: общий и личного состава, ревизии и инструктирования, информационно-статистический, при котором состояло бюро по изданию ведомостей справок о судимости. Помимо судебного управления в «чистом виде», он осуществлял руководство другими юридическими органами (органами следствия, нотариатом, коллегией защитников), наблюдение за организацией ряда несудебных органов, не наделенных юридическими функциями (земельных, арбитражных комиссий, третейских судов и т.д.).

Положение от 1 февраля 1923 г. должно было разграничить сферы деятельности Народного комиссариата юстиции и Верховного суда РСФСР как высшего органа судебного управления, но о характере их взаимоотношений ничего не говорилось. Лишь указывалось, что «на Народный комиссариат юстиции возлагаются общее руководство, организация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений...». Следовательно, Верховный суд РСФСР был подчинен ему по линии судебного управления.

В начале 1925 г. в составе центрального аппарата НКЮ РСФСР был образован отдел судебного управления, который состоял из двух подотделов: инструкторско-ревизионного и государственного нотариата. Он осуществлял руководство деятельностью губернских судов РСФСР путем производства плановых проверок судов и выработки инструкций, а также обобщения статистической отчетности губернских судов РСФСР. Кроме того, в компетенцию отдела входили дача отчетов по запросам судов, рассмотрение жалоб судебных и нотариальных работников местных органов юстиции по вопросам об увольнении, перемещении и наложении дисциплинарных взысканий.

30 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР, исходя из необходимости установления единства судебной политики и управления судебными органами, постановили реорганизовать коллегию НКЮ РСФСР таким образом, чтобы в ней максимально полно были обеспечены единство руководства всеми отраслями деятельности НКЮ РСФСР и особенно руководства и управления прокуратурой и судебными органами.

Таким образом, судебное управление являлось главной функцией Народного комиссариата юстиции РСФСР, что полностью отвечало задачам новой экономической политики [1].

Сложившаяся ситуация не могла не повлиять на характер функционирования правоохранительных органов и, в частности, юстиции и судебных органов Донбасса. Процесс формирования правоохранительных органов, происходивший в середине двадцатых годов минувшего столетия, имел ряд проблем и противоречий, как на общесоюзном уровне, так и в самих союзных республиках, особенно в Донбассе, который традиционно был одним из самых урбанизированных и криминогенных регионов. Особая сложность заключалась в отсутствии конкретных и четких приоритетов в плане развития правовой и правоохранительной системы.

Учитывая, что правовая доктрина подменялась идеями «революционной законности», революционное право было правом на тоталитарный репрессии, террор, по существу – «правом на кровь». На «революционную целесообразность» списывали жестокие судебные расправы. Всемогущество партийных органов порождало практику, когда права, суд, вообще все юридические институты становились зависимыми от них [6]. Такая тенденция была особенно ощутима на территории промышленного Донбасса. Однако, учитывая своеобразную социальную психологию и традиции населения нашего края (склонность к свободолюбию, значительное распространение протестных настроений), насаждение авторитаризма, а впоследствии и тоталитарной системы, требовало значительных усилий со стороны государственного аппарата, функции которого возлагались на правоохранительные органы, юстицию и суд.

Эффективность работы прокуратуры и суда на территории Донбасса можно было анализировать по результатам Областных Съездов Советов Донбасса. Так, на примере Отчета о работе Сталинского Окружного Исполнительного Комитета за 1926 г. (далее – Отчет 1926 г.) можно отметить, что в течение всего года ВЦИК продолжал углублять работу по внедрению революционной законности и укреплению советского правопорядка. Начатая еще со времени седьмого Окружного Съезда Советов, эта работа проводилась через народные суды и окружную прокуратуру, ГПУ и административные органы.

С укреплением работы Народных Судов и ростом их авторитета среди народных масс увеличивалась и обращаемость со стороны населения за защитой своих прав. Что касается Окружных судов, то за указанный период была проделана большая работа по усилению руководства и укреплению работы Народных Судов: как через инструкторско-ревизионные обследования, которых за 1926 г. было 34, так и через созываемые пленумы окружного суда, которых было созвано 19 на предмет усиления работы следственного аппарата и улучшения квалификации поступающих дел [7].

Наибольшую часть поступаемых дел составляли уголовные дела. Ряд уголовных дел, имеющих большое общественное значение, был проведен в виде крупных процессов (к примеру, административное дело, Андреевское и др.). Эти процессы проводились на местах совершенного преступления с широким привлечением к слушанию этих процессов рабочих и крестьян [7].

Анализировать деятельность прокуратуры и суда Донбасса в дальнейшем можно также по отчетам следующих Областных Съездов. Так, выполняя постановление второго Областного Съезда Советов, прокуратура и суд в борьбе за укрепление социалистической законности представляли своей основной задачей борьбу за охрану социалистической собственности, принимая все меры к быстрейшим расследованиям

дел. Беспощадно осуществлялись карательные меры по отношению к врагам революции. Также органы прокуратуры и суда проводили через народных заседателей и секции ревзаконности большую массовую работу среди трудящегося населения Донецкой области, воспитывая его в духе укрепления социалистической законности и оказания помощи в работе органов прокуратуры и суда.

Общий рост благосостояния трудящихся масс, вызванный успехами социалистического строительства и проводимой работы прокуратуры и суда в Донецкой области, привел к значительному снижению преступности в последние годы рассматриваемого периода. Если принять число осужденных за разные преступления в Донецкой области в 1933 г. за 100 %, то в 1934 г. количество осужденных снизилось до 66 %, а в 1935 г. – уже до 57 % [8]. Следовательно, деятельность органов прокуратуры и суда с учетом тоталитарного контроля, в принципе, осуществлялась достаточно успешно.

Прокуратура и суд вели непримиримую борьбу с саботажниками Стахановского движения, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Согласно Отчету о выполнении Постановлений II Областного Съезда Советов за 1936 г. (далее – Отчет 1936 г.), судебными органами Донбасса за 1935 г. было осуждено 86 саботажников и за три квартала 1936 г. – 45 человек [9]. Яркими фактами саботажей Стахановского движения и враждебных выпадов против стахановцев могут служить такие примеры:

1) на шахте «Центральная-Ирмино» десятник Панченко, сын белого офицера, с целью срыва стахановской смены не подготовил условий для выполнения плана в лаве, в результате чего было добыто только 38 вагонов вместо 50. На требования рабочих Панченко отвечал угрозами: «лезьте скорее, а то я вас запечатаю тут навсегда». 9 мая 1936г. областным судом Панченко был осужден к восьми годам лишения свободы;

2) на шахте имени Артема начальник участка Четвериков издевался над стахановцами и те увольнялись с работы. Четвериков был осужден на пять лет;

3) в Белокуракино Старобельского района сын кулака, Белик, был осужден в 1932 г. на три года тюрьмы за сопротивление представителям власти, покушался на орденосцев И. Т. Острогляда и Г. Т. Сухоставского.

Также органы прокуратуры и суда за прошедшие два года после второго Областного Съезда Советов провели большую работу по рассмотрению алиментных дел. Эта деятельность характеризуется такими данными: за первое полугодие 1935 г. рассмотрено 8 496 алиментных дел, за первое полугодие 1936 г. рассмотрено 10 503 дела, а после издания закона ЦИК и СНК СССР о запрещении абортот – только за третий квартал 1936 г. было рассмотрено 7 523 дела [9].

Согласно Отчету 1936г., большой рост количества алиментных дел объясняется увеличением заботы о воспитании детей в связи с постановлением о запрещении абортот и увеличении материальной помощи роженицам, а также возрастающими требованиями матерей к отцам в отношении воспитания детей. Вот некоторые примеры таких дел:

1) в течение девяти лет гражданин Солодий укрывался от уплаты алиментов своей бывшей жене, гражданке Родичевой, на содержание двоих детей. Облпрокуратура разыскала Солодия, он был осужден на два года лишения свободы, а имущество было распродано для уплаты задолженности его бывшей жене;

2) в Лиманском районе осужден Землянский Андрей за то, что принудил свою жену, угрожая разводом, сделать аборт, после которого жена умерла;

3) в Бедовском районе Старобельского округа возбуждено уголовное дело против Ильченко Петра, бригадира колхоза им. Ленина, который не предоставлял своевременно отпусков беременным колхозницам. Это привело к тому, что колхозница Шпакова Ольга родила в поле [9].

Также, анализируя отчеты, можно сделать выводы о значительном снижении уровня преступности по всем видам. Кроме того, был ряд судебных дел за нарушения техники безопасности на производстве, а также за хулиганство [7; 9].

Помимо этого, в области была проведена значительная работа по перевыборам народных заседателей. Народные заседатели проводили большую работу среди трудящихся масс, а также участвовали в рассмотрении дел.

В работе органов судебной власти на Донбассе также отмечалась эффективная работа органов милиции Донбасса. Так, отличительной особенностью работы органов Рабоче-крестьянской милиции Донбасса за последние годы рассматриваемого периода выступала тесная связь с трудящимися массами, а также огромная помощь, получаемая от них [10].

Таким образом, доктрина права своей юридико-логической трактовкой позитивного права не только отражает, но и выражает, определяет его, активно соучаствуя в процессе его создания и осуществления. Без правовой доктрины нет и определенной системы позитивного права, и даже там, где правовая доктрина официально не является источником действующего права, ее положения фактически присутствуют в содержании позитивного права, во всех формах его действия и применения. Принято считать, что любая доктрина позитивного права и соответствующая догма позитивного права выражают определенную концепцию правопонимания, то или иное общее понятие права. На первых этапах развития советского права доминировало революционно-марксистское, материалистическое и социалистическое правопонимание, которое, несмотря на общую тенденцию к унификации на протяжении 20-х гг. минувшего столетия, испытало также отдельные попытки развития альтернативных концепций и доктрин.

В результате анализа деятельности органов юстиции, милиции и судебных органов на Донбассе за период 20-30-х гг. XX в., можно заключить, что с получением наставления на определенный курс – построения советской правовой доктрины, указанные выше органы, с учетом всех внешних факторов, выполняли свои непосредственные функции максимально эффективно. При этом необходимо учитывать разноплановость дел, которыми занимались указанные органы. Особенности их деятельности заключались и в непосредственной специфике самого советского права, остатки которого имеют место до сих пор.

Список литературы

1. Смыкалин, А. С. Деятельность Народного комиссариата юстиции РСФСР в области судебного управления в 20-е гг. / А. С. Смыкалин // Правовые проблемы истории государственных учреждений: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1983. – С. 47–52.
2. Шахрай, С. М. Право и революция. Сто лет спустя / С. М. Шахрай // Юридический мир. – 2018. – № 1. – С. 64–66.

3. Левакин, И. В. О марксизме, Октябрьской революции 1917 г. и правоведении (некоторые размышления в связи со статьей В. Л. Толстых) / И. В. Левакин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 31. – С. 19–32.
4. Розов, Н. С. Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии / Н. С. Розов // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4(38). – С. 42–60.
5. Бачинин, В. А. Философия права и преступления / В. А. Бачинин. – Харьков: Фолио, 1999. – 607 с.
6. Корнев, А. В. Правопонимание в эпоху революций / А. В. Корнев // Журнал российского права. – 2017. – № 9(249). – С. 16–24.
7. Отчет о работе Сталинского Окружного Исполнительного Комитета за 1926 г. К IX Окружному Съезду Советов. – Сталино: Издание Окрисполкома, 1927. – 228 с.
8. Лихолобова, З. Г. Социально-экономические процессы в Донбассе в 20-30-е годы XX ст. / З. Г. Лихолобова. – Донецк, 2003. – 205 с.
9. Отчет о выполнении Постановлений II Областного Съезда Советов. Январь 1935 г. Ноябрь 1936 г. – Сталино: Издание Доноблисполкома, 1936. – 128 с.
10. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. – М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.

Поступила в редакцию 09.09.2020 г.

ACTIVITIES OF JUSTICE BODIES AND JUDICIAL BODIES IN DONBASS DURING THE PERIOD OF SOVIET LEGAL DOCTRINE 20-30S XX CENTURY.

This paper examines a specific historical period of the construction and functioning of the judiciary and justice bodies in the territory of the Donbass region under the conditions of the Soviet legal doctrine of the period of the 20-30s. XX century.

Keywords: the judicial system of Donbass, Soviet justice bodies, the doctrine of law of the USSR, law enforcement processes, domestic law.

Красноносков Евгений Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: e.krasnov@donnu.ru

Krasnonosov Evgeniy
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Theory and History of State
and Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: e.krasnov@donnu.ru

Кудренко Елизавета Александровна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kudrenko.kudrenko@mail.ru

Kudrenko Elizaveta
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: kudrenko.kudrenko@mail.ru

УДК 340.12(292.4/.5):303.833.6

Лещенко И. И.
Шаповалова В. Д.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И СПЕЦИФИКА ЕГО КРИТИКИ

В статье рассматриваются концептуальные различия и особенности критики евразийства, которой подверглись как со стороны представителей Запада, так и русских западников и либералов. Неприятие евразийских идей было характерно для всех критиков, которые преследовали цель переориентировать Россию на западноевропейские ценности.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, концепция, критика евразийства, идеологическая доктрина.

Евразийское движение является одним из самых распространённых и значимых философско-политических проектов, однако в своём развитии оно не было единым и согласованным, а претерпевало разные трансформации. Изначально данная неоднозначность теоретических взглядов евразийской концепции была обусловлена тем, что евразийство не являлось внутренне монолитным течением, так как его основали учёные, публицисты, которые имели в той или иной мере отличные друг от друга научные взгляды, темперамент и свою мировоззренческую специфику. Основатели евразийства имели общее видение будущего развития России и идентичное осмысление произошедшего в стране после октябрьских событий 1917 года. Однако в силу различия вышеперечисленных факторов, они представляли различные направления. Один из первых евразийцев П. Н. Савицкий в письме к П. Струве в 1921 году отмечал, что в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», авторами которого выступили П. Савицкий, Н. Трубецкой и Г. Флоровский, были представлены как минимум три различных политических направления: от национал-большевизма до антибольшевизма. В этом же письме П. Савицкий, будучи главным идеологом евразийского мировоззрения, подчёркивал, что не разделяет некоторые взгляды своих коллег относительно их специфического видения славянофильства [1, с. 727].

Одной из первых и основных евразийских идей было критическое отношение к Западу и его ценностям. Однако даже к данной базовой идее своего учения евразийцы относились по-разному. Например, Г. Флоровский, который в последующем стал одним из критиков евразийства, изначально испытывал безграничную любовь к своему русскому краю и народу, но и не испытывал неприязни к чужому – к европейскому. Евразийцы считали, что для будущего развития России, необходимо закончить дело Петра I, то есть «вслед за тактически необходимым поворотом к Европе нужно

совершить органический поворот к Азии» [2]. Основой России является культурно-материковое единство.

С самого начала возникновения евразийства началось бурное обсуждение евразийского движения в печати. Их выступления сразу привлекли к себе внимание, начались острые дискуссии. Так, П. Н. Савицкий в публикации «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х гг.» подчёркивал, что «с конца 1921 года начал формироваться антиевразийский фронт в эмигрантской печати» [2]. В советской России одним из первых критиков евразийского движения был Н. Иванов, который в своей статье «Критика марксизма русскими эмигрантами» вступил в полемику с евразийцами.

В настоящее время как логическое продолжение «классического» евразийства выступает неоевразийство. Новое евразийство XXI в., аккумулируя прошлый опыт и адаптируя его, отражает современные реалии. Основателем неоевразийства считается А. Г. Дугин. В монографии «Наш путь» (1998 г.) неоевразийские концепции были систематизированы. В 2002 г. идеи евразийства были изложены в евразийской антологии под редакцией А. Г. Дугина «Основы Евразийства», и «Проект Евразия», где были собраны и систематизированы основные доктринальные и программные материалы, манифесты неоевразийства. Несмотря на преемственность основных концептуальных положений, неоевразийство имеет множество отличительных черт и особенностей, что способствует дискуссионному осмыслению и сравнению неоевразийства с «классическим» евразийством. Характерно, что своеобразным стимулом для повышения интереса к идеям евразийского движения, а также для развития неоевразийства стало признание значения и актуальности евразийских идей на официальном уровне. Например, в Университете им Л. Н. Гумилева в 2000 г. в Астане Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «Заряд, который несут в себе идеи евразийства, особенно важен на сегодняшний день, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами Содружества Независимых Государств. На этом пути нам особенно важно сохранить всё лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада» [3, с. 7].

Идеи, как евразийцев, так и их последователей подвергались и продолжают подвергаться масштабной и разноплановой критике как со стороны разделявших в той или иной мере их взгляды, так и со стороны ярых противников евразийского мировоззрения. Ничего в этом нового нет, и, по мнению А. Дугина, критика мировоззрения не является его ниспровержением. Всё то, что подвергнуто критике – научно, и более того, для мировоззрения критика полезна. Напротив, для идейного мировоззрения страшно, когда оно становится тотально массовым, идеи стоит держать подальше от масс, они должны существовать внутри меньшинств, ибо если мировоззрение становится популярным среди масс, то оно теряет свой смысл. Над этим стоит задуматься.

Рассматривая непосредственно проблему критики, А. Г. Дугин условно выделил три блока. Первый блок – это критика «классического евразийства», второй – критика неоевразийства, и третий – альтернативное евразийство. Критика евразийства представлена в виде формулы, согласно которой «Евразийский тезис комментируется антиевразийским тезисом».

Выделим основные евразийские тезисы:

1) Идея цивилизационного плюрализма предполагает существование нескольких цивилизаций. Ей противостоит положение о единстве цивилизации. В этом противостоянии зиждется ключевой смысл современного геополитического развития, и от этого будет зависеть, какой цивилизационный путь выберет Россия? По малейшему движению своего внутривнутриполитического, внешнеполитического, конституционного, социального, экономического и культурного развития можно чётко определить вектор ориентации.

2) Евразийскому тезису «о России как цивилизации» противопоставлен антитезис – «Россия обычная страна. Плохая европейская страна». Оба тезиса максимально взаимосвязаны концептуально и являются основой идеологических парадигм, которыми руководствуются западные политики, реализуя свои цели. Антиевразийцы считают, что цивилизация едина – и основой является Запад. Соответственно Россия не может существовать как отдельная от Запада цивилизация, так как это противоречит утверждению о наличии единой цивилизации.

3) Антитезисом евразийской идеи «о самобытности России» выступает утверждение о том, что Россия повторяет основные тенденции исторического развития. В данном случае для таких идеологов все средства хороши для оправдания своих взглядов и своего понимания цивилизационного развития, в котором признаётся только значимость западного мира в качестве доминанты. России, тем более, самобытной, согласно их воззрениям, быть не может априори.

4) Тезису «о противостоянии западному универсализму и западной культуре» со стороны Русского мира представители антиевразийского фронта выдвигают прямо противоположную идею, согласно которой «Запад есть благо, а все его ценности являются универсальными». Сопротивление или неприятие кем-либо подобных ценностей абсолютно неприемлемо как для западных политиков, так и западного сообщества, которое консолидируется для защиты этих идей.

5) Евразийский тезис «о положительном влиянии Востока в русской истории» встретил свой антитезис, согласно которому «влияние Востока было негативным и привело к отставанию России».

6) Евразийский тезис, изначально выдвинутый ещё Н. Трубецким, о «наличии общего евразийского национализма» также получил ответ – антитезис о том, что «все этносы Евразии стремятся к разным целям, у них нет общности». Опровержением подобного утверждения могут быть только факты, которыми так богата практически вся многовековая история существования Российской, а затем и советской модели империи. История доказала постулат о том, что только при имперской модели государственного развития многочисленные нации и народности со своей этнокультурой и этноконфессиональностью могут мирно сосуществовать и полноценно развиваться.

7) Тезис «о наличии единых элементов в культуре народов Евразии» подвергся тотальной критике, которая направлена, прежде всего, на опровержение народного единства. Согласно таким взглядам, все этносы Евразии имеют культуру, которая противоречит друг другу, а этносы держатся вместе насильственным образом. Понятно, что только в единстве проявляется сила и мощь народа, а не в его

разобщи́нности. В этом состоит основа государственного созидания, которое так необходимо Русскому государству и не выгодно западным политикам.

8) Согласно евразийской идее «о закономерностях большевистской революции», революция была закономерным явлением, которое было неизбежно. Наоборот, согласно антитезису, «Октябрьский переворот был заговором». Интересно, что данный тезис выдвигали либералы (глобальные и фронтальные оппозиционеры евразийского движения), которые всегда отрицали «теорию заговоров», однако в данном случае они предпочли именно «теорию заговора».

Исходя из вышеперечисленного, необходимо отметить, что вся критика евразийства и неоевразийства сводится к одному положению, а именно к евразийскому антитезису о наличии единой цивилизации. Больше всего противоречий у евразийцев с либералами, данные движения выступают как две разные мировоззренческие структуры. Евразийство подвергается критическому осмыслению как отечественными философами, публицистами, учёными, политиками, так и зарубежными. Осмысление иностранцами идей евразийства, а также зарубежная критика евразийского мировоззрения в целом, отличается в той или иной мере от отечественной критики.

Немецкий политолог Андреас Умланд является одним из ярых критиков евразийского и неоевразийского движения. На его счету достаточное количество публикаций, в которых он смешивает идеи «классического» евразийства, высказывания неоевразийца Александра Дугина, официальную политику Российской Федерации, при этом умаляя роль и значимость России. По его мнению, Россия – слишком слабая страна, чтобы сформировать самостоятельный полюс в мультиполярном мире, а Евразийский экономический союз – это временное явление. Россия – является частью Европы, но никак не мифологической Евразии. Запад должен заранее подготовиться к новому падению российского режима, которое, по его мнению, неизбежно [4].

Французские представители Д. Шадо и Б. Палопидас, авторы книги «Когда империя отвечает национализму: политика силы в США и России», проводят параллель между американскими неоконсерваторами и неоевразийцами. К евразийскому политическому движению внутри России они причисляют публициста А. Проханова, лидера КПРФ Г. Заганова, лидера ЛДПР В. Жириновского, Г. Джемалю, а также различных политиков, таких как Д. Рогозин, Е. Примаков и других. Таким образом, они не только формализуют это движение, но и обесценивают и обесмысливают его роль и значимость, всё смешивая и ни в чём не разбираясь. Эти авторы критикуют евразийцев в попытках восстановления российской идентичности, которая основана на форме национализма и может быть названа гегемонистской. Д. Шадо и Б. Палопидас утверждали, что, по мнению неоевразийцев, Россия представляет первую политическую силу, которая способна бросить вызов атлантизму и глобализму в целом. Россия может восстановить своё былое величие и славу только посредством создания империи. А имперская геополитика, по мнению авторов, построена на цинизме.

Таким образом, евразийство в своём мировоззренческом разнообразии вызывает масштабную критику. Это логично, так как критика, с одной стороны, обнажает скрытые проблемы, а, с другой – подтверждает истинность и значимость данной концепции для дальнейшего совершенствования идеи. Подобная критика не

способствует развитию, а направлена лишь на дискредитацию не только идеологической парадигмы России, но и всего её существования.

Ещё в 2000 г. Президент РФ В. В. Путин особо акцентировал на позитивности заряда, который несут в себе идеи евразийства для современности. В современной России не только полностью поддерживается приоритет евразийской интеграции, но и предпринимается её активная реализация.

Список источников

1. Базавлук, С. В. Критика евразийства и неоевразийства / С. В. Базавлук // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 8. – С. 726–733.
2. Савицкий, П. Н. Евразийство как исторический замысел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/kontinent-evraziya-read-200591-3.html> (дата обращения: 12.01.2020). – Загл. с экрана.
3. Евразийство: теория и практика: [(Сб. ст.)]. – М.: Арктогея центр, 2001. – 101 с.
4. Андреас Улманд. Станет ли Россия прозападной после Путина? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20180510/242173831.html> (дата обращения: 02.12.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 10.10.2020 г.

CONCEPTUAL DIFFERENCES OF EURASISM AND SPECIFICITY OF ITS CRITICISM

The article examines the conceptual differences and features of the criticism of Eurasianism, which was subjected to both Westerners and Russian Westernizers and liberals. Rejection of Eurasian ideas was characteristic of all critics who pursued the goal of reorienting Russia to Western European values.

Keywords: Eurasianism, neoeurasianism, criticism of eurasianism, conception, ideological doctrine.

Лешенко Ирина Ивановна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Leshchenko Irina

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Theory and History of State
and Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Шаповалова Владлена Денисовна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vladlenchik1305@mail.ru

Shapovalova Vladlena

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: vladlenchik1305@mail.ru

УДК 341.231.14

Одегова Л. Ю.
Рудь Ю. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье представлен анализ существующих проблем обеспечения прав детей на образование. Исследованы международно-правовые и национальные источники права, закрепляющие право на образование и детализирующие его. Рассмотрены международные механизмы, способствующие реализации прав детей, указаны конкретные аспекты их деятельности в области защиты и обеспечения прав детей.

Ключевые слова: право на образование; права детей; система защиты прав ребенка; международные механизмы в области прав человека и ребенка; международные организации.

Право на образование является одним из основных прав человека, реализация которого способствует формированию ребенка как здоровой, интеллектуально развитой, духовно богатой, творческой личности.

Право на образование длительное время оставалось прерогативой определенных слоев населения: более богатые и знатные родители могли позволить своим детям получать образование. Причиной подобной ситуации послужило самоустранение государства от вопросов обеспечения детей обязательным образованием. В правовых актах отсутствовали соответствующие положения, предоставляющие каждому право на образование. Впервые на законодательном уровне обязательное образование было закреплено в Шотландии в Законе об образовании 1496 г. Тем не менее, оно было предусмотрено только для определенных категорий граждан [12, с 52].

Однако в эпоху Просвещения положение дел изменилось. Провозглашение основных прав человека, принятие международных документов, волна революций привели к просветительскому вектору государственной политики во многих странах. Организация системы обязательного образования была закреплена в правовых актах как непосредственная обязанность государства. На протяжении нескольких столетий образование претерпевало изменения, вызванные условиями конкретной исторической эпохи.

В XXI веке рамки и ограничения по поводу реализации детьми права на образования были сняты. Однако международное сообщество обеспокоено существующими до сих пор проблемами в образовательной сфере в различных странах. Основная из проблем – невозможность обеспечения открытого и равного доступа к образованию для всех детей.

Также следует отметить, что подобные проблемы возникают в любых государствах независимо от уровня их экономического, социально-культурного

развития, что в свою очередь является причиной еще более повышенного беспокойства и обуславливает необходимость активных действий со стороны мирового сообщества.

Образование в современном мире – это способ самовыражения ребенка в обществе – возможность свободно высказывать свои взгляды, идеи, мысли; источник знаний и умений, необходимых для полноценного существования; ключевой инструмент в процессе социализации детей, развитии их коммуникативных качеств.

Однако нависшая угроза нарушения полноценного образовательного процесса во всех государствах мира в связи с различными обстоятельствами (миграционные процессы, военные действия, эпидемии) может нанести необратимый удар по интеллектуальному и культурному развитию молодежи в XXI веке. Поэтому тема исследования не теряет своей актуальности на современном этапе развития научной мысли.

В связи с вышесказанным крайне важна работа международных правозащитных организаций в направлении защиты прав детей в целом, в частности права на образования с тем, чтобы каждый ребенок независимо от места проживания и социального уровня имел возможность использовать данное право.

Вопросы, касающиеся обеспечения права на образование, являются актуальными и находят свое отражение в научных трудах многих ученых-правоведов. Также указанная область является предметом исследования международных организаций. Результаты данных исследований отображены в основных документах международного права, а также в стратегических планах и целях, отчетах и докладах.

Цель исследования заключается в выявлении наиболее благоприятных путей решения вышеуказанных проблем, установлении эффективности методов и средств обеспечения права на образование.

В статье 26 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что «Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого» [1].

В главном международном документе, посвященном правам детей и обеспечению их воплощения в жизнь – Конвенции о правах ребенка 1989 года содержится нормативное положение о том, что «государства-участники признают право ребенка на образование...».

Для осуществления данного права государства-участники:

- вводят бесплатное и обязательное начальное образование;
- поощряют развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи;
- обеспечивают доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств;
- обеспечивают доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей;

– принимают меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу [2].

Конституции многих современных государств, повторяя положения международно-правовых актов, содержат в себе перечень основных прав и свобод человека, среди которых должное место занимает право на образование. Следует подчеркнуть, что именно Конституция как основной акт внутригосударственного законодательства отражает международные принципы и стандарты, принятые в международно-правовых актах, которые имеют глобальный характер и признаны всем мировым сообществом. Именно Конституция призвана обеспечить достойную жизнь человека.

Проанализировав нормы конституций различных стран, необходимо отметить, что конституционно-правовое закрепление права на образование в каждом государстве имеет свои специфические черты. Данные особенности обуславливают наличие многообразия форм отображения права на образования в конституциях.

Прямое закрепление права на образования характерно для конституций Испании, Бельгии, Италии, Португалии и Бразилии. Помимо непосредственного закрепления права на образования, в конституциях предусматриваются различные детализирующие гарантии относительно образования. Так, в ряде государств – Испания, Мексика, Куба, Аргентина, Венесуэла, Иран существуют конституционные нормы, которые гарантируют бесплатность и обязательность школьного образования.

Для положений об образовании в конституциях Мексики, Чили, Перу характерно отражение телеологической (целевой) нагрузки закрепления нормы о праве на образование и целей самого образования. Открытость и доступность образования прописаны в Конституции Италии. В нормах итальянской конституции также закреплены гарантии дополнительной поддержки государством особо одаренных лиц. В Конституции Португалии отражены гарантии учета в образовании индивидуальных способностей обучающихся и гарантии учета в образовании индивидуальных ограниченных возможностей обучающихся (инвалидов и др.). Важной гарантией права на образование является норма о непрерывности образования, которая закреплена в конституции Венесуэлы.

В современных конституциях порой находят свое отражение и нормы касающиеся получения высшего образования: гарантии права на получение высшего образования, гарантии автономности университетов и т.д.

К другим гарантиям обеспечивающим право на образование следует отнести гарантии прав родителей на выбор религиозного и морального воспитания в соответствии с их собственными убеждениями (Бельгия, Андорра, ФРГ); гарантии идеологической и политической нейтральности и светскости образования (Бельгия, Мексика); гарантии защиты национальной и языковой идентичности в образовании (Португалия).

Безусловно, одной из наиболее весомых гарантий является обеспечение равенства обучающихся и запрет дискриминации в образовании. Такие гарантии встречаются в конституциях Венесуэлы, Иордании, Португалии [10, с. 145–146].

Таким образом, право на образование закреплено как в международных, так и в национальных правовых документах и подкреплено разнообразными гарантиями.

Необходимо отметить, что обсуждение вопросов, касающихся обеспечения права на образование, в рамках международных организаций и их органов продолжается на протяжении последних десятилетий, а результаты таких обсуждений воплощаются в стратегических планах развития мира в XXI веке.

Так, в 2015 году всеми государствами-членами ООН была принята Повестка дня в Области Устойчивого Развития на период до 2030 года. Данный документ представляет собой общий план обеспечения мира и процветания для людей и планеты как сейчас, так и в будущем. В его основе лежат 17 Целей устойчивого развития, которые являются настоятельным призывом к действиям всех стран – развитых и развивающихся – в рамках глобального партнерства. Цель № 4 гласит: «Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и содействовать созданию возможностей для обучения на протяжении всей жизни для всех» [3].

В связи с вышесказанным, а также с тем, что образование имеет приоритетное значение в жизни ребенка, в 2019 году Социальный форум – ежегодная встреча, организуемая Советом по правам человека, был сосредоточен на вопросе «поощрения и защиты прав детей и молодежи посредством образования».

В основных выводах Доклада Социального форума 2019 года указываются наиболее распространенные причины, возникающие в сфере образования и препятствующие получению детьми справедливого, инклюзивного и качественного образования. Среди названных факторов на первом месте выступают такие как: бедность; дискриминационные законы и политика; конфликты и чрезвычайные ситуации; насилие; детский труд; финансовые затраты на образование; чрезмерная коммерциализация системы образования; неадекватные учебные заведения, включая санитарию и гигиену, и недоступность заведений для детей-инвалидов; неадекватные людские, технические и финансовые ресурсы; обучение на незнакомом языке, а также слабость учебных программ и методов обучения [7, с. 21–22].

Исходя из выработанных на данном форуме рекомендаций, можно сделать вывод о том, что современные государства, различные международные организации как универсального, так и регионального характера, само гражданское общество и другие заинтересованные стороны должны безоговорочно уважать, защищать и осуществлять все права детей, особенно их право на образование.

В целом, следует сказать, что Совет по правам человека – это эффективный международный правозащитный орган в системе ООН, который призван рассматривать ситуации, связанные с нарушением прав человека, включая грубые, систематические нарушения и давать по ним свои рекомендации.

Одним из ключевых нововведений Совета по правам человека является создание нового механизма под названием Универсальный периодический обзор (далее – УПО).

УПО был создан 5 марта 2006 года в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/251, учредившей Совет по правам человека. Согласно этой резолюции Совет уполномочен «на основе объективной и достоверной информации проводить всеобъемлющие периодические обзоры выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей в области прав человека».

18 июня 2007 года Совет согласовал пакет решений об институциональном строительстве (Резолюция 5/1 и приложение к ней). Одним из ключевых элементов

этого пакета стал новый Универсальный периодический обзор. Этот механизм был дополнительно усовершенствован в ходе процесса обзора в соответствии с Резолюцией 16/21 и решением 17/119.

Резолюция Совета по правам человека 5/1 – главный документ, определяющий формат и модальности УПО. В ней были закреплены основа УПО, его цели и принципы, периодичность и порядок, процедура, итоги, а также механизм последующих действий и мер. УПО начал функционировать в 2008 году. Сущность Универсального периодического обзора заключается в том, что он является масштабным мировым мониторинговым механизмом по соблюдению прав человека, в рамках которого страны-участницы ООН должны представлять отчеты о том, как они соблюдают и обеспечивают исполнение прав человека. Такой отчет подлежит оценки со стороны участников УПО [4].

В рамках УПО каждое государство-член может периодически становиться объектом обзора и представлять подробные отчеты о выполненной работе в области прав человека. Один раз в четыре года осуществляется обзор ситуации во всех 193 государства-членах ООН.

Обзор проводится Рабочей группой УПО и проходит во время сессий данной группы, которая собирается три раза в год. Количество рассматриваемых государств на каждой сессии составляет 14 стран.

Рабочая группа УПО – это группа, состоящая из 47 членов Совета. Помимо указанных участников УПО, любое государство-член ООН может участвовать в рассмотрении, в том числе в интерактивном диалоге. В ходе обзора также принимают участие группы из трех докладчиков, представляющие три государства, – «тройки».

Особое значение имеет этап подведение итогов УПО. После проведения обзора «тройка» подготавливает итоговый документ при участии рассматриваемого государства и содействии Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. Данный доклад именуется «итоговым документом» и представляет собой доклад с кратким изложением хода обзора: включает в себя вопросы, заключения и рекомендации, сделанные государствами во время обзора, а также ответы рассматриваемого государства. После того как Рабочая группа приняла итоговые документы по каждому рассмотренному государству, все доклады передаются в Совет по правам человека, который рассматривает и утверждает документы на своей очередной сессии.

Государство несет ответственность за выполнение рекомендаций, содержащихся в итоговом документе. Во время следующего цикла УПО государство должно будет предоставить информацию о мерах, принятых с целью выполнения рекомендаций, содержащихся в предыдущем обзоре [11].

Также необходимо отметить огромное значение УПО в системе международно-правовой защиты прав ребенка, поскольку универсальность исследуемого механизма позволяет рассматривать права человека и права других категорий населения комплексно, в том числе большое внимание уделяется детям.

Для подтверждения данного тезиса, следует изучить документацию УПО в отношении Испании. Обзор по Испании состоялся в ходе третьего цикла УПО на 4-м заседании тридцать пятой сессии Рабочей группы УПО 22 января 2020 года. В

ходе обзора было отмечено, что в Испании активно воплощались в жизнь рекомендации относительно улучшения положения прав ребенка, предписанные итоговыми документами, принятыми в ходе предыдущих обзоров. Например, был одобрен проект органического закона об образовании, в котором впервые в качестве первого руководящего принципа указываются права ребенка.

При этом огромной проблемой в обеспечении права на образование остается проблема детей – неграждан Испании. Существование данной проблемы характерно не только для Испании, но и мире на сегодняшний день насчитывается огромное количество случаев, когда дети не могут реализовать свое право на образование в связи с их правовым статусом. В этой связи была разработана одна из рекомендаций по данному поводу – необходимость обеспечивать доступ к образованию для всех детей, включая детей-мигрантов [6].

Обеспечению реализации прав детей независимо от их гражданства способствует Комитет по правам ребенка – орган по наблюдению за соблюдением Конвенции о правах ребенка. В целом, данный орган оказывает международную поддержку в обеспечении государствами прав детей. В 2014 году несовершеннолетние лица получили возможность на обращение за защитой своих прав в Комитет по правам ребенка ООН. Данное право предусмотрено третьим Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка 1989 г., касающимся процедуры сообщений, от 19 декабря 2011 г., вступившим в силу 14 апреля 2014 г.

Согласно Факультативному протоколу существуют три основные процедуры подачи подобных обращений: индивидуальные сообщения, расследования, межгосударственные сообщения-жалобы [9, с. 78].

С помощью указанного механизма многие дети могут повлиять на то, чтобы осуществить свое право, в том числе получить допуск к образовательному процессу. Доказательством данного тезиса служит ситуация, рассмотренная в Комитете по правам ребенка в 2020 году.

Суть проблемы заключалась в следующем. 12-летней марокканской девочке было запрещено посещать школу в Мелилье, испанском анклав в Северной Африке. Она и ее мать в Испании относятся к категории жителей с неурегулированным правовым статусом, поэтому ребенок не имел права на доступ к государственной системе образования, несмотря на то, что достиг возраста обязательного школьного обучения (с 6 до 16 лет).

В ноябре 2019 года девочка вместе со своей матерью направили жалобу в административный суд Мелильи с требованием, чтобы ее допустили к обучению в школе. Судья постановил, что заявитель должен получать образование в Марокко.

В феврале 2020 года девочка с матерью направили индивидуальную жалобу в Комитет по правам ребенка. В ней было указано, что ребенок не имеет семейных связей в Марокко, поэтому требование поехать без необходимого сопровождения для получения образования в другую страну и получать там образование на другом языке является невыполнимым.

Комитет по правам ребенка сразу же обратился к правительству Испании по данному вопросу. Впоследствии, 24 марта, местная администрация сообщила девочке о том, что она принята в государственную школу в Мелилье [8].

Данный случай – одно из самых быстрых решений, которое было принято с помощью механизма рассмотрения индивидуальных жалоб. Таким образом, полноценную защиту прав детей международные механизмы осуществляют комплексно, взаимодействуя друг с другом. Одни механизмы выявляют проблемы и их причины, другие механизмы развивают непосредственные концепты действий и накапливают международно-правовую базу, третьи механизмы – применяют на практике данные разработки и методы.

Основной проблемой 2020 года стала борьба с пандемией COVID-19. С целью сохранения здоровья и жизни населения планеты по данным Организации ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 165 стран приняли решение о закрытии школ, в результате чего 1.52 миллиарда учащихся не посещают занятия.

Само по себе закрытие школ зачастую ведет к расширению масштабов неравенства в образовании и наносит непропорциональный ущерб детям и молодежи из наиболее уязвимых групп населения.

С первых дней пандемии ЮНЕСКО оказывает непосредственную поддержку странам в работе над минимизацией негативных последствий от закрытия учебных заведений для образовательного процесса и созданием условий для непрерывного обучения, особенно в отношении наиболее уязвимых слоев населения.

В контексте широкомасштабного закрытия школ в целях замедления распространения COVID-19 ЮНЕСКО сотрудничает с министерствами образования в затронутых и заинтересованных странах в целях обеспечения непрерывного обучения для всех детей и молодежи по альтернативным каналам.

В связи со сложившейся ситуацией в марте ЮНЕСКО объявила об объединении в условиях пандемии сил международной организации, гражданского общества и партнеров из частного сектора в широкую Коалицию по вопросам образования.

Глобальная коалиция представляет собой многосекторное партнерство для обеспечения надлежащего дистанционного обучения для всех учащихся. Глобальная коалиция по вопросам образования, созданная ЮНЕСКО, стремится обеспечить возможности для инклюзивного обучения детей и молодежи в период внезапного и беспрецедентного нарушения образовательного процесса. Инвестиции в дистанционное обучение должны содействовать как смягчению последствий непосредственных нарушений образовательного процесса, вызванных COVID-19, так и созданию подходов для разработки более открытых и гибких систем образования в будущем.

Основные задачи коалиции:

- мобилизация заинтересованных сторон и ресурсов для разработки эффективных и согласованных ответных мер;
- координация действий в целях обеспечения максимальных результатов и охвата обездоленных групп населения и избежания дублирования усилий;
- согласование потребностей на местах с местными и глобальными решениями;
- обеспечение дистанционного обучения с использованием высокотехнологичных, низкотехнологичных и нетехнологичных подходов.

Основные мероприятия в рамках коалиции:

- оказание технической помощи в быстрой подготовке и внедрении инклюзивных решений дистанционного обучения с использованием высокотехнологичных, низкотехнологичных и нетехнических подходов;

- проведение вебинаров для должностных лиц Министерства образования и других заинтересованных сторон с целью обмена информацией об усилиях стран по поддержанию инклюзивного образования в различных контекстах;
- проведение тематических семинаров по обмену знаниями;
- подготовка выпускных записок, охватывающих ключевые темы, связанные с ответом на вопросы образования COVID-19. Эти выпускные записки содержат свидетельства передовой практики, практические советы и ссылки на важные ссылки для смягчения краткосрочных и долгосрочных последствий закрытия школ;
- создание хранилища национальных учебных платформ, предназначенных для поддержки непрерывности обучения на основе учебных программ;
- региональное сотрудничество ЮНЕСКО-ЮНИСЕФ в области образования детей раннего возраста в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- виртуальные совещания на уровне министров для изучения политики в отношении усилий по инициированию и расширению мер реагирования на закрытие школ [5].

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что в современном мире происходят ситуации, когда образовательный процесс находится под угрозой, прерывается, становится недоступным.

Нагрянувшая пандемия доказала жизненную необходимость усиления консолидации сил различных государств, международных органов и организаций, других субъектов международного права, неправительственных организаций, частных лиц для создания масштабной платформы поддержки человечества в целом, в частности детей как наиболее уязвимой категории населения.

Среди основных сфер в период распространения пандемии должны оставаться вопросы обеспечения права на образование и поддержания развития детей в безопасных условиях.

Таким образом, право на образование является одним из превалирующих прав человека и ребенка. Обеспечение его реализации – главная задача каждого современного, демократического и правового государства. Однако и сегодня имеют место случаи, когда по определенным причинам, получение образования становится невозможным. Для преодоления данных проблем действуют международные механизмы защиты прав ребенка.

В ходе исследования было выявлено, что различные международные органы и организации – как универсальные, так и отраслевые, обладающие специальной компетенцией, содействуют несовершеннолетним лицам в осуществлении права на образование.

Огромное значение в обеспечении прав детей играет ООН и ее органы. Было установлено, что эффективность новой процедуры Совета по правам человека – УПО доказывается ответными действиями стран, выполнением рекомендаций, вынесенных в процессе обзора.

Одним из международных механизмов, который ведет активную борьбу за права детей в целом, а в частности за право на образование, является Комитет по правам ребенка ООН. Его деятельность наглядно демонстрирует эффективность данного органа в общемировом деле защиты прав детей.

Также большое значение в реализации прав детей играет ЮНЕСКО, которая на данном этапе действует в направлении обеспечения образования детей в условиях пандемии. Таким образом, деятельность всех перечисленных международных механизмов в области прав человека и ребенка является неотъемлемой частью системы защиты прав детей, способствует гармоничному и полноценному развитию детей в современном мире.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.
2. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.
3. 17 целей / Департамент по экономическим и социальным вопросам / Официальный сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 12.11.2020). – Загл. с экрана.
4. Абашидзе, А. Х. Универсальные механизмы защиты прав человека: электрон. учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. Х. Абашидзе, А. О. Гольтяев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 139 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/66304.html> (дата обращения: 12.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Глобальная коалиция по вопросам образования / Официальный сайт ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/globalcoalition> (дата обращения: 15.11.2020). – Загл. с экрана.
6. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору № 44/7. Испания / Документы ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/44/> (дата обращения: 20.11.2020). – Загл. с экрана.
7. Доклад Социального форума 2019 года. 43 сессия. – 10 января 2020 года. – 27 с. / Документы ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/43/63> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
8. Комитет ООН приветствует решение Испании разрешить марокканской девочке учиться в государственной школе / Официальный сайт УВКПЧ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25908&LangID=R> (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.
9. Кулакова, Н. А. Механизм подачи жалоб в рамках Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. / Н. А. Кулакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14, Право. – 2015. – № 3. – С. 75–86.
10. Петросян, Т. Э. Гарантии и содержание конституционного права на образование в конституциях зарубежных государств / Т. Э. Петросян // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 144–148.
11. УВКПЧ | Универсальный периодический обзор. Общие сведения об УПО / OHCHR.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/UPR/Pages/BasicFacts.aspx> (дата обращения: 10.11.2020). – Загл. с экрана.

12. Шадрин, В. М. Зарубежный опыт конституционно-правового регулирования права на образование / В. М. Шадрин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1(2). – С. 51–56.

Поступила в редакцию 30.11.2020 г.

TOPICAL PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHT TO EDUCATION AND WAYS OF THEIR SOLUTION: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

The article presents an analysis of the existing problems of ensuring children's rights to education. Investigated international legal and national sources of law, securing the right to education and detailing it. The international mechanisms promoting the realization of children's rights are considered, specific aspects of their activities in the field of protecting and ensuring the rights of children are indicated.

Keywords: the right to education; children's rights; child protection system; international mechanisms in the field of human and child rights; international organizations.

Одегова Людмила Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: milaodegova@yandex.ua

Odegova Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: milaodegova@yandex.ua

Рудь Юлия Андреевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulia120798@yandex.ru

Rud' Yulia

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulia120798@yandex.ru

УДК 347.62

Савченко А. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА

В статье предпринята попытка на основе нормативных актов Донецкой Народной Республики, международных актов, а также положений зарубежного законодательства, определяющего основы регулирования семейно – брачных отношений в сфере заключения брака выявить основные проблемные вопросы.

Ключевые слова: источники семейного права, брак, принципы семейного законодательства, международные стандарты, правовой обычай в семейном праве, правовой прецедент, семейный кодекс, семейные правоотношения.

В условиях формирования законодательной базы Донецкой Народной Республики, особое внимание требуют вопросы регулирования заключения брака, именно брак является одним из основных институтов семейного права.

Исследованием правовых основ регулирования семейно-брачных отношений занимались следующие ученые Матвеева Н. А., Савенко Л. В., Працко Г. С., Елисеева Г. В., Зайцева Ю. А., Писарчик С. Ю., Пчелинцева Л. М., Федосеева Г. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Алексеев И. А., Антокольская М. В., Залесский В. В., Кузнецова И. М., Рузакова О. А., Тищенко Л. А. и другие. Несмотря на то обстоятельство, что в научных кругах институт брака неоднократно был исследован, работы, посвященные анализу зарубежного семейного законодательства направлены чаще всего на проблемы регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, а не сравнительному семейному законодательству.

Цель исследования заключается, прежде всего, в анализе изменений правовой основы заключения брака в Донецкой Народной Республике, а также в анализе национального семейного законодательства некоторых зарубежных стран и их соответствие международным стандартам в сфере прав человека.

Анализ правовой основы заключения брака, прежде всего, требует терминологического определения, так в семейном законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) отсутствует трактование данного понятия. В соответствии с ч. 2 ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики нормативно-правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до принятия Конституции применялись в части, не противоречащей положениям Конституции, так до 01.09.2020 г. на территории Донецкой Народной Республики действовал семейный кодекс Украины, который в ст. 21 закреплял понятие брака как семейного союза женщины и мужчины, зарегистрированного в государственном органе актов гражданского состояния.

© Савченко А. А., 2020

Анализируя практику закрепления или отсутствия такового в семейном законодательстве стран, входящих в Евразийское экономическое сообщество, можно заметить, что большинство государств не фиксирует понятие брака (за исключением Украины; Республики Беларусь в ст. 12 брак определен как добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных семейным законодательством и направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности; и Кыргызской Республики, которая определяет ст. 2 брак как равноправный и добровольный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и обоюдном согласии сторон в установленном законом порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные отношения между супругами); Армения, закрепляет понятие семьи, условия и порядок заключения брака. Республика Казахстан, не фиксирует понятие брака, а ст. 2 кодекса «О браке (супружестве) и семье» определяет, что браком не является, речь идет об отказе со стороны государства признания религиозных обрядов и ритуалов, а также фактического сожительства. Такой позиции придерживается в отношении религиозных обрядов и законодатель Таджикистана. Молдова в семейном кодексе также не фиксирует понятие брака, а определяет ст. 2 что возникновение прав и обязанностей возможно только на основе регистрации отношений в соответствующих органах власти. Отсутствует понятие брака и в семейном кодексе Российской Федерации, однако, вследствие неоднозначной практики признания брака, заключенного за пределами Российской Федерации между лицами одного пола, в целях сохранения традиционных подходов к пониманию брака в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения в ст. 72, где Законом Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ было зафиксировано, что государство гарантирует защиту института брака как союза мужчины и женщины. Семейный кодекс Узбекистана дает определение брака недействительного и фиксирует ст. 13 отсутствие юридических последствий в случае отправления религиозного обряда и без заключения в органах записи актов гражданского состояния.

В научных исследованиях достаточно часто используют термины: «брачно-семейные отношения», «семейно-брачные отношения», «семейные отношения». Безусловно, понятия брак и семья очень тесно связаны, именно основу семьи, как правило, и составляет брак. Основной функцией права является регулирующая функция, которая способствует развитию общественных отношений. Право регулирует не все, а наиболее важные общественные отношения, значимые для государства и общества, так общественные отношения, возникающие по поводу заключения брака, создания семьи, расторжения брака, также имущественные и личные неимущественные отношения между супругами и другими членами семьи регулируются правом, с целью обеспечения устойчивости и стабильности таких правоотношений. Как отмечает Савенко Е. С., специфическим результатом воздействия нормы права на фактические общественные отношения, возникающие из брака и семьи, являются правоотношения, которые юридической наукой определяются как брачно – семейные правоотношения [1].

Таким образом, можно согласиться с мнением Федосеевой Г. Ю., о том, что следует использовать именно данную конструкцию, так как именно она отображает определенную последовательность юридических фактов (заключение брака (регистрация), а затем и формируется семья [2].

Анализируя правовую основу заключения брака, безусловно, прежде всего, требует внимания Основной закон государства, фиксирующий правила жизни общества и порядок взаимодействия в нем людей, выполняя учредительную (устанавливает основы государственного и общественного устройства Донецкой Народной Республики), внешнеполитическую (определяет не только внутреннее устройство государства, но и формирует базу внешнеполитической деятельности государства), идеологическую (закрепляет систему общественных ценностей в государстве, именно на основе Конституции формируется воззрение каждого члена общества), юридическую (является основой правопорядка в государстве, регулирует наиболее важные общественные отношения как документ прямого действия) функции.

Конституция Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) занимает особое место в системе нормативно правовых актов, что подтверждено не только общетеоретическим юридическим свойством Конституции (речь идет о верховенстве и высшей юридической силе), но и прямо зафиксировано в ст. 6 Закона ДНР «О нормативных правовых актах». Статья 31 Конституции ДНР презюмирует защиту материнства, детства и семьи со стороны государства, в этом положении не закреплена категория «отцовство», так в первой части статьи 38 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) подобное положение компенсируется за счет ст. 72 пункта «ж1», где законодатель уже обозначает, что защита семьи, материнства, отцовства и детства находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ. Как отмечает Чиркин В. Е. «Забота о семье, материнстве, детстве, об отцовстве означает создание обществом и государством социально-экономических, политических, идеологических и нравственных предпосылок для прочной, здоровой семьи, полноценного материнства, отцовства и детства, заботу о матери и ребенке, охрану их прав»[3].

Закон ДНР «О здравоохранении» (далее – Закон) закрепляет право каждой женщины самой решать вопрос о материнстве, охрана здоровья матери и ребенка, вопросы семьи и репродуктивного здоровья, содержатся в главе 7. В соответствии со ст. 43 Закона, каждая женщина в период беременности, во время родов и после родов обеспечивается медицинской помощью в учреждениях здравоохранения в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, в ст. 48 закрепляется право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, ст. 49 закрепляет право на искусственное прерывание беременности, ст. 50 закрепляет возможность проведения процедуры стерилизации.

Поддержка материнства выражается через социальные пособия, а также закреплением трудовых «преференций», так законом ДНР «Об отпусках» (ст. 19) женщинам на основании листка нетрудоспособности предоставляются отпуск по беременности и родам. Отцовству в законодательстве уделяется меньше внимания, так Семейный кодекс ДНР ст. 1 устанавливает, что семья, материнство, отцовство и детство в Донецкой Народной Республике находятся под защитой государства. Отец может воспользоваться полностью или частично отпуском при рождении или усыновлении ребенка (ст.ст. 20,21 Закона ДНР «Об отпусках»), а также имеет право на дополнительный оплачиваемый отпуск в соответствии со ст. 10 Закона.

К Следующему положению Конституции, закрепляющему основы семейно-брачных отношений можно отнести ч. 3 ст. 13, закрепляющее гендерное равенство –

равноправие мужчины и женщины. Конституционный принцип равенства мужчины и женщины, как отмечает, Бондарь Н. С., не исключает дифференциации правового регулирования соответствующих категорий граждан [4], так законом устанавливается разный возраст выхода на пенсию, что обеспечивает подлинное равенство, а не формальное, именно такая формулировка содержится в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2000 г. № 276-О.

Законодательство Донецкой Народной Республики предусматривает отраслевые меры по обеспечению равноправия женщин и мужчин, так например, ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса ДНР устанавливает равенство прав супругов в семье. Некоторые ученые озвучивают необходимость в принятии специального закона, который бы конкретизировал механизм реализации конституционного принципа гендерного равноправия по различным направлениям общественной жизни.

Положение о гендерном равенстве обусловлено также и наличием ст. 12 Конституции, где законодатель признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Таким образом, из этого положения следует, что Донецкая Народная Республика не только признает международные стандарты прав человека, содержащиеся в общепризнанных международных актах о правах человека, но и воспринимает их в качестве общеобязательных норм.

Исходя из этой дефиниции можно предположить, что в случае расхождения национального семейного законодательства с положениями международных соглашений, применяются правила, установленные международным договором, в подобном предположение можно утвердиться благодаря ст. 4 Закона ДНР «О международных договорах», так ч. 2 декларирует, что если международным договором Донецкой Народной Республики установлены иные правила, чем предусмотренные действующим законодательством Донецкой Народной Республики, то применяются правила международного договора [5]. Таким образом, существенное значение в области семейно-брачных отношений, в том числе в сфере заключения брака имеют международные договоры.

Анализируя генезис международных соглашений следует, прежде всего, начать с первых предпринимаемых попыток унификации правовых норм в области брачно-семейных отношений, Гаагских конвенций 1902–1904 г.г., 1905 г., 1906 г. Особое внимание обращает на себя Конвенция для урегулирования конфликтов между законами и юрисдикциями в области развода и разлучения от 12 июня 1902 года (хотя данное соглашение, было позже дополнено и сегодня не действует) и Конвенция о личных и имущественных отношениях между супругами от 17 мая 1905 г.

Среди международных соглашений следует особое внимание обратить на Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 года и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

В статье 16 Всеобщей декларации прав человека, где наряду с закрепленными принципами равенства содержатся отдельные положения в отношении семьи и брака: мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления

в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обоих вступающих в брак сторон [6].

Статья 12 Европейской конвенции о защите прав человека содержит дефиницию о том, что мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права [7].

Анализируя положения Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков от 10 ноября 1962 года, следует обратить внимание на то, что заключение брака возможно, только при наличии полного и свободного согласия обеих сторон, которое должно быть изъявлено ими лично, в соответствии с законом, после надлежащего оглашения, в присутствии представителя власти, имеющего право на оформление брака, и в присутствии свидетелей. Статья 2 закрепляет что государства, принимающие участие в данной конвенции обязаны установить в национальном законодательстве минимальный брачный возраст. Не допускается заключение брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать из этого правила исключение по серьезным причинам. Статья 3 закрепляет, что все браки регистрируются компетентным органом власти в соответствующем официальном реестре[8].

Перечисленные акты следует дополнить Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, так и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, включающие в себя нормы семейного права.

Так, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах содержит следующие положения: в ст. 3 закреплена обязанность участвующих в Пакте государств обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами, предусмотренными данным международным актом; в ст. 10 зафиксировано положение о том, что брак должен заключаться по свободному согласию вступающих в него лиц. Особая охрана должна предоставляться матерям в течение разумного периода до и после родов. В течение этого периода работающим матерям должен предоставляться оплачиваемый отпуск или отпуск с достаточными пособиями по социальному обеспечению [9].

В ст. 23 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах содержится следующие положения: за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью. Ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия вступающих в брак. Участвующие в настоящем Пакте Государства должны принять надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении [10].

Конвенция о гражданстве замужней женщины от 29 января 1957 года, принимает особую актуальность, в семейно-брачных отношениях, осложненных иностранным элементом, и посвящена в большей степени запрету автоматической потери

гражданства. В 1957 году это был серьезный шаг для признания женщины как самостоятельного субъекта права, ведь долгое время права женщины и права человека были не тождественны. Ст.3 Конвенции, закрепляет что иностранка, состоящая замужем за кем-либо из его граждан, может приобрести, по своей просьбе, гражданство своего мужа в специальном упрощенном порядке натурализации. Дарование такого гражданства может быть объектом ограничений, устанавливаемых в интересах государственной безопасности или публичного порядка [11].

Конвенция о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов от 1 июня 1970 года, также регламентирует вопросы семейно-брачного характера, а точнее брако-разводного, осложненного иностранным элементом. Однако, данная конвенция подпадает под ракурс исследования, за счет того что, новый брак может быть заключен только с лицами не находящимися в состоянии брака, и вопрос наличия решения Суда о разводе также имеет юридическое значение.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года, ст. 2 определяет, что Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин, а ст. 3 закрепляет обязанность во всех сферах, частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами [12].

Всеобщая исламская декларация прав человека от 19 сентября 1981 года, ст. 19 закрепляет право на создание семьи и связанные с этим вопросы: а) Каждый имеет право на брак, создание семьи и воспитание детей в соответствии со своей религией, традициями и культурой. Этими правами и привилегиями наделены оба супруга, имеющие также определенные обязательства в рамках закона; ... и) Никто не должен быть принужден к вступлению в брак, не должен терять свою юридическую самостоятельность или пользоваться ей в меньшей мере после вступления в брак [13].

Если говорить о зарубежном отраслевом законодательстве, то стоит отметить, что во многих зарубежных странах отсутствует как таковое отраслевое семейное законодательство, семейные отношения регулируются нормами гражданского кодекса, например, Федеративная Республика Германия, Швейцария, Франция, Япония. Однако все же большее количество современных государств выделили семейное право в отдельную отрасль права (Республика Казахстан, Российская Федерация, Алжир, страны Восточной Европы и Латинской Америки).

В соответствии с ч. 2 ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики нормативно-правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до принятия Конституции применялись в части, не противоречащей положениям Конституции, так до 01.09.2020 г. на территории Донецкой Народной Республики действовал семейный кодекс Украины.

Институту брака в предыдущем семейном кодексе посвящен раздел II Брак. Права и обязанности супругов, состоящий из 9 глав. В главе 3. Общие положения,

законодатель определял брак как семейный союз женщины и мужчины, зарегистрированный в государственном органе регистрации актов гражданского состояния. Особое внимание уделялось положению о том, что фактические брачные отношения не порождают прав и обязанностей между сожителями, также отклонялся религиозный обряд брака как основание для возникновения взаимных обязанностей [14]. Также отдельная глава (4) была посвящена государственной регистрации брака, где законодатель обозначал значение государственной регистрации брака, порядок подачи заявления, обязательства лиц, подавших заявление, требования, необходимые для правосостности брака семейному законодательству, также в главе 5 указаны основания недействительности брака и правовые последствия недействительности брака.

В новом СК ДНР вопросам заключения брака отведен раздел II, в частности глава 3 носит название «Условия и порядок заключения брака», где отсутствует понятие брака, раздел начинается со ст. 10, где законодатель фиксирует положение о том, что права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния [15].

В главе три действующего семейного законодательства Донецкой Народной Республики, законодатель фиксирует, порядок заключения брака, условия заключения брака, брачный возраст, обстоятельства, препятствующие заключению брака, обязанность медицинского обследования лиц, вступающих в брак, также в главе 5, определяются критерии признания брака недействительным, а также круг лиц, имеющих право требования признания брака недействительным, ст. 29 определяет обстоятельства, устраняющие недействительность брака и юридические последствия признания брака недействительным.

И в прежнем семейном кодексе (ст. 8), и в действующем (ст. 4), фиксируется возможность применения к семейным правоотношениям гражданского законодательства.

Как отмечает Булеца С.Б. возможность такого применения (ст. 8) ограничена двумя условиями, а именно неурегулированность семейных правоотношений нормами семейного права и если такое регулирование не противоречит сущности семейных отношений. По классификации римских юристов по вопросам разделения права на частное и публичное, семейное право принадлежит к частно-правовым отраслям правовой системы, поэтому является очевидным возможность субсидиарного применения к отношениям этой отрасли права основоположного акта частного права – Гражданского кодекса. Присущие гражданскому праву методы диспозитивности и договорной свободы, очевидно, не могут применяться в процедуре усыновления, опеки и попечительства, вопросов действительности брака, так как противоречат сущности таких семейных правоотношений [16].

А вот определение правового статуса лиц, объема право- и дееспособности, его ограничение, вопросы опеки и попечительства, сделки, договоры, исковая давность, обязательство более детально регламентированы положениями гражданского кодекса. При разрешении вопросов о заключении, исполнении, расторжении брачного договора, алиментного соглашения, признания их недействительности подлежат применения положения гражданского кодекса о сделках. Применение Гражданского кодекса

Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) зафиксировано и в ч. 2 ст. 43, в отношении порядка изменения и расторжения брачного договора, в ч. 1 ст. 101 СК ДНР, определяются последствия, предусмотренные ГК ДНР за несоблюдение установленной законом формы соглашения об уплате алиментов. Статья 9 СК ДНР устанавливает отсылку к ГК ДНР в отношении применения норм, устанавливающих исковую давность. Семейное законодательство в принципе не в полной мере охватывает все имущественные отношения между членами семьи, так вопросы наследования регулируются разделом 5 «Наследственное право» ГК ДНР, хотя наследование по закону определяется степенью родства и отношений свойства.

Наукой семейного права определены критерии, позволяющие разграничить предмет семейного и гражданского права. Так, Шершень Т. В. определяет среди этих критериев следующие: особый субъектный состав семейных отношений – эти отношения должны возникать между членами семьи (супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, между родственниками или иными лицами); имманентно присущий большинству семейных отношений лично доверительный характер; тесная связь имущественных отношений, регулируемых семейным законодательством, с личными неимущественными отношениями [17].

К новеллам СК ДНР, можно отнести и факт отсутствия положения о регулировании семейных отношений по договоренности (договору) сторон, где в ст. 9 устанавливались субъекты, отношения между которыми могли быть предметом договорного урегулирования, речь идет прежде всего о супругах, родителях ребенка и детей, других членов семьи и родственников (первая группа), а также лиц, проживающих одной семьей, а также родственников по происхождению, отношения которых не урегулированы СК (вторая группа). Первая группа касалась основных субъектов семейных правоотношений, права, обязанности которых детально регламентированы положением семейного кодекса, ко второй группе законодатель относил лиц, двоюродных брата и сестру, тетю, дядю и племянников, которые проживают одной семьей и отношения которых не урегулированы СК. Примером договорного регулирования прежде всего стоит назвать институт брачного договора, хотя договорная свобода регулирования семейных отношений не является абсолютной, а ограничена определенными рамками. В действующем СК ДНР хотя и законодатель не зафиксировал прямо дефиницию о регулировании семейных отношений по договоренности, данное положение, например, отражено в ст. 40 где брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения [15].

Как отмечает Селецкая С.Б., «поскольку брак представляет собой институт особого рода, он регулируется не только нормами права, но и нормами морали и этики».

И действительно, из положений законодательства разных стран следует, что помимо закрепленных законодательно условий заключения брака существенное влияние оказывают также и обычаи, традиции соответствующего общества. Сегодня в законодательстве современных государств к таким обычаям, как отмечает, Антонова А. А., относят: знакомство, обручение, обмен кольцами, разбрасывание риса или денег во время свадебной церемонии, медовый месяц, перешагивание жениха и

невесты через символические препятствия. Что любопытно в семейном кодексе Российской Федерации обычаи как возможные источники семейного права не получили закрепление, хотя и в Преамбуле Конституции субъектом принятия конституции назван многонациональный народ Российской Федерации, вероятно, такое положение обусловлено федеративным устройством и возможным более детальным регламентированием вопросов заключения брака субъектами федерации.

В странах мусульманского права наряду с Конституцией и законами действует Коран, Сунна – «Священное придание», состоящее из мнений самых авторитетных богословов. В некоторых зарубежных странах государство признает церковные браки, которые соответственно заключаются по порядку, предписанному религиозными нормами.

Проанализировав правовые основы заключения брака в Донецкой Народной Республике и сравнив некоторые положения с семейным законодательством зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что каждое государство опираясь на международные стандарты прав человека с учетом своих традиций определяет основные принципы, условия и порядок заключения брака, остается нерешенным вопрос, связанный с терминологией в отношении самого понятия брака, вопросов связанных с дублированием некоторых положений в гражданском кодексе, что негативно влияет на правоприменительную практику.

Список источников

1. Савенко, Е. С. Понятие брака в международном частном праве / Е. С. Савенко // *Lex russica* (Русский закон). – 2018. – № (6). – С. 106–116.
2. Федосеева, Г. Ю. Брачно-семейные отношения международного характера и международное частное право: объект и отрасль или две самостоятельные отрасли права? / Г. Ю. Федосеева // *Lex russica* (Научные труды МГЮА). – 2004. – № 2. – С. 536–545.
3. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник/ В. Е. Чиркин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 608 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.
5. О международных договорах Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета 29 июня 2015 года № 66-ІН) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-mezhdunarodnyh-dogovorah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 03.10.2020). – Загл. с экрана.
6. Всеобщая декларация прав человека: Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 217 А(ІІІ) от 10 декабря 1948 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 06.10.2020). – Загл. с экрана.
7. Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950; с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.

8. Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (открыта для подписания и ратификации резолюцией 1763 А(ХVII) Генеральной Ассамблеи от 7 ноября 1962 года) / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr.shtml (дата обращения: 28.09.2020). – Загл. с экрана.

9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А(XXI) Генеральной Ассамблеей от 16 декабря 1966 г.) / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 29.09.2020). – Загл. с экрана.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А(XXI) Генеральной Ассамблеей от 16 декабря 1966 г.) / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 28.09.2020). – Загл. с экрана.

11. Конвенция о гражданстве замужней женщины (принята резолюцией 1040 (XI) Генеральной Ассамблеи от 29 января 1957 года) / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml (дата обращения: 03.10.2020). – Загл. с экрана.

12. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года) / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 04.10.2020). – Загл. с экрана.

13. Всеобщая исламская декларация прав человека (принята 19 сентября 1981 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constituanta.blogspot.com/2011/02/1981_26.html (дата обращения: 06.10.2020). – Загл. с экрана.

14. Сімейний кодекс України: Закон України від 10 січня 2002 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 21–22. – Ст. 135.

15. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики № 172-ПНС от 17.07.2020 (действ. Ред. по сост. на 01.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 03.10.2020). – Загл. с экрана.

16. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / З. А. Ахметова, Е. Ю. Ковалькова, О. Н. Низамиева [и др.]; отв.ред. О. Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2011. – 549 с.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.

TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL BASIS FOR REGULATING THE CONCLUSION OF MARRIAGE

The article makes an attempt to identify the main problematic issues on the basis of the normative acts of the Donetsk People's Republic, international acts, as well as the provisions of foreign legislation that determines the foundations of family and marriage relations in the field of marriage.

Keywords: sources of family law, marriage, principles of family law, international standards, legal custom in family law, legal precedent, family code, family legal relations.

Савченко Анастасия Александровна

аспирант кафедры конституционного
и международного права, старший
преподаватель кафедры конституционного
и международного права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Savchenko Anastasia

graduate student of the Department of
Constitutional and International Law, Senior
Lecturer of the Department of Constitutional
and International Law of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

УДК 340.137.3

Соловьёва Ю. А.

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В БОРЬБЕ С ГЕНОЦИДОМ

В статье дан краткий обзор международного законодательства по вопросам противодействия геноциду; определяется роль ООН в борьбе с этим международным преступлением, а также основные методы и стратегии для предупреждения преступления «геноцид».

Ключевые слова: права человека; международные преступления; геноцид; Холокост; конвенция; резолюция; ООН.

В докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность» [1], подготовленном по поручению Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, указано шесть блоков угроз, которыми мир должен заниматься в XXI веке, одним из которых является насилие внутри государств, включая гражданские войны, массовые нарушения прав человека и геноцид. Таким образом, Генеральный Секретарь ООН акцентирует внимание на том, что в современном мире борьба с геноцидом остается одной из актуальнейших проблем.

Бесспорно, что с момента создания в 1945 г. и по сегодняшний день, ООН продолжает оставаться наиболее эффективной площадкой для межгосударственного сотрудничества по противодействию геноциду. Ее специализированными учреждениями было предпринято ряд важных мер для консолидации сил мирового сообщества в борьбе с этим международным преступлением. В тоже время конструктивные изменения в региональных и глобальных процессах, влияющие на международный мир и безопасность, требуют введения новых подходов для эффективного реагирования на весь спектр угроз международной безопасности, в том числе на акты проявления геноцида. К тому же необходимость совершенствования практики и механизмов правового регулирования отношений в сфере борьбы с геноцидом является одной из приоритетных задач всего мирового сообщества, и, следовательно, ООН.

Анализ юридической литературы по теме статьи показал, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию понятия «геноцид» и соответствующих исторических событий, системных научных трудов, раскрывающих роль ООН в борьбе с этим международным преступлением на современном этапе развития мирового сообщества практически нет. Определенных аспектов поднятого вопроса в своих работах касались В. В. Аванесян, Н. Г. Обидина, Е. В. Пыхтеева [2–4].

В связи с этим целью данного исследования является изучение и анализ деятельности ООН в борьбе с геноцидом, что даст возможность оценить

© Соловьёва Ю. А., 2020

действенность методов и стратегий противодействия этому международному преступлению.

Так, в официальных документах понятие «геноцид» появилось только в 1945 г. в обвинительном заключении Нюрнбергского суда, где было использовано в таком контексте: истребление расовых и национальных групп, гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожить определенные народы и классы, национальные, этнические и религиозные группы, в частности евреев, поляков и цыган [5, с. 17–18]. Позже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) была принята Резолюция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая закрепляла, что геноцидом необходимо считать отказ в признании права на существование целых человеческих групп, что влечет за собой значительные «потери» для человечества, которое в следствие это лишается культурных и прочих ценностей, представляемых этими человеческими группами. Указанной Резолюцией также провозглашается, что наказание за преступление геноцида является вопросом международного значения [6, с. 45].

Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [7] геноцид – это действия, которые совершаются с целью уничтожения (полностью или частично) какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной групп. К актам проявления геноцида необходимо относить: убийства, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения, а также насильственная передача детей из одной группы в другую.

Хотелось бы отметить, что указанной Конвенцией такие концептуальные аспекты преступления «геноцид», как четкий перечень охраняемых групп населения, а также правовых средств предупреждения и пресечения данного преступления; установление универсальной юрисдикции к преступлению геноцида и пр. закреплено не было. Во-первых, неясным остается факт сужения круга «потерпевших» от преступления геноцида до национальных, этнических, расовых или религиозных групп. Так, например, в 1975–1970 гг. в Камбодже причиной уничтожения «красными кхмерами» значительной части населения было принадлежность последних к одной из таких категорий, как интеллигенция, политические оппоненты, экономически прогрессивная часть населения («Поля смерти» Пола Пота).

Во-вторых, данной Конвенцией, вводится ответственность за указанное международное преступление, раскрывается его содержание, определяются механизмы привлечения виновного к ответственности, а вопросы предотвращения преступления геноцида остаются вне поля зрения «разработчиков». Единственная превентивная мера для предотвращения геноцида, предусмотренная Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [7], это обязанность договаривающихся сторон в национальном законодательстве предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении данного международного преступления или других упомянутых в Конвенции преступлений, что, по нашему мнению, является недостаточным. Более того, даже после принятия указанной Конвенции неоднократные факты геноцида имели место быть, например, в Северном

Ираке истребление курдского населения в 1987–1988 гг.; в Руанде массовое истребление представителей племени тутси в 1994 г.; массовое убийство боснийских мусульман, получившее название «Резня в Сребренице» в 1995 г. и т. д.

Таким образом, несмотря на принятие ряда международных нормативно-правовых актов, на практике признание и предотвращение на международном уровне факта геноцида часто является проблематичным. В ряде случаев государства или народы «не желают» признавать акт геноцида, который им инкриминируется. Достаточно часто сам факт геноцида признаётся лишь отдельными государствами, тогда как «мировое сообщество» занимает «нейтральную сторону» [3, с. 158]. Так, например, по мнению А. Караулова в Украине в 2014 г. был зафиксирован акт геноцида. Автор утверждает, что начиная с апреля 2014 г. представители политического и военного руководства Украины отдавали приказы, направленные на полное уничтожение именно русскоязычных граждан, где на тот момент погибло в результате военных действий не менее 2,5 тысяч мирных жителей, было разрушено и уничтожено более 500 жилых домов, больниц и школ, а более 300 тысяч жителей, опасаясь за свою жизнь и здоровье, покинули место своего постоянного проживания [8, с. 6]. В ответ на это в сентябре 2014 г. Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело о геноциде русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины. Тем не менее, на международном уровне применяемые действия актом геноцида до сих пор не признаны.

Переходя непосредственно к вопросу о деятельности ООН в борьбе с геноцидом, хотелось бы заметить, что в 1991 г. ГА ООН было разработано и принято проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человека [10]. Ценностью данного кодекса стало разграничение ответственности за совершение преступления против мира и безопасности человека между государством и индивидом. В нем, например, отмечалось, что преступлениями против мира и безопасности населения необходимо считать бесчеловечные акты (убийства, истребления, порабощение, высылка или преследование), которые совершаются в отношении любого гражданского населения исходя из политических, расовых, религиозных или «культурных» мотивов властями какого-либо государства или отдельными лицами, действующими по подстрекательству или при попустительстве этих властей [10]. Таким образом, в соответствии с указанной нормой субъектами международных преступлений могут выступать исключительно физические лица (представители власти либо частные лица).

В тоже время истории международного права известна «попытка» привлечь к ответственности целое государство, а не его отдельных граждан или руководство страны за совершение международного преступления геноцида. Так, 20 марта 1993 г. Босния и Герцеговина представили заявление в Международный уголовный суд (далее – МУС) о возбуждении разбирательства против Сербии и Черногории (называемой тогда Союзной Республикой Югославией) в связи со спором, касающимся предполагаемых нарушений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой ГА ООН 9 декабря 1948 г. [7]. В своем заявлении Босния и Герцеговина среди прочего требовали от МУС вынести решение и объявить, что Сербией и Черногорией было совершено деяния, которые привели к гибели и

убийствам, ранениям, изнасилованиям, грабежам, пыткам, похищениям, незаконному задержанию и истреблению граждан Боснии и Герцеговины. В своем заявлении Босния и Герцеговина характеризовали действия со стороны указанных государств как этнические чистки и требовали выплатить соответствующее возмещение.

26 февраля 2007 г. МУС было вынесено решение по данному делу и определено, что Сербией геноцида совершено не было, а также, что данное государство не вступало в сговор с целью совершения геноцида, и не подстрекало к его совершению, а также не являлось соучастником в совершении данного преступления. Таким образом, по мнению МУС, Сербией не было нарушено свои обязательства по Конвенции о геноциде. И все же МУС было определено, что Сербией было нарушено обязательство предупреждать геноцид в соответствии с положениями Конвенции о геноциде в отношении актов геноцида, имевших место в Сребренице в июле 1995 г. Однако данное деяние уже было квалифицировано именно в такой формулировке Международным трибуналом по бывшей Югославии.

Несмотря на то, что МУС не было удовлетворено иск Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории, сам факт обращения в Суд одного государства с обвинениями в отношении иного в совершении международного преступления является беспрецедентным, поскольку впервые в истории международного права в совершении международного преступления обвинялись не отдельные лица, а целое государство [11, с. 342–343].

Возвращаясь к вопросу о роли ООН в борьбе с геноцидом, хотелось бы заметить, что еще в 2004 г. бывшим Генеральным Секретарем ООН Кофи Аннаном по случаю Международного дня памяти о геноциде в Руанде было объявлено о Плате действий по предотвращению геноцида, состоящем из пяти направлений деятельности, которые включали в себя: 1) предотвращение вооруженных конфликтов, которые, как правило, являются «предпосылкой» для проявления актов геноцида; 2) защиту гражданского населения в ходе вооруженных конфликтов, включающую в себя предоставление мандатов миротворцам ООН для защиты мирного населения; 3) искоренение безнаказанности, которое достигается при помощи судебных инстанций, как национальных, так и международных; 4) на раннем этапе предупреждение ситуаций, которые могут потенциально перерасти в геноцид; 5) быстрые и решительные действия наряду с непрерывными мерами, включая военные действия [9].

Указанный План действий предусматривал также учреждение должности Специального советника по предупреждению геноцида, функциями которого являются следующие: 1) сбор информации о массовых и серьезных нарушениях прав человека и норм международного гуманитарного права, которые носят этническую и расовую природу и которые могут привести к геноциду; 2) раннее предупреждение Генерального секретаря и через него Совета Безопасности ООН для привлечения их внимания к ситуациям, которые могут привести к геноциду; 3) вынесение рекомендаций Совету Безопасности ООН в отношении мер, необходимых для предупреждения или пресечения актов геноцида; 4) работа над укреплением потенциала ООН в области анализа и управления информацией, касающейся геноцида или связанных с ним преступлений. При этом предупреждение геноцида (равно как и установление его факта) не является задачей Специального советника. Это является компетенцией судов

соответствующей юрисдикции. Миссия Специального советника носит исключительно упреждающий характер: оповещать Генерального секретаря ООН о грозящем риске геноцида, а также предлагать меры для предотвращения эскалации риска геноцида [13].

ООН также разработано методику выявления геноцидальной опасности в государствах мира [12, с. 2–11]. Согласно данной методики геноцидальную опасность представляют следующие факторы, имеющие место в государстве: 1) наличие национальных, этнических, расовых или религиозных групп, а также их уровень уязвимости; 2) факты нарушения прав человека в отношении данных групп населения; 3) уровень развития национального потенциала по предупреждению геноцида; 4) наличие субъектов вооруженной оппозиции; 5) наличие политических и экономических мотивов, которые могут заставить политических лидеров разжечь разногласия между группами населения; 6) наличие элементов преступления геноцида, а также «приближение моментов особой уязвимости» [4, с. 224].

Хотелось бы также отметить, что на 60-й сессии ГА ООН 1 ноября 2005 г. была принята Резолюция 60/7 «Память о Холокосте» [14]. Данной Резолюцией не только было определено понятие «Холокост», но и введено ежегодный Международный день памяти жертв Холокоста – 27 января. Кроме этого, в указанной Резолюции содержится призыв к государствам-членам ООН разработать просветительские программы, чтобы избежать повторения геноцида будущими поколениями и сохранить память об этой трагедии. ГА ООН также обратилась к Генеральному секретарю ООН с просьбой учредить программу просветительской деятельности «Холокост и ООН» и принять меры для мобилизации гражданского общества в целях сохранения памяти о Холокосте (когда было истреблено одну треть евреев и несчетное число представителей других меньшинств).

Продолжая свою деятельность по предотвращению геноцида в 2007 г. ГА ООН принимает Резолюцию 61/255 «Об отрицании Холокоста» [15]. Эта Резолюция призывает все государства-члены «безоговорочно отвергать любое отрицание Холокоста», поскольку сомнения в реальности этого события неизбежно повышают риск его повторения. Формальной причиной принятия этой Резолюции послужила инициатива Ирана по проведению конференции, посвященной оценке природы и масштабов уничтожений людей в фашистских лагерях, а также высказывания президента Ирана Махмуда Ахмадинежада о его сомнениях в реальности Холокоста.

В тоже время ООН акцентируется внимание на том, что предупреждение геноцида в первую очередь является задачей государств-участников, а также, что «добиться успеха» в борьбе с этим международным преступлением только за счет их совместных действий, скоординированных Специальным советником по предупреждению геноцида [12, с. 48]. Более того в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., принятом на пленарном заседании высокого уровня в рамках 16-й сессии ГА ООН (резолюция 60/1), предусмотрен раздел «Обязанность защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». В соответствии с данным разделом каждое государство обязано само защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности (п. 138). Государства-участники признают, что

международное сообщество в лице ООН также несет ответственность за оказание помощи государствам в том, что касается выполнения ими обязательств по защите населения (п. 139). Таким образом, в указанных нормах, во-первых, подчеркивается важность раннего предупреждения и предотвращения геноцида, а, во-вторых, обращается внимание на необходимость поддержки мирового сообщества государствам в защите своего населения [9].

Таким образом, роль ООН в борьбе с геноцидом заключается, прежде всего, в разработке свода норм международного права, необходимых для укрепления мира и безопасности в целом, и борьбы с указанным преступлением в частности. В тоже время, очевидно, что действенный механизм предупреждения и пресечения актов геноцида на сегодня в международном законодательстве отсутствует, что, несомненно, является «упущением» ООН. Вполне вероятно, что принятие Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества послужит одним из важных шагов в прогрессивном развитии норм международного уголовного и международного гуманитарного права.

Список источников

1. Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня предлагает план мер, направленных на то, чтобы противостоять угрозам XXI века, сделать мир более безопасным и укрепить ООН / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml (дата обращения 10.08.2020). – Загл. с экрана.
2. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Аванесян Вилен Витальевич; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. – М., 2010. – 235 с.
3. Обидина, Н. Г. Деятельность ООН по предупреждению геноцида / Н. Г. Обидина // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 4. – С. 157–160.
4. Пыхтеева, Е. В. Современные стратегии и способы противодействия геноциду / Е. В. Пыхтеева // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 221–228.
5. Сухарев, А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности / А. Я. Сухарев // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 14–19.
6. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946 г. // Сборник международных договоров. – Т. 1. – Ч. 2. Универсальные Договоры. – 1994. – 1032 с.
7. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: Резолюция 260 (III) ГА ООН от 9 декабря 1948 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.
8. Караулов, А. Геноцид русских на Украине. О чем молчит Запад / А. Караулов. – М., 2015. – 220 с.
9. Верховенство права – Предупреждение геноцида [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/RuleOfLaw/Pages/PreventionGenocide.aspx> (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.
10. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>

documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.

11. Хамидова, М. Ф. Создание Международного уголовного суда и правовые вопросы ответственности за международные преступления / М. Ф. Хамидова // Вестник СПбГУ. Право. – 2017. – Том 8. – Вып. 3. – С. 337–348.

12. Ежегодный доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и доклады Управления Верховного комиссара и Генерального секретаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/10/30> (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.

13. Защита уязвимых групп населения от геноцида / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21866> (дата обращения: 10.08.2020). – Загл. с экрана.

14. Память о Холокосте: Резолюция A/RES/60/7 ГА ООН от 1 ноября 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MU05245.html (дата обращения: 10.01.2020). – Загл. с экрана.

15. Отрицание Холокоста: Резолюция A/RES/61/255 ГА ООН от 26 января 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/255> (дата обращения: 10.01.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.08.2020 г.

THE ROLE OF THE UNITED NATIONS IN THE COMBAT AGAINST GENOCIDE

The article provides a brief overview of international legislation on combating genocide; defines the role of the UN in the fight against this international crime, as well as the main methods and strategies to prevent the crime of «genocide».

Keywords: human rights; international crimes; genocide; The Holocaust; convention; resolution; UN.

Соловьёва Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: Soloveva5585@bk.ru

Solovyova Julia

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: Soloveva5585@bk.ru

УДК 341.29

Соловьёва Ю. А.

Анушкевич С. А.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ «АГРЕССИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье дан краткий обзор международного законодательства по вопросам определения международного преступления «агрессия», перечня субъектов агрессии; проанализировано научные подходы в толковании понятия агрессии в международном праве. Авторы приходят к выводу, что сегодня существует актуальная проблема принятия универсальной дефиниции преступления агрессии, которая не ограничивалась бы исключительно вооруженной формой проявления.

Ключевые слова: международное преступление; агрессия; международный вооруженный конфликт; вооруженная сила; кибератака.

В международном праве агрессия признается как одно из наиболее серьезных международных преступлений против мира и безопасности человечества. Так, в Конвенции «Об определении агрессии», утвержденной резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ГА ООН) от 14 декабря 1974 г. закреплено, что агрессией необходимо считать наиболее серьезную и опасную форму незаконного применения силы, таящей в себе в условиях существования различных видов оружия массового уничтожения возможную угрозу мирового конфликта со всеми его катастрофическими последствиями [1]. В Приговоре Международного Военного Трибунала. «Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса» также отмечено, что «развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера – оно является тяжчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных» [2, с. 114].

В тоже время наличие международных вооруженных конфликтов в различных регионах мира (Ливии, Сирии, Азербайджане, Армении и пр.), а также усиление конфронтации Запада с Россией и Китаем особо актуализируют исследование вопросов современного содержания международного преступления «агрессия».

Рассмотрению вопросов определения агрессии, механизмов противодействия этому международному преступлению определенное внимание уделено в работах С. В. Бухмина, К. А. Важной, А. Г. Кибальника, А. В. Майснера, О. В. Малаховой, А. Ю. Скуратовой, С. Г. Тимошкова и пр. Однако, несмотря на значительное количество научных работ в указанной сфере правоотношений, в настоящее время ощущается нехватка исследований, которые бы учли новые тенденции в развитии международного права.

В связи с этим целью данного исследования является исследование вопросов современного содержания международного преступления «агрессия» и видовой характеристики данной категории.

За 75 лет (с момента создания Нюрнбергского Международного военного трибунала) в доктрине международного права понимание правовой природы преступления «агрессия» так и не устоялось. Из всех международных преступлений, отнесенных к компетенции Международного уголовного суда (далее – МУС) (ст. 5 Римского Статута [3]), преступление агрессии «исключительно» по ряду причин. Во-первых, отсутствует его дефиниция, во-вторых, – исчерпывающий перечень деяний, подпадающих под признаки этого преступления, в-третьих, – перечень конститутивных элементов состава.

Отметим также, что тенденция к размыванию правовой природы агрессии, камуфляжа даже открытых актов ее проявления наблюдается в течение всей истории формирования «нового» международного права. Так, «не принижая роль» Нюрнбергского процесса, критическая доктринальная наука называет его судом победителей. Трудно не согласиться с тем, что, справедливо обвиняя руководителей фашистской Германии, процесс никак не затрагивает руководителей государств, которые санкционировали запугивающие бомбардировки Дрездена, Хиросимы и Нагасаки. Не изменяют этой традиции и современные международные суды. Вполне обоснованными, например, считаются претензии к отдельным решениям Международного Трибунала по бывшей Югославии. В частности, рассматривая международные преступления сербов, Трибунал практически не касался подобного рода действий представителями албанской стороны, а также несанкционированных бомбардировок силами НАТО с 24 марта по 10 июня 1999 года, которые унесли тысячи жизней мирных жителей Белграда и других населенных пунктов [4, с. 51; 5, с. 12].

Как отмечает О. В. Малахова, основные разногласия в понимании преступления агрессии заключаются в следующем: как должно быть определено преступление агрессии по международному уголовному праву; кто должен нести уголовную ответственность за совершение преступления агрессии [6, с. 11]. С. В. Саяпин вообще утверждает, что определение преступлений агрессии относится к числу наиболее сложных вопросов современного международного права [7, с. 94].

Важно также отметить, Конвенцией «Об определении агрессии», утвержденной резолюцией 3314 (XXIX) ГА ООН [1] агрессией признается деяние государства, за которое оно может быть привлечено к международно-правовой ответственности. В частности в данной Конвенции указано, что актом агрессии является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН. Также в ней приведено семь случаев, которые должны быть квалифицированы как акт агрессии.

По поводу указанных норм, хотелось бы обратить внимание на такие важные моменты. Во-первых, действующий состав международного преступления «агрессия» предусматривает квалификационные характеристики вооруженного способа ее осуществления. В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство,

Резолюцией 3314 оценка агрессии не ограничивается вооруженной формой ее проявления (семь случаев, которые должны быть квалифицированы как акт агрессии). Во-вторых, термин «агрессия» как преступление против мира и безопасности человечества используется только в отношении международных конфликтов. Внутренние конфликты, войны в пределах определенного государства с позиции международного права не рассматриваются как акты агрессии.

Резолюцией 3314 [1] также приводится перечень деяний, которые следует отнести к агрессии. Отметим, что все они нарушают принцип неприменения силы либо угрозы ее применения в международных отношениях, провозглашенных п. 4 ст. 2 Устава ООН [8]. Каждое из перечисленных деяний должно расцениваться в качестве самостоятельного и альтернативного проявления агрессии как преступления по международному праву, преследующего цель нарушить государственный суверенитет, территориальную целостность, политическую независимость государства или группы государств и пр. [6, с. 12–13].

По поводу приведенного, необходимо отметить, что в юридической литературе легитимность и актуальность определения понятия и перечня деяний, которые содержатся в Резолюции 3314 [1] достаточно часто поддается критике. Так, отдельные ученые вообще указывают на то, что в современных реалиях определение агрессии 1974 года устарело. И. И. Бойко по этому поводу справедливо отмечает, что к списку деяний, которые считаются агрессией, необходимо отнести более, чем семь пунктов, с учетом появления новых «технологий» нанесения вреда и новых типов угроз, например, вмешательство в работу автоматизированных информационных систем. Кроме того ученый отмечает, что значительным «минусом» является также тот факт, что Совет Безопасности ООН (далее – СБ ООН) может определять, какие иные акты являются агрессией, в связи с чем ни один международный орган, уполномоченный на определение агрессора, не может быть полностью непредвзятым [9, с. 179].

Субъективизм при принятии решения СБ ООН является скорее негативным моментом, чем ее преимуществом. И дело здесь не только в том, что перечень актов агрессии (в соответствии со ст. 2 Резолюции 3314) не является исчерпывающим, и СБ ООН может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава ООН, но и достаточно неэффективным механизмом принятия решений в рамках СБ ООН. Так, для констатации акта агрессии необходимо наличие единогласия пяти постоянных членов СБ ООН. А согласование единой позиции в СБ ООН всегда было и есть одной из сложнейших задач. Таким образом любая попытка применить санкции по отношению к любому постоянному члену СБ ООН заранее сознательно отвергается. Логично предположить, что схожая ситуация возникнет и в случае, если «виновником агрессии» окажется «союзник» одного из постоянных членов СБ ООН [10, с. 97].

К тому же, перечисленные в ст. 3 Резолюции 3314 деяния, подпадающие под признаки состава преступления агрессии (вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства

и пр.) были выработаны применительно к вооруженным столкновениям государств как субъектов международного публичного права. В тоже время сегодня наблюдается тенденция к выводу агрессии из зоны формальной криминальности и придания ей «мирных» форм в сфере экономики, информации и пр. [4, с. 208].

Так, информационная агрессия (кибератака), нарушая внутренние системы безопасности государства, представляет угрозу для суверенитета независимого государства, что является прямым нарушением общепризнанных принципов международного права и, следовательно, представляет собой особую форму агрессии [11, с. 63]. Подтверждением данного факта является, например, то, что в настоящее время многими государствами проводятся эксперименты с разработкой наступательного информационного потенциала. Некоторые из них, в том числе Австралия, США, Израиль, Франция, Великобритания, открыто заявили о том, что положение о ведении войны с применением информационного оружия было включено в их военные доктрины или такая возможность учитывается при военном планировании. При этом большинство государств подобную информацию считают закрытой.

Одним из главных идеологов такого подхода являются США. Обнародованной еще в 2003 г. «Национальной стратегией защиты киберпространства» было отмечено, что в случае реальной или потенциальной угрозы национальным интересам США Вашингтон оставляет за собой право на превентивные действия в киберпространстве в отношении враждебных государств. В 2008 году в докладе управления Национальной разведки США отмечается, что «к 2025 году ряд стран будет использовать оружие, способное уничтожить или исказить информацию, воздействовать на коммуникационные сети и системы» (в изложении Ю. Томиловой, Атташе Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел Российской Федерации) [12].

Важными «шагами» по предотвращению кибератак (кибервойн) можно считать следующие:

1) принятие Таллиннского руководства по ведению кибервойн, ключевым тезисом которого является положение о том, что применение средств информационного воздействия есть применение силы, соответствующее таковому понятию в Уставе ООН и общепринятом международном праве [13];

2) подготовка совместного российско-американского доклада «К выработке правил поведения в киберконфликтах: применимость Женевских и Гаагских конвенций в современном информационном пространстве» (в рамках конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2011 года) [14], где подчеркивалось, что «по мере увеличения зависимости современной цивилизации от информационно-коммуникационных технологий и киберпространства, растет беспокойство относительно потенциальных последствий распространения кибероружия, которое порождает новые виды агрессии, вызывает многоуровневые каскадные поражения и социально-экономическое опустошение». Таким образом, большинством политиков и экспертов Российской Федерации и США, подтверждается, что кибератаки являются новым видом международной агрессии.

Рассматривая актуальные проблемы становления новой видовой характеристики категории «агрессия», нельзя оставить вне поля зрения такую форму проявления этого

международного преступления, как экономическая агрессия, которая может осуществляться разными способами, каждый из которых, в конце концов, направлен на «покорение» менее развитых государств. Примерами экономических агрессий можно считать следующие: военно-экономические блокады и санкции против «неудобных» государств (например, США в более 20 лет применяются санкции против Ирана), энергетическая война, связанная с «Южным потоком»; искусственное завышение (занижение) цен на нефть; деятельность транснациональных корпораций, оказывающих существенное влияние на мировую экономику; секретно организованные правительствами государств выпуск иностранных денег и их применение для подрыва экономики других государств и пр.

Таким образом, по нашему убеждению, в современных условиях иными формами проявления агрессии (кроме вооруженного способа ее осуществления) необходимо считать информационную и экономическую агрессии.

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о правовой природе преступления «агрессия», хотелось бы заметить, что проекте Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества [15] (п. 2 ст. 2) закреплено, что к преступлениям против мира и безопасности человечества среди прочего отнесено любую угрозу властей какого-либо государства прибегнуть к акту агрессии против другого государства. Положениями данного Проекта также закреплено, что за преступление агрессии ответственность может нести индивидуально определенное лицо. Так, ст.ст. 3, 4 проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества устанавливают, что «то обстоятельство, что какое-либо лицо действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности за совершение какого-либо из преступлений, определяемых в настоящем кодексе. То обстоятельство, что какое-либо лицо, обвиняемое в совершении какого-либо преступления, определяемого в настоящем кодексе, действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если в условиях того времени оно могло не выполнить этого приказа» [15].

В тоже время, в юридической литературе достаточно часто встречается подход, согласно которому в качестве субъектов преступления агрессии необходимо признавать государства (равно, как и субъектами других преступлений против мира и безопасности человечества) [6, с. 14]. Тем не менее нормами действующего международного права не предусмотрено ответственность государств по международному уголовному праву как таковому. Дело в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 25 Римского Статута [2], МУС обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии с настоящим Статутом. Соответственно данное положение полностью применимо к определению субъектов уголовной ответственности за совершение преступления агрессии.

По мнению Ю. А. Решетова, агрессия, как международное преступление носит особо опасный характер, характеризующийся широкими масштабами и повышенным уровнем общественной опасности, предусматривает виновный умысел государства-агрессора. Агрессия, по справедливому замечанию исследователя, это не результат эксцессов или упущения каких-либо должностных лиц, а следствие продуманной и

спланированной агрессивной политики [16, с. 85–88]. Такие международные преступления как агрессия не могли бы иметь места без участия государства или государств, без их спланированных действий и выраженной воли и умысла на осуществление определенных действий и достижения конкретных целей. Для реализации агрессии необходимо привлечение вооруженных сил как минимум одного государства, должны находиться и действовать под централизованным организованным командованием этого государства (в лице соответствующих органов публичной власти). Итак, совершение агрессии невозможно без привлечения практически всего государственного аппарата, и таким образом, общества государства в целом, учитывая современные механизмы представительства власти. Кроме того, действия, которые составляют и вызывают преступление агрессии, определяются и поддерживаются государственной политикой, отвечающей стратегическим целям внешней политики и геополитики этого государства [17, с. 129].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, несмотря на то, что запрет агрессии установлен императивными нормами международного права и признан международным сообществом как международное преступление, универсального определение агрессии до сих пор не принято. Определение и освещение сущности агрессии, содержащиеся в Уставе ООН, Конвенции «Определение агрессии», Римском Статуте МУС нуждаются в уточнении и расширении. Во-вторых, по нашему убеждению, субъектами агрессии как международного преступления должны выступать как физические лица, так и государства в целом. Международно-правовая доктрина дает возможность сделать вывод, что акт агрессии может расцениваться как преступление, совершаемое индивидуально определенными лицами в результате реализации государственной политики, так и как преступление, осуществляемое государством или группами государств. В-третьих, на современном этапе международное преступление агрессии может иметь невооруженный характер (например, экономическая и информационная агрессии). В четвертых, в отличие от военной агрессии, противодействие которой определенным образом урегулирована нормами международного права, механизмы борьбы с экономическими (информационными) агрессиями, нарушающими принятые мировым сообществом нормы и правила политических и экономических отношений и ведущие к ослаблению международного (политического, военного, экономического, культурного) влияния государства-противника, остаются неурегулированными на уровне международного законодательства. В связи с чем представляется необходимым «взятие курса» международного сообщества на развития норм по запрещению агрессии в любых ее формах и проявлениях, как тяжелейшего международного преступления.

Список источников

1. Определение агрессии: Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instate/GAres3314.html> (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса / редкол.: Л. И. Швецова и др. – М.: Мысль, 2006. – 399 с.

3. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnogo-ugolovnogogo-suda-rimskiy-statut> (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Майснер, А. В. Міжнародний злочин «агресія» в сучасній доктрині міжнародного права: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.11 – Міжнародне право / Андрій Васильович Майснер. – К., 2018. – 225 с.
5. Сафиуллина, И. П. Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Ирина Петровна Сафиуллина. – Казань, 2003. – 184 с.
6. Малахова, О. В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Ольга Валерьевна Малахова. – Ставрополь, 2003. – 25 с.
7. Саяпин, С. В. Развитие определения преступления агрессии в международном и национальном уголовном праве / С. В. Саяпин // Альманах международного права – 2014. – Вып. 2. – С. 294–316.
8. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.01.2020). – Загл. с экрана.
9. Бойко, І. І. Визначення агресії в міжнародному праві / І. І. Бойко // Вісник Академії адвокатури України. – 2010. – № 1(17). – С. 178–179.
10. Бухмин, С. В. Агрессия: международно-правовые аспекты / С. Г. Бухмин // Гуманитарные науки. Вестник ТГУ. – 2004. – Вып. 4(36). – С. 94–100.
11. Тимошков, С. Г. Агрессия как международное преступление: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Станислав Геннадиевич Тимошков. – М., 2017. – 217 с.
12. ООН и проблема обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1351> (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
13. Гриняев, С. «Таллинское руководство по применению юридических норм международного права к военным действиям в киберпространстве» в оценках западных экспертов / С. Гриняев // Обзор. НЦПТИ. – 2013. – № 3. – С. 18–22.
14. Российско-американская программа по защите критически важной инфраструктуры к выработке правил поведения в киберконфликтах: Женевские и Гаагские конвенции в информационном пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://exp-itssecurity.ru/upload/iblock/6d8/US-Russia_Ru_ACISO.pdf (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
15. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
16. Решетов, Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю. А. Решетов. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 224 с.
17. Важна, К. А. Концепція кримінальної відповідальності держави: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.11 – Міжнародне право / Катерина Анатоліївна Важна. – К., 2013. – 243 с.

Поступила в редакцию 06.11.2020 г.

INTERNATIONAL CRIME «AGGRESSION» IN THE MODERN DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW

The article provides a brief overview of international legislation on the definition of the international crime of «aggression», a list of subjects of aggression; analyzed scientific approaches to the interpretation of the concept of aggression in international law. The authors come to the conclusion that today there is an urgent problem of adopting a universal definition of the crime of aggression, which would not be limited to an exclusively armed form of manifestation.

Keywords: international crime; aggression; international armed conflict; armed force; cyberattack.

Соловьёва Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и международного права ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

Solovyova Julia

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

Анушкевич Сергей Александрович

студент юридического факультета ГОУ
ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

Anushkevich Sergey

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Soloveva5585@bk.ru

УДК 343.326(477)

Сынкова Е. М.
Беспалова Е. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ТЕРРОРИЗМА

В статье рассматривается сущность современного терроризма, стандартные способы и подходы к обеспечению безопасности государства и противодействия терроризму. Анализируются основные нормативные документы, направленные на борьбу с терроризмом в Донецкой Народной Республике; определяются предложения по совершенствованию деятельности, направленной на борьбу с терроризмом; обосновываются меры и решения по противодействию терроризму в государстве на основе нормативно-правовых актов; поднимается вопрос о формировании контртеррористического законодательства, которое позволит вести более эффективную борьбу с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, борьба с терроризмом, законодательство, безопасность, террористический акт, противодействие, ответственность.

На рубеже XX–XXI века одной из наиболее острых проблем безопасности для мирового сообщества стал терроризм. В первую очередь терроризм проявил себя как эффективное средство достижения широкого спектра целей, при помощи устрашения социума, к примеру: как рычаг давления на государственную власть во время политической борьбы; для привлечения внимания общества к различного рода проблемам. По тем или иным причинам почти у каждого государства современного мира имеются случаи столкновения с данным явлением. Также нельзя не отметить, что существует некая тенденция в том, что доминирующая часть террористических актов осуществляется в развивающихся странах, перед которыми стоят задачи по решению целого комплекса проблем. Однако несмотря на приведённую выше тенденцию, нередки случаи проявления терроризма в Европейских странах и Северной Америке, что свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых мер по противодействию им. В подтверждение этому можно привести случаи, произошедшие в крупных городах Европы в 2015–2016 годах, а также самый крупный теракт в истории, произошедший 11 сентября 2001 года. Они наглядно продемонстрировали, что действующие нормы по противодействию данной преступной деятельности малоэффективны и проблема терроризма является одной из первых на повестки дня.

Актуальность выбранной темы обосновывается следующими положениями:

- изучаемый феномен, является следствием изменений, произошедших в мире после распада устоявшейся конструкции биполярного мира и построения новой модели мирового порядка;
- понятие современного терроризма находится на этапе своего формирования, показывая при этом высокую динамику развития;

– стандартные способы и подходы к обеспечению безопасности, являются неэффективными, что является следствием преобразование современного понимания действительности и неумолимого научно-технического прогресса.

Главным орудием терроризма является устрашение, следовательно, он не может существовать без охвата большой массы людей и широкого информационного распространения. Именно поэтому огромный потенциал современных информационных технологий, возможность формирования ими яркой и неоднозначной картины событий, перенос на площадку виртуального пространства своей деятельности, являются главными объектами посягательств лиц, занимающихся данной преступной деятельностью. Вследствие этого все чаще применяются наименования новых видов терроризма – «кибертерроризм».

Основываясь на представленных положениях, мы можем сделать вывод, что несмотря на предпринимаемые мировым сообществом меры относительно растущей угрозы терроризма и попытки осмыслить этот феномен с точки зрения современной перспективы, на данный момент не существует единого подхода к понятию терроризма, а также отсутствуют единые методы и рекомендации по борьбе с ним. Именно поэтому дальнейшая научная разработка выбранной темы представляется весьма актуальной.

Само понятие терроризма можно представить, как постоянно меняющееся, подстраивающееся под сложившиеся условия и пользующееся всеми доступными научно-техническими достижениями многосоставное явление современного мира, поэтому научная мысль, занимающаяся его изучением также должна следовать данной тенденции как на государственном, так и на межгосударственном уровнях. Террор (от латинского «terror» – страх, ужас), политика устрашения и подавления классовых и политических противников, проводимая путём крайне суровых, насильственных мер принуждения вплоть до физического уничтожения. Организация Объединённых Наций, взяв во внимание широкомасштабность и опасность этого явления, провозгласила одной из важнейших задач международной политики, противодействие ему. Также ООН призвала всех ее членов к отрицанию всех форм проявления терроризма, особенно как средства выполнения политических целей. Однако события сегодняшнего дня, являются свидетельством, о непрекращающемся использовании данного метода рядом группировок экстремистской направленности. Поэтому определение внутренней сущности терроризма и адекватных методов, форм и средств противодействия ему является весьма важной задачей.

Проведение террористических актов влечет за собой общественно опасные последствия в виде массовых человеческих жертв, насаждения психологического давления, закладывают разногласия между государствами, провоцируют ведение войн и т.д. Проявлениям терроризма в Донецкой Народной Республике присущи свои характерные особенности и причины. Важнейшей из причин является непрекращающийся военный конфликт, который порождает новые противоречия. Учитывая роль терроризма как инструмента изменения либо сохранения политики, проводимой в стране, он обязан нести некоего рода политический заряд. Вследствие этого наиболее привлекательной целью для лиц, занимающихся террористической деятельностью, становится система государственной власти. За счет ее повреждения

удается снизить эффективность управления обществом, что приводит к потере сил государственных и общественных образований, а также усиливается влияние антиконституционных и экстремистских группировок вследствие криминализации общества. Также использование терроризма определенными силами с целью политического влияния, привносит негативный морально-психологический климат, что отражается в социуме в виде беспорядков, хаоса и общему недовольству граждан. Со временем данные последствия перестают действовать в пределах лишь одного государства и покидают его границы, приобретая уже международный характер.

Зачастую основной проблемой, возникающей при попытках определить понятие терроризм становится вопрос, что именно считается терроризмом? К примеру, можно привести неопределенность мнения ученых относительно демаркационной линии между террористической деятельностью и преступными деяниями. Данная грань является очень серьезной проблематикой, например, угон самолета можно расценивать как обычное преступление, так и террористическим актом. Но несмотря на существующую проблематику такого рода, в данном случае уголовное наказание неотвратимо для обоих видов деятельности и лица, осуществляющие ее понесут наказание. Если же взять на рассмотрение случаи, когда терроризм приходится отделять от освободительной борьбы, здесь вопрос приобретает совсем иной характер.

По данному вопросу неоднократно высказывался, бывший первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А. И. Денисов: «Процесс выработки понятия терроризма затрудняет отсутствие единой налаженной системы отделения террористической деятельности от национально-освободительной борьбы и разграничения действий лиц занимающихся терроризмом от лиц пресекающих угрозу с их стороны. Как расценивать ситуации, в которых в рамках спецоперации по пресечению терроризма, от сопутствующего ущерба страдают мирные граждане? На данный момент по этим вопросам единого понимания не существует» [7].

Важно отметить, что А. И. Денисов говорил об этом еще в 2005 году. По сей день вопрос о разграничении ведения военных действий народов, борющихся за признание своей независимости и террористической деятельности, остается на повестки дня. Наиболее ярким примером служит кризис на Украине, в ходе которого понятиями «терроризм» и «террористическая деятельность» оперировали для преподнесения своих политических решений в выгодном свете. Таким образом, условия «антитеррористической операции» провозглашенной там, коренным образом отличаются от условий ведения гражданской войны, правила и последствия нарушения которой изложены в международном гуманитарном праве. Не беря во внимания тот факт, что народное ополчение Донбасса, по нормам международного гуманитарного права считается воюющей стороной, Киевским властям куда выгоднее называть боевые действия против них «антитеррористической операцией». Это объяснимо с политической точки зрения, ведь развязать войну против «террористов», обстреливать их позиции, более оправдано, чем предпринимать данные действия против сограждан. Данному положению дел играет на руку сложившееся мировое представление об образе террористов и терроризме, что позволяет оправдывать ведение боевых действий и заручаться поддержкой у мирового сообщества. Террористы не являются равной стороной конфликта, поэтому с ними не ведутся переговоры. Этот постулат

отмечала М. М. Алексеева, «проверенная временем тактика объявления оппонентов террористами, дает возможность отказать им в легитимности и запустить процесс их демонизации» [8].

Определение террористического акта дано в ст. 229 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Субъектом терроризма может быть любое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, безотносительно к гражданству ДНР – граждане ДНР, иностранные граждане и лица без гражданства.

В понимании Закона ДНР «О противодействии терроризму», терроризмом является идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [9].

Терроризм может совершаться только с прямым умыслом, который направлен на совершение указанных в ч. 1 ст. 229 УК ДНР действий ради достижения определенных целей [2]. Субъективная сторона терроризма, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, характеризуется двойной формой вины: прямым умыслом по отношению к террористическим действиям и неосторожностью (как легкомыслием, так и небрежностью) по отношению к указанным последствиям [6].

Статья 229 УК ДНР содержит примечание, согласно которому лицо, принимавшее участие в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом содействовало предотвращению осуществлению акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Важно отметить, что примечание к ст. 229 может действовать лишь в том случае, если лицо своевременно предупредило органы власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма [1].

Одно из особо опасных преступлений, наиболее сходных по объективной стороне с террористическим актом – это посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля с целью прекращения государственной или иной политической деятельности потерпевшего либо из мести за такую деятельность (ст. 322 УК ДНР). В диспозиции ст. 322 УК ДНР четко сформулированы цели преступления – прекращение государственной или иной политической деятельности потерпевшего либо мечь за такую деятельность. Этот признак носит обязательный характер. Следовательно, если происходит посягательство на жизнь видного общественного деятеля не за его политическую деятельность или не из мести, данное посягательство нельзя будет квалифицировать по данной статье УК ДНР. Указание в законе на «иную политическую деятельность» всякий раз требует точного установления того, была ли она политической или нет [1].

Предупреждение терроризма представляет собой исключительно сложную задачу, поскольку это явление порождается многими социальными, политическими, психологическими, экономическими, историческими и иными причинами. Следовательно, такие причины и должны быть объектом профилактического вмешательства, но сделать это совсем не просто, так как значительная часть названных причин связана с обладанием государственной властью и ее захватом, распределением собственности и т. д. При всем этом терроризм, как отмечалось выше, неискореним, поскольку является разновидностью извечного и неумирающего спутника человечества – убийства [3].

В целях повышения эффективности борьбы с таким явлением, как терроризм, необходимо решать вопросы его предупреждения на государственном уровне, в первую очередь, улучшая законодательство, регулирующее борьбу с терроризмом.

Для выполнения общегосударственной задачи по борьбе с терроризмом необходимо мобилизовать все доступные ресурсы. Крайне важно посредством использования потенциала гражданского общества создать атмосферу активной нетерпимости граждан к любым проявлениям терроризма. Следует вести разъяснительную работу среди населения с целью лишения террористов окружающего их ореола борцов-мучеников. Сложной задачей остается раскрытие и пресечение преступных деяний террористической направленности, а также сетей их финансирования. Для того чтобы решить ее требуется создать сеть получения информации о фактах, относящихся к террористической деятельности. Также необходимо консолидировать усилия правоохранительных органов, для борьбы с финансированием террора, а именно на блокировании финансовых структур поддержки террористических организаций.

Список источников

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 19 августа 2014 года № ВС 28-1, ред. от 07.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 13.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Антонян, Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
3. Алексеева, М. М. Политика «двойных стандартов» и принцип неотвратимости наказания за совершение актов терроризма / М. М. Алексеева // Пространство и время. – 2014. – № 3(17). – С. 54–61.
4. Емельянов, В. П. Терроризм как явление и как состав преступления: [Монография] / В. П. Емельянов; Науч.- исслед. ин-т изучения проблем преступности Акад. правовых наук Украины. – Харьков: Право, 1999. – 267 с.
5. Емельянов, В. П. Субъективная сторона терроризма / В. П. Емельянов // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2000. – № 12. – С. 86–89.
6. Определения терроризма нет, но это не препятствие для борьбы с ним // Время новостей. – 18.07.2005. – № 127 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.int/russia/ppintart/2005/050718rvr127.pdf> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.

7. Петрищев, В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом / В. Е. Петрищев // Государство и право. – М.: Наука, 1998. – № 3. – С. 88–93.
8. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 5-е изд., доп. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 302 с.
9. О противодействии терроризму: Закон ДНР (принят Постановлением Народного Совета ДНР 15 мая 2015 года № 46-ИНС; ред. по сост. На 02.12.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-protivodejstviyu-terrorizmu/> (дата обращения: 18.10.2020). – Загл. с экрана.
10. Мясников, М. А. Терроризм как угроза общественной и международной безопасности / М. А. Мясников // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия / Сб. научных трудов под ред. д.ю.н., проф. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2005. – С. 242–243.

Поступила в редакцию 09.11.2020 г.

TOPICAL ISSUES OF THE CONCEPT OF TERRORISM

The article examines the essence of modern terrorism, standard methods and approaches to ensuring state security and countering terrorism. Analyzes the main regulatory documents aimed at combating terrorism in the Donetsk People's Republic; identifies proposals for improving activities aimed at combating terrorism; substantiates measures and decisions to counter terrorism in the state on the basis of normative legal acts; the question is raised about the formation of counter-terrorism legislation, which will allow for a more effective fight against terrorism.

Keywords: terrorism, fight against terrorism, legislation, security, terrorist act, counteraction, responsibility.

Сынкова Елена Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: osyn@inbox.ru

Synkova Elena

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of
Administrative and Financial Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: osyn@inbox.ru

Беспалова Елена Валентиновна

аспирант юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kf.admfinpr@donnu.ru

Bespalova Elena

graduate student of the Faculty of Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: kf.admfinpr@donnu.ru

УДК 347.91

Сынкова Е. М.
Лебедь Н. А.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

В статье рассматриваются понятие исковой давности, подходы к определению данного понятия разными авторами. Автор анализирует исторический аспект существования института исковой давности в гражданском праве, а именно динамику его развития и особенности использования данного понятия в рамках того или иного исторического периода времени. В статье также приведен анализ особенностей течения сроков исковой давности и их продолжительности. Дается характеристика международно-правовых актов, регулирующих исковую давность в международной купле-продаже товаров.

Ключевые слова: история развития, исковая давность, римское право, международная купля-продажа товаров, конвенция, сроки, иск, гражданское право.

Пространству и времени отведено особое место в системе юридических событий. Правовые отношения между их субъектами с определенным течением времен начинаются и заканчиваются. Истечение определенного временного промежутка оказывает большое влияние на определение их обоюдных прав и обязанностей. Зачастую реализация самого права осуществляется в установленный промежуток времени. Фундаментом процессуальной защиты права, является соблюдение сроков. Особо значимая роль отводится понятию давности, то есть окончание установленного временного промежутка, в течение которого, при наличии других условий, возможно прекращение и в определенных случаях установление юридических отношений. Современное понятие исковой давности в гражданском праве дается следующее – это установленный период или срок времени, за который субъект право которого было нарушено, имеет право требовать, в судебном порядке восстановление и защиты нарушенного права.

Однако, если обратиться к истокам становления норм, устанавливающие временные промежутки, сроки применительно к складывающимся в обществе правоотношениям, то следует рассматривать историческое развитие исковой давности со времен римского права. Как известно римское право легло в основу многих правовых институтов современного законодательства, и институт сроков давности не стал исключением. О сроках исковой давности в настоящем контексте классическое римское право не знало. Были известны лишь строго установленные сроки для отдельных исков [1]. Принципиальная разница между ними и исковой давностью заключается в том, что право при определенном сроке может действовать только в течение его времени, в то время как при действии исковой давности, в случае

бездействия управомоченного лица право будет погашено. Также в некоторых случаях использовался такой механизм как приостановление и перерыв исковой давности, происходило это в ситуациях, когда не могли доказать бездеятельность как вину, что было невозможно при срочных исках [2]. Исходя из этого, можно сказать, что первые попытки создать институт сроков, были предприняты в римских законах. Одним из первых видов давностных сроков является приобретательская давность. В правоотношениях между римскими гражданами, приобретательская давность использовалась еще со времен «Закона двенадцати таблиц». В те времена действовали лишь короткие сроки приобретательской давности, которые составляли для земельных наделов – сроком на два года владения, для иных вещей – сроком в один год владения. При этом и условия приобретения были весьма просты:

- 1) владение вещью не менее установленного срока;
- 2) вещь не должна была быть краденой;

В древнеримском доклассическом гражданском праве отсутствовала исковая давность как таковая, а нарушенные права субъектов могли подлежать защите бессрочно. Однако с прогрессом в развитии преторского права, преторами создавались новые виды исков, при этом они начали снабжать их установленными сроками, в течение которых давалось право подать исковое требование, таким образом, предпринимались первые попытки установить ограничение во времени в процессе защиты субъективных прав. Таким образом, первый случай ограничения времени исков, возник в преторском эдикте, в котором устанавливались законные сроки предъявления исков. Такие ограничения устанавливались, чтобы мотивировать субъектов, права которых были нарушены, к скорейшему обращению за их защитой, потому как со временем доказательства могут исчезнуть или же измениться настолько, что судья уже не сможет их правильно оценить и квалифицировать, что затруднит судебный процесс. Кроме того, они были призваны избавить ответчика от неоправданных требований истца, в силу их давности. Данные сроки еще не приобрели значение сроков исковой давности, и были по сути пресекательными. Они не обладали возможностью восстанавливаться, или приостанавливаться, то есть не обладали соответствующими критериями, присущими институту исковой давности в современном смысле. Данные иски имели несколько, присущих только им названий: «темпоральные» или «срочные иски», в то время как для гражданских исков использовалось название «вечные иски», то есть к ним никакие сроки не применялись. В число срочных исков входили кондикционные, штрафные и стоимостные иски. В момент возникновения искового притязания для них устанавливались сроки в один год. Также с момента нарушения обязательств должником в течение двух лет кредитор мог предъявить исковые требования к его поручителям. В течение пяти лет, кредиторы могли предъявить исковые требования относительно наследникам, принявшим наследство. Очевидно, данные нормы преторского права являются прототипом специальной исковой давности, закрепленной в современном отечественном законодательстве. Однако, несмотря на это срок, соответствовавший нашему пониманию исковой давности, был введен Феодосием II в 424 году н. э., и все иски которые не были ограничены наиболее краткими сроками, погашались тридцатилетней давностью. Данная исковая давность предполагала лишь отражение иска, поэтому ее нельзя считать родоначальницей

самостоятельного права владельца, потому как если он терял владение, то вернуть его от лица, заполучившего его, он не мог. Понятие течения исковой давности получило свое начало с того времени как возникло право. Оно предъявляло требования в следующих ситуациях:

- 1) в случае нарушения права владения вещью;
- 2) в случае совершения действий, нарушающих принятые в обществе нормы, повлекшие ущерб;
- 3) в случае наличия возможности немедленного истребования исполнения определенных обязательств от должника [2].

Оно прерывалось в следующих случаях:

- 1) прекращения нарушения права;
- 2) признания права оппонента;
- 3) если лицо, чье право нарушено, в надлежащем порядке предъявило иск в суд.

Если лицо, чье право нарушено, по объективным причинам не могло своевременно обратиться в суд для защиты нарушенного права, течение давности приостанавливалось. Если же данное препятствие удавалось устранить, то течение исковой давности вновь продолжалось. В случаях, когда сроки исковой давности истекали, ответчик имел право обратиться к эксцепции, то есть сослаться на сложившиеся обстоятельства или норму права, исключающую вероятность удовлетворения иска, в противопоставление любым намерениям истца удовлетворить в судебном порядке свои требования, будучи погашены давностью. Судья при этом не имел возможности учитывать исковую давность, кроме случаев, когда имелось соответствующее заявление от обязанного лица. Однако далеко не все возражения ответчика расценивались как эксцепция. Когда истец заявлял, что ответчик ему должен определенную сумму, а ответчик давал отрицающие это сведения, то это являлось отрицанием иска, а не эксцепцией [2].

При этом не вполне ясным является применение механизма исковой давности, а также законных сроков в обязательственном праве. Из различных источников усматривается то, что, когда истекают законные сроки давности, уплата долга не являлась обязательной, таким образом, возникает понятие *condictio indebiti*. И обратно же при наличии сложного обязательственного спора, то есть когда основное обязательство сопровождается, например, залогом, то залоговое право продолжает существовать даже по истечении срока давности для основного обязательства, до тех пор, пока не истечет давность для залогового обязательства. Также следует указать, что в римском праве по отношению к сложным искам различали полную и частичную исковую давность. Понятие полной исковой давности подразумевает под собой – погашение всех требований; Понятие частичной исковой давности – погашение лишь определенных частей искового требования. Отдельную нишу получили иски, происходившие из наследственного права. Не применялась исковая давность к искам относящихся к категории восстановления в правах наследства, тем самым сохранив данное право для всех поколений, которые могли претендовать на наследование. Данные положения занимали главенствующую роль в римском частном праве, определяя порядок исчисления и использования давностных сроков, которые с дальнейшими переменами также были приняты западноевропейскими

законодательными системами. Разумеется, заложенные в классическом римском праве базовые основы прослеживаются и в развитии отечественного права, в частности и в вопросах правового регулирования исковой давности.

На процессе развития отечественного законодательства об исковой давности хотелось бы остановиться подробнее. Известный исследователь русского гражданского права И. Е. Энгельман отмечал, что действующие постановления о давности основываются на Манифесте 28 июня 1787 г., которым Екатерина II распространила «право 10-летнего срока», введенное в 1775 г. по делам уголовным, также и на все гражданские дела. Впоследствии, при издании Свода законов 1832 года, введенная Екатериной II исковая давность была дополнена статьей о давности владения, в которой положительно отражены последствия исковой давности относительно права собственности на вещи недвижимые. В дореволюционном отечественном праве исковой давности уделялось значительное место (статьи 690–695 Гражданских законов). В частности, в статье 692 указывалось, что право отыскания так или иначе пресекается с общим земским 10-летним сроком давности. Кто в течение этого времени иска не предъявил или, предъявив, хождения в присутственных местах не имел, тот теряет свое право [3].

Согласно разъяснению Гражданского кассационного департамента 1875 года № 883 течение исковой давности начиналось с момента нарушения ответчиком права истца. Указанные нормы содержали в себе правила, по которым право прекращалось, если иск о его защите не был предъявлен в течение срока давности. При этом также терялось право обращаться к судебной защите [3] в проекте Гражданского уложения Российской империи предлагалась концепция, аналогичная вышеназванной. Так, в статье 105 проекта рекомендовалось установить правило, на основании которого право на иск прекращается в случае, если иск не был предъявлен в течение определенного законом срока исковой давности. При этом установленные в законе сроки исковой давности не могли изменяться по соглашению сторон ни в большую, ни в меньшую сторону (статья 108) [4].

Следует отметить, что при обсуждении проекта Гражданского уложения были предложения закреплении правовой нормы, предоставляющей сторонам в обязательстве право сокращать сроки исковой давности по соглашению сторон. Однако большинство исследователей гражданского права того времени придерживались мнения, что ограничение исковой давности как права судебной защиты может исходить только от органов государственной власти и не должно отдаваться на усмотрение сторон [5].

ГК РСФСР 1922 года предусматривал следующее определение исковой давности: «...право на предъявление иска погашается по истечении трехлетнего срока, если в законе не установлен иной срок давности» (статья 44), то есть устанавливалась некая «правопогашающая» функция исковой давности. Однако это скорее особенности терминологии, чем нечто новое в институте исковой давности, поскольку в юридической литературе термины «исковая давность» и «погасительная давность» рассматривались как синонимы. Следует обратить внимание на тот факт, что по ГК РСФСР 1922 года гражданские споры, возникшие до октябрьской революции 1917 года, вообще не подлежали рассмотрению. В частности, в разъяснении III отдела НКЮ

уполномоченному НКВД при Правительстве РСФСР № 1385 от 3 декабря 1924 года «О приостановлении дореволюционной пятилетней вексельной давности и десятилетней общегражданской давности вследствие начавшейся в 1914 году мировой войны» указывалось, что «никакие споры по гражданским правоотношениям, возникшим до 7 ноября 1917 года, не принимаются не только судебными, но и всякими другими учреждениями Республики. Дореволюционные правовые нормы сметены революцией, они представляют интерес только для историка как памятник ниспроверженного самодержавия».

На основании статьи 45 ГК РСФСР 1922 года течение исковой давности начиналось с того времени, когда возникло право на предъявление иска, то есть с момента нарушения права. Так ГК РСФСР 1964 года определял исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. При этом как Кодекс 1922 года, так и Кодекс 1964 года устанавливал общий срок исковой давности, который составлял три года, а также предусматривалось, что законом могут быть установлены специальные сроки исковой давности. В качестве примера можно рассмотреть статью 79 ГК РСФСР 1964 года, согласно которой прямо устанавливались сокращенные сроки исковой давности, например, по искам, связанным с недостаточностью проданных вещей. Специальные сроки исковой давности, как правило, короче общих, и устанавливаются с целью побуждения кредитора (лица, права которого следует защитить) быстрее воздействовать на неисправного должника [6]. Следует также отметить то, что согласно законодательству, того времени недействительные сделки не подразделялись на ничтожные и оспоримые; соответственно не существовало и различий в сроках исковой давности по этим сделкам. Вместе с тем такое деление недействительных сделок и, соответственно, сроков исковой давности по ним существовало еще до октябрьского переворота 1917 г. Так, Н. Растеряев указывал на то, что «в подразделении сделок на ничтожные и оспоримые следует признать за основание для первых чисто формальный момент – охрану интереса законом, для вторых – материальную оценку интереса» [7].

С 1 января 1995 г., то есть со дня вступления в силу части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые нашло свое отражение в федеральном законе, что, конечно же, отразилось и на сроках исковой давности по таким сделкам. Аналогичное деление недействительных сделок нашло свое отражение и в Гражданском кодексе Украины. В Украине Гражданский кодекс вступил в силу в 2003 году. Очевидно более поздняя (по сравнению с ГК РФ) разработка кодифицированного нормативного правового акта дала возможность более детально проработать некоторые законодательные нормы. В частности, статья 258 ГК Украины содержит перечень требований, к которым применяется специальная исковая давность. Здесь же установлены и специальные сроки исковой давности для недействительных сделок. Так, исковая давность в пять лет применяется к требованиям о признании недействительной сделки, совершенной под влиянием насилия или обмана. Исковая давность в десять лет применяется к требованиям о применении последствий недействительной сделки. При этом концептуально нормы ГК РФ и ГК Украины, регулирующие применение сроков исковой давности, очень сходны, несколько отличается лишь способ их изложения [8].

Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, который вступил в силу с 01 июля 2020 года, разработан с учетом положений Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики, утвержденной Указом Главы Донецкой Народной Республики от 01 марта 2019 года № 56, закрепляющей стремление к совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики путем его гармонизации с законодательством Российской Федерации. В этой связи глава 13 ГК Донецкой Народной Республики, регламентирующая исковую давность, полностью отображает нормы, содержащиеся в ГК РФ. Для сравнения, обращаясь к нормам международного права, стоит отметить, что 14 июня 1974 года в г. Нью-Йорке была принята Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже, которая вступила в силу с 1 августа 1988 г. Статьей 8 Конвенции срок исковой давности установлен в четыре года [9].

Таким образом, исковой давностью признается срок, в пределах которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего гражданского права или интереса. В течение всего периода развития отечественного гражданского законодательства понятие срока исковой давности не изменялось, изменялись лишь его протяженность, в зависимости от обстоятельств, при которых необходимо защитить нарушенное право или интерес.

Список источников

1. Основы права: учебник / З. Г. Крылова, Э. П. Гаврилов, В. И. Гуреев и др.; под ред. З. Г. Крыловой. – М.: Высш. шк., 2000. – 400 с.
2. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2016. – 608 с.
3. Энгельман, И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование / И. Е. Энгельман. – М.: Статут, 2003. – 576 с.
4. Слыщенко, В. А. Проект гражданского уложения 1905 г. и модернизация русского гражданского права / В. А. Слыщенко // Известия высших учебных заведений. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – С. 243–253.
5. Кодификация российского гражданского законодательства: Свод законов гражданских Российской империи, проект Гражданского уложения Российской империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. – Екатеринбург: Изд-во Института частного права, 2003. – 562 с.
6. Тархов, В. А. Советское гражданское право: учебник / В. А. Тархов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978. – 568 с.
7. Растеряев, Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная: Догматическое исследование (по изд. 1900) / Н. Растеряев. – М.: Статут, 2000. – 234 с.
8. Гражданский Кодекс Украины (в ред. от 16.01.2003 г.) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 2003. – №№ 40–44. – Ст. 356.
9. Об исковой давности в международной купле-продаже товаров: [Конвенция ООН от 14 июня 1974 г., Нью-Йорк, по состоянию на 30 октября 2001 г.] // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 9.

Поступила в редакцию 09.11.2020 г.

MAIN STAGES IN THE HISTORY OF LEGISLATIVE DEVELOPMENT OF PRIORITY

The article discusses the concept of limitation of actions, approaches to the definition of this concept by different authors. The author analyzes the historical aspect of the existence of the institute of limitation of actions in civil law, namely the dynamics of its development and the peculiarities of the use of this concept within the framework of a particular historical period of time. The article also provides an analysis of the features of the course of the statute of limitations and their duration. The characteristics of international legal acts governing the limitation period in the international sale of goods are given.

Keywords: history of development, statute of limitations, Roman law, international purchase and sale of goods, convention, terms, claim, civil law.

Сынкова Елена Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: osyn@inbox.ru

Synkova Elena

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of
Administrative and Financial Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: osyn@inbox.ru

Лебедь Наталья Александровна

аспирант юридического факультета ГОУ
ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: natashalebed@mail.ru

Lebed Natalia

graduate student of the Faculty of Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: natashalebed@mail.ru

УДК 347

Хоруженко К. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены проблемы реализации государственного контроля над осуществлением рекламной деятельности в Донецкой Народной Республике. Проанализированы ключевые составляющие Международного кодекса рекламной деятельности. Выявлен ряд особенностей правоприменительной практики по данной проблематике.

Ключевые слова: рекламная деятельность, административно-правовое обеспечение, правовое регулирование, субъекты рынка, законодательная база.

Реклама – наиболее доступный метод стимулирования продаж товаров и услуг, комплексное явление, охватившее различные сферы деятельности человека: бизнес, политику, науку, творчество. Административно-правовое обеспечение и безопасность информационных отношений в сфере рекламы в правовом измерении выступает как неотъемлемая составляющая современной системы управления на пути к правовому государству. Правовое регулирование как важный элемент формирования гражданского общества является составляющей национальной безопасности. Реклама представляет собой мощный инструмент продвижения на рынке товаров и услуг, где рекламная информация должна соответствовать этическим и моральным нормам и законодательной базе [5, с. 121].

Необходимо различать коммерческую, социальную и политическую рекламу. Первая предполагает получение коммерческой прибыли от реализации товаров и услуг. Вторая нацелена на достижение благотворительной и другой общественно-полезной цели, обеспечивающей интересы государства, и не имеет цели получения прибыли. Последняя представляет собой политические воззрения и агитирует за них.

Правовое регулирование рекламной сферы государство должно проводить только в целях претворения в жизнь закрепленных Конституцией прав и свобод граждан, осуществления государственной безопасности, сохранения здоровья нации. Политическая реклама в Донецкой Народной Республике как демократическом государстве имеет конституционную защиту (статья 22), значит, в политической рекламе может присутствовать свободная формулировка различных политических взглядов и агитационный контекст [6].

Коммерческая реклама имеет строгие ограничения, закрепленные законодательными и нормативными актами. Так, в процессе производства и применения рекламного продукта возникают определенные отношения, нуждающиеся в регулировании. Закон должен определять принципы рекламной деятельности, предотвращать и пресекать посягающую на общественные ценности и общепринятые нормы морали, недобросовестную рекламу.

© Хоруженко К. А., 2020

В некоторых европейских странах на рынке рекламных услуг в качестве законодательной основы используется Международный кодекс рекламной деятельности (МКР), последняя редакция которого принята в 1986 году 47-й сессией Исполнительного совета Международной торговой палаты (МТП). МКР – система обязательных для исполнения правил для субъектов рынка, подписавших этот документ. МТП утвердила стандарты рекламы и благоприятные для развития международной торговли и сотрудничества условия, регламентировала защиту прав потребителя и обеспечение его свободы на получение достоверной информации [7].

Международный кодекс рекламы – инструмент самодисциплины для 17 стран, придерживающихся в рекламной деятельности его основных положений: об ответственности рекламодателей, юридической безупречности участников рекламного процесса, согласованности с концепцией честной добросовестной конкуренции, общественном доверии к рекламе в целом. Основные статьи МКР запрещают использовать в рекламе чувство страха или суеверия потребителей. Рекламная информация не может содержать культ насилия, провоцировать дискриминацию по расовым признакам или играть на религиозных чувствах [7].

Международный кодекс рекламной деятельности составляет основу Кодекса рекламной практики Российской Федерации, принятого 21 января 1992 г. собранием членов Ассоциации работников рекламы.

Однако ни Международный кодекс, ни кодексы других государств не следует относить к законодательству, т.к. они носят декларативный характер и используются в судебной практике как справочный материал, не выходящий за рамки существующих законов. Большинство требований рекламных кодексов закреплены законодательными актами многих стран.

Для развития коммерческой деятельности с использованием рекламной продукции на международных рынках необходима четкая законодательная база. Учитывая, что в разных странах законы в сфере рекламы достаточно разнообразны, существуют значительные препятствия для развития экспорта.

В Донецкой Народной Республике на сегодняшний день происходит переориентация на российский рынок. Следовательно, законы, принимаемые в Республике, должны соотноситься с законами Российской Федерации.

Принятый Постановлением 22 декабря 2017 года Народного Совета Донецкой Народной Республики Закон «О рекламе» соотносится с основными положениями Федерального закона России от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [9]. В принятом Законе устанавливаются и закрепляются основополагающие положения осуществления рекламной деятельности с учетом специфики рекламного рынка Донецкой Народной Республики. Министерство информации и Республиканская антимонопольная служба выступают надзорными органами, обеспечивающими надлежащее выполнение закрепленных Законом положений для недопущения использования ненадлежащего рекламного продукта [4].

В Донецкой Народной Республике разрешается рекламирование и распространение различных товаров и услуг всевозможными способами, не противоречащими действующему законодательству. Основные субъекты рекламных отношений – юридические лица (реklamодатели, производители и распространители

рекламного продукта), реже – индивидуальные предприниматели с определенными правами и обязанностями. Для участия в рекламных отношениях необходимо пройти процедуру государственной регистрации. О недоброкачественной рекламной продукции потребитель может подать апелляцию в Инспекцию по защите прав потребителей Донецкой Народной Республики или в государственные контролирующие и надзорные органы. Государственный надзор осуществляется путем проведения плановых и внеплановых проверок.

Целью государственного регулирования рекламной деятельности должны быть предупреждение и прекращение действия недобросовестной рекламы, то есть правовая защита потребителя от некачественного продукта.

Законотворцы не проводят четкого деления между понятиями «контроль» и «надзор». Хотя понятие «контроль» значительно шире понятия «надзор», так как во время проведения контроля не только проверяется систематичность выполнения какой-либо деятельности, но контролируется оперативная деятельность подконтрольных объектов через формулировку обязательных для исполнения указаний, применение принудительных мероприятий, привлечение к ответственности и т. п. В свою очередь, надзор лишь выявляет и предупреждает правонарушения. Органы, совершающие надзор (например, прокуратура), не имеют права вмешиваться в оперативную деятельность, применять принудительные мероприятия, привлекать к ответственности. Тем не менее обычно контроль рассматривается как функция управления или способ обеспечения законности [1, с. 235].

Государственное управление рекламной деятельностью требует особого механизма реализации, который обеспечивают субъекты управления. В их качестве выступают соответствующие органы государственной власти, общественные объединения и организации. Таким образом, система государственного управления рекламной деятельностью формируется органами государственного управления (субъектами управления), ее действие направлено на рекламную отрасль национальной экономики и собственные рекламные коммуникации (как объекты управления) с целью оптимизации развития рекламной деятельности в Республике. Это, в свою очередь, должно содействовать развитию экономики, защите конституционных прав и культурному развитию граждан.

Понятие правового регулирования рекламной деятельности определяется как системная деятельность органов государственного управления, которая ставит цель эффективно регулировать социально значимые вопросы рекламной деятельности в интересах общества. Целью системы государственного управления рекламной деятельностью в Донецкой Народной Республике является максимальное содействие способами рекламы решению экономических, социальных и политических проблем в интересах граждан, содействие развитию экономики Республики в части, которая непосредственно зависит от развития рекламы, защита конституционных прав и свобод, формирование позитивного имиджа государственной власти в целом и отдельных субъектов в частности [2, с. 60].

На сегодняшний день недостаточно исследованы состав правонарушений и мера ответственности за нарушения при рекламировании товаров и услуг. Решение этой проблемы видится в осуществлении комплексного анализа выполнения

законодательных актов предпринимателями при осуществлении рекламной деятельности и правовых последствий несоблюдения законодательства по рассматриваемым вопросам.

Государство – главный субъект осуществления контролирующих функций в обществе. Именно государственные органы наделены реальными полномочиями для воздействия на общество, в частности – контролем и надзором. Следовательно, государственный контроль и надзор – важнейшие виды государственной деятельности, осуществляемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами, контролирующими соблюдение законности. Одной из форм административного воздействия на рекламную деятельность является установление и порядок осуществления государственного контроля [8, с. 104].

Суть государственного контроля и надзора в области рекламной деятельности заключается в наблюдении за осуществлением данного направления бизнеса, предупреждении и исправлении возможных правонарушений.

Государство в актах компетентных государственных органов нормативно закрепляет правила осуществления рекламной деятельности и ответственность за их нарушение. Государственные органы реализуют организационное регулирование посредством возбуждения и рассмотрения дел по признакам нарушения законодательных актов о рекламе.

Право потребителя, который, в большинстве случаев, является адресатом рекламного продукта, на приобретение качественного и безопасного товара, действующего в соответствии с рекламным заявлением без каких-либо сомнительных маркетинговых рекламных приемов, осуществляется через правовое регулирование рекламной деятельности в интересах потребителя [2, с. 89].

Республиканская антимонопольная служба Донецкой Народной Республики уполномочена проводить контроль за соблюдением коммерческими и некоммерческими организациями Закона «О рекламе», осуществлять наложение взысканий за нарушения законодательства. Полномочиями выносить взыскания наделена также Инспекция по защите прав потребителей Донецкой Народной Республики реализует государственную политику в сфере государственного контроля за соблюдением законодательства о защите прав потребителей. Контролирующие функции имеют также другие органы власти, при всем том они не наделены функцией налагать штрафы самостоятельно, для этих целей подаются представления органам по защите прав потребителей. В судебных делах, касающихся нарушения законодательства о рекламе, оспариваются решения о наложении штрафов. Инспекция по защите прав потребителей от имени индивидуальных потребителей может выступать в качестве истца в судебных процессах против недобросовестных рекламодателей.

Инспекция по защите прав потребителей Донецкой Народной Республики проводит плановые и внеплановые проверки по обращениям потребителей, письмам государственных контролирующих органов, а также совместные с другими контролирующими организациями проверки. Сотрудники Инспекции в ходе проверок выявляют правонарушения и накладывают санкции, предусмотренные статьей 23 Закона Донецкой Народной Республики «О защите прав потребителей» [3], а также ст. 155 ч. 1, ч. 3, ст. 155-2, ст. 167, ст. 168-1, ст. 172 КУоАП.

Рекламисты объединяются в общественные некоммерческие организации для борьбы с недобросовестной конкуренцией в рекламной сфере, для искоренения лживой рекламы, которая может наносить вред имиджу добросовестных рекламодателей.

Профессиональность в применении законодательных аспектов рекламной деятельности – важная составляющая предпринимательской культуры.

Таким образом, из изложенного выше следует, что целью правового регулирования рекламной деятельности является повышение эффективности государственного управления в сфере рекламы, основным заданием – обеспечение соблюдения законодательства Донецкой Народной Республики о рекламе. Правовое государственное регулирование рекламы предусматривает разработку и принятие нормативных и законодательных актов, определяющих принципы рекламной деятельности. Правовому регулированию подлежит только коммерческая реклама. Способы осуществления государственного контроля в сфере рекламных отношений – проведение проверок, плановых и внеплановых ревизий, обследований, затребование отчетов, проведение рейдов, осмотров, рассмотрение заявлений и обращений юридических и физических лиц. Кроме того, участие в работе комиссий, результаты деятельности которых дают право контролирующим органам вмешаться в оперативную деятельность подконтрольного объекта и самостоятельно привлечь правонарушителей к юридической ответственности. Законодательные акты регламентируют производство, размещение, распространение и использование рекламного продукта, предотвращение недобросовестной рекламы.

Правовое государственное регулирование рекламы обеспечивает соблюдение законодательных актов о рекламе при создании надежного рекламного продукта, предупреждение фактов недобросовестной конкуренции и пресечение недобросовестной рекламы.

Список источников

1. Абрамова, Е. И. Новейшее законодательство о рекламе от А до Я / Е. И. Абрамова, Л. Ю. Грудцына. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 444 с.
2. Васильев, Г. А. Основы рекламной деятельности / Г. А. Васильев, В. А. Поляков. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 719 с.
3. О защите прав потребителей: Закон Донецкой Народной Республики № 53-ІНС от 05.06.2015 (действ. ред. по сост. на 19.06.2015) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/> (дата обращения: 19.10.2019). – Загл. с экрана.
4. О рекламе: Закон Донецкой Народной Республики № 198-ІНС от 22.12.2017 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/vstupil-v-silu-zakon-dnr-o-reklame/> (дата обращения: 19.10.2019). – Загл. с экрана.
5. Кирилловых, А. А. Реклама и рекламная деятельность. Проблемы правового регулирования / А. А. Кирилловых. – М.: Деловой двор, 2013. – 224 с.
6. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya> (дата обращения: 19.10.2019). – Загл. с экрана.

7. Международный кодекс рекламной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901784169/>_(дата обращения: 19.10.2019). – Загл. с экрана.
8. Реклама: Правовое регулирование. Государственный контроль. Ответственность за нарушения законодательства о рекламе. Защита прав потребителей. Арбитражная практика. – М.: Ось, 2008. – 214 с.
9. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 01.05.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/o-reklame.html/>_(дата обращения: 19.10.2019). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 12.10.2020 г.

THE JUSTICE REGULATION OF THE ADVERTISEMENT ACTIVITY

The article is devoted to the problems of realization of the state control under advertisement activity in the Donetsk People's Republic. The key parts of the International code of advertisement activity have been analyzed. The especialis of the justice practice in this problem have been revealed.

Keywords: the advertisement activity, administrative-justice guaranteeing, justice regulation, the subjects of the market, justice base.

Хоруженко Кристина Анатольевна
кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры гражданского
права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: star7_@mail.ru

Khoruzhenko Kristina
Candidate of Historical Sciences, Senior
Lecturer at the Department of Civil Law and
Procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: star7_@mail.ru

УДК 343.1;343.98

Шумаев Д. Г.
Овинникова Р. В.

ОЧНАЯ СТАВКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассмотрено становление очной ставки в истории отечественного правосудия. Определено ее место и значение в соревновательном, инквизиционном, а также в состязательном судопроизводстве. Намечены перспективы развития данного следственного действия.

Ключевые слова: история судопроизводства, следственное действие, очная ставка, доказательство, показания.

Становление криминалистической тактики имеет неразрывную связь с развитием уголовно-процессуальной науки. В ее границах происходит процесс разработки, теоретического обоснования, накопления средств, приемов, рекомендаций по работе с доказательствами. Эти сведения на определенном историческом этапе составили основу науки криминалистики.

Первоначально знания о приемах сбора, выявления, обработки, изучения доказательств, выходящие за рамки процессуальной теории, использовались в работах процессуалистов. И только со временем, увеличиваясь в объеме, накапливаясь и приобретая внутреннее единство и согласованность, такие сведения оформляются в самостоятельную науку – криминалистику. Формирование самостоятельных, специфических областей знания, составляющих предмет изучения криминалистики, целесообразно рассмотреть в историческом аспекте.

Генезис института очной ставки как следственного действия представляет интерес с точки зрения выявления ее сущностного содержания. Объективное познание действующего уголовно-процессуального законодательства в части регламентации института очной ставки и соответствующей правоприменительной практики может быть полным и объективным при условии всестороннего изучения вопроса его становления и развития.

Исторический аспект развития института очной ставки представлен в работе Л. В. Батиева. Изучением процессуальной и криминалистической сущности очной ставки посвящены труды ряда ученых, среди которых О. Я. Баев, Е. А. Белкина, Тактические особенности очной ставки составляют предмет научных работ Д. К. Брагер, О. А. Ветровой, М. В. Головина, Ю. Е. Чайковской, Ю. В. Шляпникова. Изучением вопросов психологических основ очной ставки занимались такие ученые, как С. В. Абросимов, В. А. Бекетов, Е. А. Ботарева.

Цель статьи формулируем как установление исторических этапов становления процессуального порядка проведения очной ставки.

© Шумаев Д. Г., Овинникова Р. В., 2020

Процесс формирования и развития уголовного судопроизводства в различных государствах является сложным политико-правовым явлением. Процессуальные и следственные действия, тактика их проведения выступают средствами достижения целей уголовного процесса, служат целям защиты гражданина и государства от преступных посягательств.

Классическое определение очной ставки, с применением понятий уголовно-процессуального законодательства, представлено в энциклопедическом словаре [1]. Очная ставка в различные эпохи служила для получения судебных доказательств. Изучение памятников права, а также специальных научных источников, к которым можно отнести тексты монографий, статей, учебников и учебных пособий, свидетельствует о том, что институт очной ставки развивался во взаимосвязи с возникновением, генезисом, функционированием различных государственно-правовых институтов. К таковым, прежде всего, стоит отнести досудебное следствие и судопроизводство по уголовным делам, а также криминалистическую тактику.

Элементы очной ставки существовали еще в догосударственный исторический период. Общеизвестно, что коллективное сосуществование в первобытнообщинном строе требовало от членов такого общества соблюдения определенных правил поведения. Установлению истины, изобличению виновных в совершении того или иного наказуемого деяния служили так называемые «ордалии».

Первые сведения о применении средств и способов борьбы с преступностью закреплены в законах вавилонского царя Хаммурапи (1752–1750 г.г. до н. э.), в которых предписано использование документов как способа доказывания. В текстах Древнеримских законов XII таблиц (451–449 г.г. до н. э.) предусмотрена возможность проведения обысков. Законы Ману Древней Индии (II ст. до н. э.–I ст. н. э.) устанавливали требование коллегиальности судебного процесса, признавали доказательственное значение свидетельских показаний, а также признания обвиняемым своей вины [2, с. 21].

Вопрос обеспечения предупреждения преступности и борьбы с ней был предметом регулирования таких исторических актов, как законы Драконта в Древней Греции (621 г. до н. э.), «варварские правды» (раннефеодальные юридические кодификации германских народов), а также тексты Салической правды (V в.), Рипуарской и Бургундской правд (V–VI в. в.), Саксонской правды (IX в.), Польской правды (XIII в.) и других. Право в древние века и в период средневековья составляли своды законов, которые предусматривали комплексность правового регулирования, включали в свой состав нормы уголовного, общепроцессуального, гражданского, семейного, религиозного характера. При этом историки-правоведы отмечают отсутствие четкого разграничения материального и процессуального права. В раннефеодальных государствах Западной Европы уголовный процесс, существовавший нераздельно от гражданского, был соревновательным, основанным на обычаях и традициях, сформированных в догосударственный исторический период, когда вся власть, включая судебную, принадлежала общенародным сборам, выборным старейшинам либо вождям племен. Согласно «варварским правдам» уголовное преследование подлежало возбуждению по заявлению потерпевшей стороны, которая и формулировала обвинение, и предоставляла необходимые доказательства.

Лицо, осуществляющее судебные полномочия, ограничивалось теми доказательствами, которые были предоставлены сторонами. Его главной задачей было получить признательные показания от обвиняемого. Если же этого не происходило, то применяли «ордалии» и «суды божии»: испытания огнём, водой и железом. Применялся также и судебный поединок. Его использование было обязательным в том случае, если оппонирующая сторона обвиняла во лжи лицо, заявившее о нарушении его прав. Предполагалось, что божий промысел во время поединка не покарает невинного и обеспечит его победу над преступником.

Во времена Киевской Руси правовые вопросы решались судебным поединком при помощи ордалий по правилам, прописанным в Русской Правде. Анализ данного источника архаичного права свидетельствует о нормативно-правовом закреплении в нем очной ставки как следственного действия: «...иди на очную ставку, объяви, у кого взял, с тем и стань с очей на очи» [3, с. 28]. Фактическому и безапелляционному установлению вины лица служили физиологические показатели во время допроса и очной ставки: увеличение кровяного давления, сухость во рту, покраснение кожи и другие, возникающие из-за переживаний виновного по поводу возможного своего изобличения.

Историки отмечают наличие общности между Русской Правдой и Салической правдой. Эта общность проявляется, прежде всего, в соревновательности процесса, применении показаний свидетелей, ограничении устаревших обычаев, отсутствии разделения права на материальное и процессуальное. Досудебное расследование дела не производилось. Процесс вёлся сторонами, которые осуществляли сбор и предоставление необходимых доказательств, на основании чего дело рассматривалось судьей по существу. В качестве доказательств применялись свидетельства послухов (по делам об убийстве – в количестве семи, по другим делам против личности – достаточно было двух). Как средство доказывания применялся так называемый «свод» и «гонение следа». Интересно отметить, что «свод» являлся, по своей сути, очной ставкой, проводимой между потерпевшим и лицами, через руки которых прошла утраченная им вещь.

Так, можно заключить, что очная ставка – одно из первых процессуальных действий, известных как отечественному, так и европейскому судопроизводству. Становление и развитие этого следственного действия находилось в тесной связи с насильственными приемами получения показаний под пытками. В Судебнике Ивана Грозного 1497 г. впервые нормативное закрепление получили пытки, как источник изобличающих доказательств по уголовному делу [4, с. 129].

Ранее, в Древнем Риме уголовный процесс характеризовался карательным уклоном, пытки при производстве допросов, очных ставок были основным средством получения показаний от свидетелей и обвиняемых. Важно отметить, что поводом для применения пыток были факты противоречий, вменяемых в вину допрашиваемому лицу [5, с. 72].

Эпоха Средневековья характеризовалась превалированием показаний самих обвиняемых. Такие показания оформлялись в ходе допроса или же очной ставки, в качестве ведущего доказательственного свидетельства вины. Особое внимание в данный временной промежуток отводилось проведению допросов и очных ставок в

отношении лиц, обвиняемых в колдовстве. Средства орудий пыток, традиционно применяемых в средневековой Европе, составляли тиски для пальцев, тиски для ног, избиение плетью в лежачем или в подвешенном состоянии, растирание шеи веревкой, холодные ванны, «молитвенная лавка» и другие.

Можно видеть, что специфика проведения очной ставки в различных государствах определена, прежде всего, особенностями и уникальностью их исторического пути развития. Различные разновидности тактики проведения очной ставки отражают эволюцию организационных форм государственного устройства. В определенные исторические периоды имела место и взаимная рецепция правоприменительной практики в части реализации очной ставки в разных странах. Так, элементы французского уголовно-процессуального права были восприняты в Англии, но в розыском варианте: суды письменно оформляли материалы обвинения, а сами обвиняемые не имели права предоставлять суду свидетелей защиты и пользоваться услугами защитника. Очная ставка в английском уголовном процессе служила средством защиты обвиняемого [6, с. 157].

Во французской модели уголовного процесса значение очной ставки в Средние века было иным. Данное следственное действие рассматривалось в качестве метода устранения противоречий между доказательствами. Материалы досудебного следствия, содержащие отрицание вины, могли быть направлены, по согласию обвиняемого, для проведения дознания в жюри, во время которого под запись в протоколе без участия сторон судья допрашивал собранных в одном месте свидетелей.

Так, можно отметить, что уголовный процесс и в Англии, и во Франции эпохи Средневековья имел соревновательный характер, направленный на установление истины с участием сторон.

Соответственно историческому развитию государства происходило совершенствование правовых предписаний, приемов и средств изобличения виновных в совершении преступлений. В определенный исторический период возникает так называемый «инквизиционный процесс», при котором следственный аппарат производит расследование тайно, на основе изучения письменных доказательств. В XVI в. появились такие виды уголовного процесса, как «суд» и «розыск». Иными словами, уголовный процесс обозначают как обвинительный и как следственный, в зависимости от присущих ему приемов установления и изобличения виновных. К середине XVII в. процедура расследования преступлений приобрела судебно-розыскной характер. Стали применяться обыск, опрос, очные ставки, розыск справок в наказных крепостных книгах и кадастровых документах, выемка документов и вещей.

Согласно Российскому Соборному уложению 1649 г., для проверки показаний ранее допрошенных лиц предусматривалось проведение очной ставки. С целью избегания неправдивых обвинений данный акт был узаконен и обозначен как способ проверки показаний «с глазу на глаз ставить со многими людьми». По делам о политических преступлениях, а также по некоторым другим преступлениям было допущено применение пыток в процессе очной ставки [4, с. 125].

Конец XVII в. ознаменовался поворотом в сторону придания уголовному процессу розыскного характера. Времена правления Петра I ознаменовались принятием 21 февраля 1697 г. Именного указа «Об отмене в судных делах очных ставок...» [7],

которым соревновательность была заменена инквизиционностью. Вводилась главенствующая роль суда в уголовном судопроизводстве, устанавливалась формальная система доказательств [8, с. 125]. Следует отметить, что термин «розыск» в то время имел двойственное значение. С одной стороны, под ним понималось установление истины, а с другой, – особая форма судопроизводства, следственный процесс. Розыскной процесс традиционно и в дальнейшем допускал приемы и средства получения доказательств, отвечавших критерию соревновательности.

В период правления Екатерины II применение пыток приобрело законодательное ограничение. В губернских судах для их применения требовалось разрешение губернатора. Окончательно пытки при производстве допросов и очных ставок были отменены в 1801 году при Александре I. Последующая судебная реформа 1864 года внедрила систематизацию порядка проведения следственных действий. На развитие системы знаний о приемах и средствах расследования преступлений значительное влияние оказала кодификация в форме Свода законов Российской империи 1832 г. и Уложения 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных. Увеличение количества нормативных правовых актов, регламентирующих приемы и средства расследования преступлений, а также правоприменительная практика требовали систематизации действующих норм, более детального описания порядка производства следствия. Это стало объективной предпосылкой необходимости теоретического исследования организации и тактики проведения расследования. Одной из первых известных в России работ, содержащих рекомендации по проведению следственных действий, является труд Ивана Посошкова «Книга о скудности и бедности» (1724 г.). Систематизированное изложение способов расследования преступлений представлено в работе Петра Раткевича «Зерцало правосудия» (1805 г.).

Подробный обзор нормативной базы проведения очной ставки в ее историческом развитии изложен в монографическом исследовании А. К. Давлетова [9, с. 10]. Данная работа представляет интерес в части регулирования института очной ставки в СССР. Автор отмечает, что в следственной практике имела место неполнота процессуальной регламентации очной ставки по УПК РСФСР 1922 и 1923 г.г. Такие пробелы в законодательстве были устранены путем принятия УПК союзных республик в период 1959–1961 г.г. Так, генезис института очной ставки можно условно разделить на два этапа, которые, в свою очередь, закрепляют дуальность ее сущности как следственного действия в рамках уголовного процесса и в рамках криминалистической тактики. Первый этап – это возникновение и становление очной ставки как следственного действия, а также криминалистической тактики по его эффективному проведению. Второй этап – формирование и совершенствование данного института, а также, в целом, криминалистической тактики. По мнению автора, такая периодизация подразумевает рассмотрение очной ставки в ее исторически-традиционном понимании. Современные тенденции цифровизации судопроизводства допускают проведение очной ставки в удаленном режиме [10].

Произведен ретроспективный анализ возникновения и развития очной ставки как следственного действия. Показано, что с начала своего зарождения, с античных времен, изменялись ее содержание и форма, требования к количеству участников, оценке результатов. Современные требования к участникам, как ранее допрошенным

лицам, определилось в отечественном уголовном судопроизводстве сравнительно недавно. Цель данного следственного действия, как устранение противоречий между показаниями ранее допрошенных лиц, сформулирована в законодательстве советского периода. Дальнейшее совершенствование очной ставки видится в связи с внедрением дистанционной формы участия представителей сторон в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с.
2. Криминалистика: учебник / под ред. доктора юридических наук, профессора Е. П. Ищенко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. – 748 с.
3. Хрестоматія з історії держави і права України: навч. посіб. / упоряд.: А. С. Чайковський (кер.), О. Л. Копиленко, В. М. Кривоніс, В. В. Свистунов, Г. І. Трофанчук. – К.: Юрінком Інтер, 2003. – 656 с.
4. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Часть 1: учебное пособие / сост. И. Ю. Маньковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 246 с.
5. Омельченко, О. А. Римское право: учебник / О. А. Омельченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ТОН-Остожье, 2000. – 208 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2 / отв. ред.: Горский А. Д.; под общ. ред.: Чистякова О. И. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
7. Российская империя. Законодательство Петра I. Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах: Именной указ от 21 февраля 1697 г. / Извлечение из книги Законодательство Петра I. 1696–1725 годы (составитель, автор предисловия и вступительной статьи В. А. Томсинов). – М.: «Зерцало», 2014. – С. 28–47.
8. Батиев, Л. В. «Суд» как стадия русского состязательного процесса и его трансформация в конце XVII–XVIII в. / Л. В. Батиев // Актуальные проблемы российского права. История. Исторические науки. – 2018. – № 11(96). – С. 124–130.
9. Давлетов, А. К. Очная ставка на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. К. Давлетов; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград: [б. и.], 1961. – 17 с.
10. Моисеев, А. М. Дистанционное участие эксперта в судебном заседании / А. М. Моисеев, Н. А. Панько // Вестник Донбасской юридической академии. – Вып. 8. – Донецк: ДЮА, 2019. – С. 78–88.

Поступила в редакцию 21.09.2020 г.

CONFRONTATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The formation of a confrontation in the history of domestic justice has been considered. Its place and significance in the competitive, inquisitorial, as well as adversarial court procedure have been determined. The development prospects of this investigative action have been outlined.

Keywords: history of court procedure, investigative action, confrontation, evidence, testimony.

Шумаев Дмитрий Геннадиевич

старший преподаватель кафедры
криминалистики
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая
академия»
ДНР, г. Донецк
E-mail: dimasik.gov@mail.ru

Shumaev Dmitrii

Senior Lecturer, Department of Criminalistics
of Donbass Law Academy
DPR, Donetsk
E-mail: dimasik.gov@mail.ru

Овинникова Раиса Витальевна

ассистент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

Ovinnikova Raisa

Assistant of the Department of Theory and
History of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных

источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2020. – № 2

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 30.10.2020 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл. печ. л. 13,14.
Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: +38(062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.